

**ТАДЖИКСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ САДРИДДИНА АЙНИ**

На правах рукописи

УКД: 800.859:809.155.0+802.0 (81:81.2 Тадж.+81.2англ.)

К-12

РОБИЯИ ШЕРАЛИ КАЮМЗОДА

**РЕПРЕЗЕНТАЦИИ МИКРОПОЛЯ ЭМОЦИИ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ
ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ТАДЖИКСКОГО И АНГЛИЙСКОГО
ЯЗЫКОВ)**

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание учёной степени доктора философии (PhD), доктор по
специальности 6D021300 – Языкознание (6D021310 – Типологическая и
контрастивная лингвистика)

Научный руководитель:

доктор филологических наук,
профессор Джамshedов Парвонахон

Душанбе - 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕКСИКИ ЭМОЦИЙ В ТАДЖИКСОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ.....	18
1.1. Понятие эмоции в лингвистике и основные подходы в исследуемых языках.....	18
1.1.1. Когнитивный подход изучения эмоции	33
1.2. Семантическая структура эмоциональных лексем в таджикском и английском языках	47
1.3. Микрополе как структурная единица лексико-семантического поля эмоций в исследуемых языках	54
1.4. Классификация и компоненты микрополя эмоций в лингвистическом аспекте таджикского и английского языков.....	65
ГЛАВА 2. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МИКРОПОЛЯ ЭМОЦИЙ В ТАДЖИКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ.....	75
2.1. Национально-культурная специфика выражения эмоций в исследуемых языках.....	75
2.2. Лексико-семантический анализ ключевых эмоциональных единиц в таджикском и английском языках.....	88
2.3. Контекстуальные особенности выражения эмоций в художественных текстах (на материале произведений Садриддина Айни, Раҳима Джагила, Фазлиддина Мухаммадиева и др).....	96
2.4. Сопоставление с англоязычными аналогами и выявление типологических особенностей в разноструктурных языках.....	106
ГЛАВА 3. СТРУКТУРНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МИКРОПОЛЯ ЭМОЦИЙ В ТАДЖИКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ.....	124
3.1. Некоторые особенности эмоциональных концептов в англоязычной лексике с использованием неологизмов.....	124
3.2 Лексико-семантические особенности эмоциональной лексики	

английского языка и её перевод на таджикский язык.....	134
3.3. Отражение эмоций в английской художественной прозе (на материале произведений Чарльза Диккенса, Джейн Остин и др.).....	142
3.4. Сравнительный анализ прагматических функций и языковых средств выражения эмоций в таджикском и английском языках	151
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	169
РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ПРАКТИЧЕСКОМУ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ	174
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	175
ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ.....	196

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационное исследование посвящено теме «Репрезентация микрополя эмоции в разноструктурных языках (на материале таджикского и английского языков)» и направлено на комплексное изучение способов языкового выражения эмоций в сопоставляемых языках. В работе рассматриваются теоретические основы лингвистического анализа эмоций, выявляются лексико-структурные и семантические группы эмотивных фразеологических единиц глагольного типа, а также проводится их сравнительный анализ в таджикском и английском языках.

Актуальность темы исследования. Эмоции играют важную роль в формировании человеческого мышления и поведения, что неизбежно находит отражение в речевой деятельности. Эмотивная лексика фиксирует глубинные особенности национального сознания, культурных ценностей и менталитета народа, а её изучение позволяет более полно понять способы концептуализации действительности в разных языковых сообществах. В. Эдмонсон справедливо отмечает: «они касаются не столько того, как их выражать, сколько того, в каких условиях это средство разрешено» [187, с. 64].

Особое значение в исследовании эмоциональной сферы личности имеют взгляды зарубежных психологов, рассматривающих эмоции как важнейший фактор познавательной и социальной деятельности человека. Так, американский психолог Кэррол Изард подчёркивал, что эмоции не являются лишь реакцией на внешние раздражители, а активно участвуют в формировании мыслительных процессов. По мнению учёного, эмоциональные состояния оказывают непосредственное влияние на восприятие окружающей действительности, принятие решений, оценку событий и поведение человека. В связи с этим эмоции выступают не только результатом когнитивной деятельности, но и одним из её определяющих факторов. Как отмечает К. Изард, человеческие эмоции детерминируют мысли, направляя процесс познания и формируя отношение личности к окружающему миру [57, с. 247].

Дальнейшее развитие данная идея получила в концепции эмоционального интеллекта, разработанной Дэниелом Гоулманом. Исследователь рассматривает эмоциональный интеллект как совокупность способностей человека распознавать собственные эмоции и эмоции окружающих людей, контролировать эмоциональные реакции и эффективно использовать эмоциональную информацию в межличностном взаимодействии. По мнению Д. Гоулмана, «эмоциональный интеллект играет ключевую роль в процессе социальной адаптации личности, поскольку именно эмоции определяют характер взаимоотношений человека с окружающими, его способность преодолевать жизненные трудности и достигать поставленных целей» [192, с. 30]. В этой связи учёный подчёркивает, что «эмоциональный интеллект: такие способности, как умение мотивировать себя и проявлять настойчивость перед лицом разочарований; контролировать импульсивные действия и откладывать удовлетворение желаний; регулировать свое настроение и не позволять стрессу подавлять способность мыслить; сопереживать и надеяться» [192, с. 30].

Таким образом, взгляды К. Изарда и Д. Гоулмана свидетельствуют о том, что эмоции представляют собой неотъемлемый компонент психической деятельности человека, оказывающий существенное влияние на процессы мышления, коммуникации и социальной адаптации.

В условиях развития современной лингвистики особую значимость приобретают антропоцентрические направления исследования, в рамках которых язык рассматривается как средство отражения эмоционального, когнитивного и коммуникативного опыта человека.

В данном исследовании микрополе эмоции анализируется как составная часть лексико-семантического поля, объединяющая языковые единицы, репрезентирующие определённые эмоциональные состояния и переживания, такие как радость, гнев, страх и другие.

Актуальность настоящего исследования обусловлена возросшим интересом современной лингвистики к сопоставительному изучению

эмоциональной лексики, особенно в условиях активного развития межкультурной коммуникации и переводоведения. Несмотря на наличие значительного числа работ, посвящённых лексико-семантическому анализу эмоций в отдельных языках, проблема репрезентации микрополей эмоций в таджикском и английском языках до настоящего времени не получила комплексного и системного освещения. Это обстоятельство определяет научную значимость данного исследования и его вклад в развитие сопоставительной лингвистики.

Одной из центральных задач современной лингвистической науки является изучение человеческого фактора в языке, то есть отражения личности говорящего, его мышления, эмоционального опыта и ценностных установок в языковой системе. Язык в данном контексте рассматривается не как замкнутая формально-структурная система, а как динамичное явление, неразрывно связанное с сознанием, культурой и социальной практикой человека. Указанный подход получает особое развитие в рамках антропоцентрической парадигмы, согласно которой язык выступает одновременно средством выражения и инструментом формирования индивидуальной и коллективной картины мира.

Проявление человеческого начала в языке обнаруживается на всех уровнях его организации. На лексическом уровне оно выражается в наличии эмоционально-оценочных и аксиологических компонентов значения, посредством которых фиксируется субъективное восприятие действительности. Лексические единицы с выраженной оценочной семантикой отражают отношение носителя языка к явлениям окружающего мира. В грамматическом строе языка человеческий фактор реализуется через категории лица, времени и модальности, обеспечивающие возможность выражения позиции говорящего по отношению к сообщаемому. В дискурсе же языковая личность выстраивает речевое поведение с учётом коммуникативных задач, социальных норм и конкретного контекста общения.

Развитие когнитивной лингвистики, психолингвистики,

лингвокультурологии и социолингвистики убедительно показало, что язык функционирует как механизм репрезентации человеческого опыта и не может рассматриваться вне связи с носителем. В этом смысле антропоцентризм выступает не только как методологический принцип исследования, но и как теоретическая основа для осмысления природы языка и его многофункционального характера.

Современные лингвистические исследования подчёркивают, что язык аккумулирует элементы исторической памяти, культурных традиций и социальных представлений, отражая особенности мировосприятия конкретного языкового сообщества. В связи с этим обращение к проблеме человеческого начала в языке позволяет глубже раскрыть механизмы формирования смысла, интерпретации языковых единиц и реализации коммуникативного взаимодействия.

Степень разработанности темы исследования проблематика языковой репрезентации эмоций занимает устойчивое место в современной лингвистической науке и рассматривается в рамках различных теоретических направлений. Эмоциональная лексика изучается как с точки зрения её семантической структуры, так и в аспекте функционирования в речи, а также в связи с когнитивными, культурными и прагматическими факторами. Существенное значение в развитии теории лексико-семантического поля и описании эмоциональных микрополей имеют труды ряда отечественных и зарубежных исследователей.

В работах Ю.Д. Апресяна были заложены основы системного семантического описания эмоций в рамках концепции языковой картины мира, что позволило рассматривать эмоциональные значения как важный компонент лексической системы языка [7]. Значительный вклад в формирование лингвистической теории эмоций внес В.И. Шаховский, разработавший понятие эмоционального концепта и обосновавший необходимость комплексного анализа эмоций в языке и речи. Когнитивный подход к изучению лексики и концептуализации эмоциональных состояний

получил развитие в исследованиях Е.С. Кубряковой, где эмоции рассматриваются как «результат взаимодействия языковых и ментальных структур» [72, с. 11].

В трудах А. Вежбицкой особое внимание уделяется выявлению универсальных и культурно-специфических компонентов в лексике эмоций, что имеет принципиальное значение для сопоставительных и межкультурных исследований [24]. Работы Дж. Лакоффа и З. Кёвеша направлены на «изучение метафорических моделей эмоций и механизмов их концептуализации, что позволило по-новому осмыслить роль образного мышления в языковом выражении чувств» [79].

В отечественном языкознании среди диссертационных исследований, посвященных изучению природы эмоций, следует отметить работы А. Мамадназарова, М.М. Хакимова, С.А. Файзиевой, Ш.Б. Рахимовой, А. Рахимов, Х.А. Саидзода, З.К. Халиковой, З.А. Чоршанбиевой, М. Назировой, М.М. Бобоевой, Л.С. Сафяллоевой и др.

В работах указанных исследователей рассматриваются различные аспекты лексической семантики, экспрессивности и эмоциональности языковых единиц. Особое внимание уделяется изучению семантической структуры слова, взаимодействию денотативного и коннотативного компонентов значения, а также роли эмоционально-оценочных элементов в формировании коммуникативного эффекта высказывания. Исследователи подчеркивают, что эмоциональная окрашенность лексики является важным средством отражения субъективного отношения говорящего к окружающей действительности и способствует усилению выразительности речи.

Существенное место в трудах таджикских языковедов занимает также анализ фразеологических единиц, пословиц, поговорок и других устойчивых выражений, содержащих эмоционально-оценочные компоненты. В этих работах раскрываются особенности языковой объективации чувств и переживаний человека, способы выражения положительных и отрицательных эмоций, а также национально-культурная специфика эмоциональной картины

мира таджикского народа. Особый интерес представляют исследования, посвящённые стилистическим функциям эмоционально окрашенной лексики в произведениях таджикской художественной литературы, где эмоции выступают важным средством создания образности и характеристики персонажей.

Связь исследования с программами (проектами) и научными темами. Диссертационное исследование выполнено в русле положений «Государственной программы совершенствования преподавания и изучения русского и английского языков в Республике Таджикистан до 2030 года», утверждённой Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 30 августа 2019 года №438, Закон Республики Таджикистан «О государственном языке Республики Таджикистан» (от 05.10.2009, №553), «Программу развития государственного языка на 2020-2030 годы» (от 28.11.2020, №647), «Программу развития государственного языка Республики Таджикистан на 2012-2016 годы» (от 30.06.2012, №335), Постановление Правительства Республики Таджикистан «О правилах правописания таджикского языка и знаках таджикского языка» (от 30.06.2021, №268). Тематика работы непосредственно соотносится с приоритетными направлениями развития языкового образования, переводоведения и сопоставительного языкознания.

Тема диссертационной работы связана с научно-исследовательской темой кафедры языкознания и сопоставительной типологии Таджикского государственного педагогического университета имени Садриддина Айни.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Сопоставительный анализ таджикского и английского языков позволяет выявить как общие, универсальные закономерности выражения эмоций, так и специфические особенности, обусловленные различиями в языковой системе и национально-культурном контексте. В ходе работы соискателем изучен и обобщён широкий круг научных, художественных, учебных и методических источников, что позволило обосновать теоретические положения

исследования и выработать собственный аналитический подход.

Цель исследования. Целью диссертационного исследования является репрезентация микрополя эмоций в разноструктурных языках (на материале таджикского и английского языков), выявление его структурно-семантической организации, функциональных характеристик и национально-культурной специфики, а также установление сходств и различий в средствах вербализации эмоциональных состояний в сопоставляемых языках на материале художественных произведений.

Задачи исследования. В соответствии с целью работы поставлены следующие задачи:

- определить теоретические и методологические основы изучения микрополя эмоции в современной лингвистике;
- проанализировать эмоциональную лексику таджикского языка с точки зрения её семантической структуры и системной организации;
- исследовать языковые средства выражения эмоций в английском языке;
- осуществить сопоставительный анализ функционирования эмоционально окрашенных лексических единиц в художественных текстах таджикского и английского языков.

Объектом исследования являются языковые средства репрезентации эмоций в таджикском и английском языках. К ним относятся лексические, фразеологические и контекстуальные единицы, посредством которых в языке выражаются эмоциональные состояния, чувства, переживания и оценочные отношения человека к окружающей действительности. Исследование направлено на выявление особенностей функционирования данных языковых средств, а также универсальных и национально-культурных закономерностей их использования в сопоставляемых языках.

Предметом исследования является структурно-семантические, функциональные и лингвокультурные особенности репрезентации микрополя эмоций в разноструктурных языках (на материале таджикского и английского языков). В центре внимания находятся лексические и фразеологические

единицы, входящие в состав данного микрополя, их семантические связи, принципы организации, особенности функционирования в языковой системе и способы реализации в художественном тексте.

Теоретические основы исследования послужили труды отечественных и зарубежных учёных в области семантики, лексикологии, фразеологии, когнитивной лингвистики, лингвистики эмоций и сопоставительного языкознания. В работе используются положения, разработанные в исследованиях Н.Н. Амосовой, Е.Ф. Арсентьевой, И.В. Ахмановой, В.Г. Гака, В.Н. Телия, Е.А. Азарха, С.Б. Берлизон, Виноградова, А.И. Молоткова, А.В. Кунина, В.П. Жукова, Г.С. Гриня и других исследователей.

Существенное значение для формирования теоретической базы исследования имели также труды таджикских учёных, посвящённые проблемам лексической семантики, стилистики, фразеологии, языковой картины мира и функционирования языковых единиц в речи, в частности работы Ф.М. Турсунова, Д.М. Искандаровой, П. Джамшедова, Н. Гаффарова, Х.А. Саидова, А. Мамадназарова, Х. Маджидова, Д.М. Наджмиддиновой, М. Назировой, М. Рахимова, А. Рахматов, Р.Д. Салимзода, М.М. Хакимова, С.А. Файзиевой, Н.И. Формановской и др.

Изучению природы эмоций посвящены работы таджикских ученых такие как А. Мамадназаров, М.М. Хакимова, С.А. Файзиевой, Ш.Б. Рахимовой, А. Рахимов, Х.А. Саидзода, З.К. Халиковой, З.А. Чоршанбиевой, М.М. Бобоевой, Л.С. Сафяллоевой и др.

При разработке концептуальных положений исследования были использованы труды, посвящённые проблемам эмоций, эмоциональной семантики и языковой репрезентации эмоциональных состояний, представленные в работах В.И. Шаховского, Л.Г. Бабенко, Б.И. Додонова, К. Изарда, Н.А. Лукьяновой, Е. Ю. Мягковой, П.М. Якобсона и других учёных. Основу исследования составляют современные представления о взаимосвязи языка, мышления и эмоций, а также положения антропоцентрической и

когнитивной лингвистики, рассматривающие эмоции как важный фрагмент языковой картины мира и объект языковой концептуализации.

Опора на указанные теоретические положения позволяет проследить особенности языковой репрезентации эмоций в таджикском и английском языках с учётом их типологических различий и культурно обусловленных факторов.

Научная новизна исследования диссертационной работы заключается в том, что в ней впервые осуществлён комплексный сопоставительный анализ микрополей эмоций в таджикском и английском языках на материале подлинных художественных текстов. Исследование ориентировано на выявление закономерностей языковой репрезентации эмоциональных значений в разноструктурных языках и на описание особенностей их семантической и функциональной организации.

Новизна исследования конкретизируется в следующих положениях:

- впервые проведено системное сопоставление микрополей эмоций в таджикском и английском языках с учётом их структурно-типологических характеристик;
- выявлены и описаны лексико-семантические особенности выражения эмоциональных состояний в каждом из сопоставляемых языков, а также проанализированы способы их языковой репрезентации в художественном тексте;
- предложена типология эмоциональной лексики, основанная на её частотных, семантических и прагматических характеристиках в таджикском и английском языках;
- установлены универсальные и национально-специфические черты в выражении эмоций, отражающие различия в ментальных и когнитивных установках таджикской и англоязычной лингвокультур;
- разработан аналитический подход к изучению микрополей эмоций, который может быть использован в рамках сопоставительной лингвистики, межкультурной коммуникации и теории перевода.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Выявлено, что микрополе эмоций в таджикском и английском языках обладает системной организацией и включает совокупность лексических и фразеологических единиц, репрезентирующих различные эмоциональные состояния человека.

2. Определены репрезентация микрополя эмоций в таджикском и английском языках, который отражает не только универсальные способы выражения эмоциональных состояний человека, но и особенности национально-культурного восприятия окружающего мира.

3. Проведён сопоставительный анализ, выявивший наличие как общих закономерностей организации микрополя эмоций, так и специфических особенностей, обусловленных структурными и лингвокультурными характеристиками каждого из исследуемых языков

4. Использование многоаспектного методологического подхода позволяет рассматривать эмоциональную лексику не только как элемент лексико-семантической системы языка, но и как значимый компонент национальной языковой картины мира, что открывает перспективы для дальнейших сопоставительных исследований и развития межкультурного диалога.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования состоит в расширении и уточнении научных представлений о процессах концептуализации эмоций в языковом сознании носителей различных лингвокультур. В работе конкретизируются границы и внутренняя организация микрополя эмоций в таджикском и английском языках, а также выявляются универсальные и национально-специфические способы лексической и грамматической репрезентации эмоциональных состояний.

Полученные результаты вносят вклад в развитие теории лексико-семантического поля, теории концептов и когнитивной семантики, поскольку позволяют рассматривать эмоциональную лексику как структурированную систему, отражающую особенности ментального и культурного опыта языкового сообщества. Материалы исследования могут быть использованы

при дальнейшем изучении лингвокультурологических аспектов языка, в сравнительно-типологических описаниях, а также при разработке теоретических моделей анализа эмоциональной семантики.

Диссертационная работа способствует углублению теоретического понимания лингвистических механизмов выражения эмоций и может служить методологической основой для последующих исследований в области когнитивной, прагматической и сопоставительной лингвистики.

Практическая значимость исследования определяется возможностью применения его результатов в различных сферах лингвистической и переводческой деятельности. Выявленные лексико-семантические особенности эмоциональной лексики, а также описанные контекстуальные механизмы её функционирования могут быть использованы в образовательном процессе при преподавании курсов по лексикологии, стилистике, прагматике, сопоставительному языкознанию, а также теории и практике перевода.

Результаты анализа способов репрезентации эмоций в таджикском и английском языках имеют прикладное значение для межкультурной коммуникации, в частности при интерпретации и переводе текстов с высокой степенью эмоциональной насыщенности. Учёт культурно обусловленных различий в выражении эмоций способствует более точной передаче смысловых и оценочных оттенков и повышает эффективность коммуникативного взаимодействия.

Кроме того, собранный языковой материал и сформулированные выводы могут быть использованы в научно-методической работе при подготовке рефератов, курсовых, выпускных квалификационных и магистерских работ, а также при разработке учебных пособий, практикумов и глоссариев, направленных на формирование навыков анализа художественного текста и перевода эмоционально окрашенной лексики.

Степень достоверности результатов исследования. Достоверность и надёжность результатов диссертационного исследования обеспечиваются

научно обоснованной методологической базой, адекватным выбором методов исследования, соответствующих цели и задачам работы, а также логической взаимосвязью всех этапов исследования. Полученные выводы опираются на анализ достаточного и репрезентативного языкового материала, извлечённого из авторитетных художественных источников, что обеспечивает объективность и воспроизводимость результатов.

Надёжность исследования подтверждается использованием проверенных методов лингвистического анализа, точностью интерпретации языковых фактов, а также апробацией основных положений диссертации в научных публикациях и докладах. Представленные теоретические обобщения и практические рекомендации основаны на систематическом анализе эмпирического материала и имеют научно доказательный характер.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Сфера настоящего диссертационного исследования отвечает пунктам паспорта специальности 6D021300 – Языкознание (6D021310 – Типологическая и контрастивная лингвистика):

2.1. Исследование функциональных и структурных свойств языков вне зависимости от типа генетических отношений между ними;

3.1. Изучение и описание языка посредством его системного сравнения с другим языком/языками для выявления его особенностей;

5.1. Раскрытие сходств и различий языков (языкового строя) на базе самых общих и важных свойств языка, вне зависимости от генетического родства исследуемых языков.

Личный вклад соискателя учёной степени. Личный вклад соискателя учёной степени заключается в самостоятельной постановке научной проблемы, определении целей и задач исследования, а также в разработке теоретико-методологической базы анализа микрополей эмоций в таджикском и английском языках. Впервые в современной таджикской лингвистике осуществлено системное сопоставительное исследование репрезентации микрополя эмоций в разноструктурных языках на материале таджикского и

английского языков.

Существенным вкладом автора является выявление структурных и семантических особенностей репрезентации микрополей эмоций, а также определение универсальных и национально-специфических характеристик их функционирования в сопоставляемых языках.

Апробация и внедрение результатов диссертационного исследования.

Основные положения, результаты и выводы диссертационного исследования прошли апробацию в 2021–2026 годах в ходе участия автора в научно-теоретических и научно-практических конференциях республиканского и международного уровня.

Результаты диссертации были представлены в виде доклада на международных и республиканских научных конференциях: Международная научно-практическая конференция «Русский язык – язык мира и межнационального диалога» (г. Душанбе, 31.10.2023г.); Республиканская научно-практическая конференция «Актуальные вопросы изучения иностранных языков в современных условиях» (г. Душанбе, 5.03.2025 г.); международная научно-практическая конференция «Поликультурная коммуникация, роль языков, литературы и науки в развитии современного общества» (20 ноября 2025 г.) и т.д.

Диссертационная работа была обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры языкознания сопоставительной типологии Таджикского государственного педагогического университета имени С. Айни (протокол №10/4.2 от 28 мая 2026 года).

Публикации по теме диссертации. Основные научные результаты диссертационного исследования отражены в 5 научных публикациях, в том числе в 3 статьях, опубликованных в рецензируемых научных журналах, входящих в перечень ВАК при Президенте Республики Таджикистан.

Структура научной работы. Диссертационная работа состоит из введения, трёх глав, заключения, рекомендаций по практическому

использованию результатов исследования, списка использованной литературы, списка публикаций автора и приложения. Общий объём диссертации составляет 196 страниц компьютерного набора.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕКСИКИ ЭМОЦИЙ В ТАДЖИКСОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

1.1. Понятие эмоции в лингвистике и основные подходы в исследуемых языках

Во все времена люди испытывают и выражают одни и те же базовые эмоции: радость, горе, любовь, грусть, страх и другие. Накопленный эмоциональный опыт человечества позволяет говорить об универсальности эмоций, многие из которых отражают общечеловеческий опыт осмысления психической деятельности человека. Так, отмечается, что «некоторые отдельные эмоции являются универсальными, общекультурными феноменами. И кодирование, и декодирование ряда эмоциональных выражений одинаковы для людей всего мира, безотносительно к их культуре, языку или образовательному уровню» [160, с. 2].

Анализ различных концепций эмотивности позволяет выделить несколько основных направлений её исследования.

Согласно точке зрения ряда исследователей, эмоциональные элементы следует рассматривать как «смутные, переменчивые явления», внеязыковые по своей природе [175, с. 197]. В рамках данной концепции эмоции считаются выражающимися преимущественно внепонятийными средствами – посредством интонации, ритма и просодии.

Представители лексикоцентрических теорий эмотивности, напротив, рассматривают словарные единицы как основной способ репрезентации эмоций и относят к эмотивному фонду соответствующие классы лексем.

Так, Е.М. Галкина-Федорук отмечает, что «эмоциональное находится в одном ряду с интеллектуальным и волевым, и каждое из них находит свои способы выражения в языке. Экспрессия, экспрессивность может пронизывать как эмоциональное, так и интеллектуальное и волевое в их проявлении, поэтому экспрессивность значительно шире эмоциональности» [36, с. 107].

П.Е. Клобуков отмечает, что «...чтобы узнать, каким образом эмоция

как явление объективной действительности отражается в языке, мы должны в первую очередь исследовать основу существования и строения эмоции как внеязыкового феномена» [64, с. 110]. В связи с этим основное внимание уделяется языковым единицам, характеризующимся наличием коллективных и индивидуальных ассоциаций, обладающих эмоциональной значимостью для носителей языка.

В.И. Шаховский рассматривает эмотивность как семантическую характеристику языковых единиц. По его мнению, «эмотивность характерна для языка и для речи, поэтому речевую деятельность можно назвать эмотивной, а мыслительную — эмоциональной, если доминирующим компонентом является эмоциональный» [167, с. 103]. В то же время ряд исследователей, в частности Т. ван Дейк и И. В. Арнольд, рассматривают эмотивность как характеристику текста [10, с. 117].

В научной литературе представлены различные подходы к определению функций категории эмотивности. А.В. Кунин выделяет выразительную функцию эмотивности и определяет её как «эмоциональность в языковом преломлении, то есть чувственную оценку объекта, выраженную языковыми или речевыми средствами» [73, с. 149].

В.И. Шаховский также выделяет функции выражения, описания и обозначения эмоций, отмечая, что эмотивность представляет собой «результат преломления эмоционального компонента философской категории идеального в поле языка. Её содержание составляет обозначение различными языковыми средствами всего спектра эмоциональных состояний человека в их единстве и многообразии» [170, с. 174].

В.И. Шаховский в одной из своих работ поясняет: «Эмотивный - то же, что эмоциональный, но о языке, его единицах и их семантике. Эмотивность - имманентно присущее языку семантическое свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики...» [168, с. 24]. Несколько иной точки зрения придерживается Л.А. Пиотровская, которая определяет эмотивность как функцию языковых единиц, связанную с выражением

эмоционального отношения говорящего к объективной действительности [110, с. 42]. Имея в виду речевую реализацию функции эмотивности, в иной терминологии - эмоциональную, или экспрессивную функцию, Н.Б. Мечковская пишет: «если в высказывании прямо выражено субъективно-психологическое отношение человека к тому, о чем он говорит, то реализуется эмоциональная, или экспрессивная функция речи» [96, с. 18]. Однако вопрос о прямом выражении эмоций в речи не может быть решен однозначно. «Эмоциональное отношение говорящего может быть имплицировано, либо выражено «в сложной иносказательной форме», на что указывает О.Е. Филимонова [159, с. 10].

Еще А. Шлейхер утверждал: «Чувства, восприятия, волеизъявления язык прямо не выражает: язык - не непосредственное выражение чувства и воли, но только мысли. Если необходимо через посредство языка выразить чувства и волю, то это возможно делать только опосредованным путем, и именно в форме мысли» [172, с. 92]. Адекватное восприятие психологического состояния говорящего адресатом возможно лишь тогда, когда оно выражено опосредованно: «речевая системность жанрового типа оказывается бессильной перед непосредственным выражением психологического состояния человека (в результате попыток такого рода чаще всего порождаются крайне неуклюжие и примитивные тексты)» [172 с. 33].

Однако, Т.А. Ван Дейк и В.А. Маслова, придерживаются другой точки зрения: они выделяют, помимо перечисленных, функцию вызывания определенной эмоциональной реакции и состояния у реципиента. Согласно этому, «эмотивность - некое переживание субъекта, переработанное сознанием с помощью языковых сигналов и вызывающее эмоциональную реакцию на объект отображения, с другой стороны, эмотивность -это языковая категория, подразумевающая лишь те эмоциональные явления, которые связаны с выражением эмоционально-оценочного отношения, которые направлены на создание у слушателя эмоционального резонанса» [22, с. 182; 92, с. 118].

Ш. Балли считал: «выражение эмоций представляет собой центральную функцию языка. Он исследовал ряд вопросов: Откуда возникла эмоция? Исходит ли эмоция из слов и оборотов или идет от личности, которая произносит фразы? Существует ли эмоция в самом языке или в сознании говорящего? Зависит от ли она от обстоятельств произнесения речи, от ситуации? По его мнению, эмотивные компоненты существуют на всех этих уровнях, что подтверждается современными исследованиями» [16, с. 43].

Согласно В.И. Шаховскому, языкознание «не может дать исчерпывающий анализ языка, в том числе и эмотивности как одной из системных и функциональных характеристик». Эмоциональная сфера жизнедеятельности человека изучается в эволюционной и молекулярной биологии, физиологии, нейрофизиологии, психологии, кибернетики, философии, психо- и социолингвистики, общего языкознания, стилистики и ряде других [167, с. 6]. Строгое разделение смыслового и эмоционального в языке невозможно, на что указывает Г.В. Колшанский: «Поскольку высказывание всегда есть продукт мышления субъекта, оно изначально детерминировано как субъективный акт и по форме и по содержанию. Познавательный акт уже по своей природе содержит так называемый оценочный момент, который и есть не что иное, как произведенная субъектом мыслительная операция над предметом высказывания... Оценка содержится повсюду, где происходит соприкосновение субъекта познания с объективным миром» [67, с. 142].

Шарль Балли говорит о логической и эмоциональной доминантах речевого акта, которые находятся в неустойчивом равновесии друг с другом; однако, если та или иная доминанта окончательно вытесняет все противоположные элементы, то равновесие нарушается, в результате чего появляются две возможности: аффективное содержание поглощается логическим (что имеет место в предлогах, союзах, вспомогательных глаголах) или логическое содержание поглощается аффективным (междометия) [16, с. 182-183]. Между этими крайними случаями находится область трудно

расчленимых эмоционально-смысловых созначений, которые еще не были объектом специального научного рассмотрения.

Возвращаясь к вопросу о терминологии, отметим, что многие исследователи отождествляют эмотивную и экспрессивную функции языка. В работах Р. Якобсона находим высказывание о том, что «экспрессивная» или «эмотивная» функция (*emotive function*) имеет целью выражение отношения говорящего к высказыванию» [174, с. 350].

На наш взгляд, языковой характер категории эмотивности очевиден: существуют узуальные разноуровневые языковые средства, обладающие свойством эмотивности, о чем убедительно говорит В.И. Шаховский, характеризуя эмотивный компонент значения слова: «...та семантическая доля, с помощью которой языковая единица осуществляет свою эмотивную функцию» [167, с. 13]. Эмотив, по мысли ученого, -это «языковая единица, превалирующей функцией которой является выражение эмоций говорящего» [167, с. 13].

В.И. Шаховский: «Эмотивность, несомненно, является функционально-семантической категорией, так как отвечает всем ее признакам: общность семантической функции - выражение эмоций; взаимодействие лексических и грамматических элементов (эмотив-ность, как установлено, имеет формальное выражение на всех «этажах» языка - фонологическом, морфологическом, лексико-семантическом, фразеологическом, синтаксическом уровне структурных моделей); членение - центр - периферия и пр.» [170, с. 112-113]. Такое мнение на эмотивность изложена в работах Т. В. Романовой: «Конкретные эмоции человека являются большей частью аксиологически релевантными, а слова, их манифестирующие в языке, носят оценочный характер» [128, с. 129].

По мнению Л.Ю. Буяновой и Ю.П. Нечая, «эмотивность имеет как узуальный, так и ситуативно-речевой характер. В качестве аргументов ученые приводят словарные толкования эмотивов (например, *рыло* (о лице), *дружище* и т. п.), их употребление в речи и восприятие как эмотивных носителями языка

вне контекста» [21, с. 46]. Другую точку зрения мы сожем найти в работах Н. А. Лукьяновой, которая считает, что «эмотивность может не иметь языкового статуса, но в контексте и в определенной речевой ситуации выражать эмоциональное отношение говорящего к предмету речи» [87, с. 60].

Представленные теоретические положения не противоречат сущностным свойствам семантических категорий, которые, по утверждению А. В. Бондарко, представляют собой «универсальные («надязыковые») константы смысла, получающие различную системно-языковую и речевую интерпретацию в разных языках» [2, с. 23]. По мнению Г.П. Немца, «причиной, вызывающей эмоции более или менее высокого порядка, которые несут информацию о внешнем мире, является не физический объект, а оценочное суждение о нем. Это утверждение дает автору основания для трактовки эмоций как суждений» [105, с. 243-244]. Нельзя не согласиться с исследователями когнитивной структуры эмоций А. Ортони, Дж. Клоуром и А. Коллинзом в том, что «эмоции очень реальны и очень интенсивны, и все-таки они вытекают скорее из когнитивных интерпретаций окружающей действительности, чем непосредственно из самой действительности» [109, с. 318].

«Когнитивные интерпретации событий связаны с уровнем социализации языковой личности, объемом знаний о мире и его реалиях. При этом в каждой конкретной эмоциональной ситуации, в отличие от коммуникативной ситуации, отсутствие воспринимающего другого отнюдь не является препятствием для репрезентации эмоционального состояния. Более того, чем выше степень истинности и глубины эмоционального акта, тем менее он предполагает другого как объект интенции. Кроме того, когнитивный момент в эмоциональном сценарии не является «неизбежно осознанным» [13, с. 32].

Нельзя не согласиться с исследователями когнитивной структуры эмоций А. Ортони, Дж. Клоуром и А. Коллинзом в том, что «эмоции очень реальны и очень интенсивны, и все-таки они вытекают скорее из когнитивных интерпретаций окружающей действительности, чем непосредственно из

самой действительности» [109, с. 318]. Когнитивные интерпретации событий связаны с уровнем социализации языковой личности, объемом знаний о мире и его реалиях. При этом в каждой конкретной эмоциональной ситуации, в отличие от коммуникативной ситуации, отсутствие воспринимающего другого отнюдь не является препятствием для репрезентации эмоционального состояния. Более того, чем выше степень истинности и глубины эмоционального акта, тем менее он предполагает другого как объект интенции. Кроме того, когнитивный момент в эмоциональном сценарии не является «неизбежно осознанным» [15, с. 321].

«Эмоциональные состояния по-разному рассматриваются специалистами различных научных дисциплин. В сфере философии эмоции рассматривались в качестве составляющей протекания сознания в виде принятия или отвержения. В психологии эмоции рассматриваются в рамках психологии эмоций. В психологии под эмотивностью понимают материальное воплощение в знаках текста окружающей действительности, которая пристрастно отражена под воздействием эмоции» [66, с. 24].

«Эмоции являются продуктом социального развития и воспитания, чувства и эмоции, которые испытывает человек, возникают в процессе общения, совместной деятельности людей в самых различных областях жизни. Эмоции выступают в качестве субъективной оценки». Ученые говорят о двух антонимических вариантах эмоциональной оценки: положительной (мелиоративной) эмоциональной оценке и отрицательной (пейоративной) эмоциональной оценке. «Под эмоциональной оценкой понимается эмотивное отношение субъекта речи к обозначаемому, выдаваемое за признак оцениваемого объекта» [143, с. 36].

В старейшей англоязычной универсальной энциклопедии «The Cambridge Encyclopedia of the English Language» говорится, что «эмоция - это сложное переживание душевных и телесных ощущений, а также поведенческих, отражающих значимость вещи, события или положения дел для человека (гнев, жалость, страх, горе, радость, уныние)» [183].

Дифференциация эмоций на позитивные и негативные условна, поскольку одно и то же психическое состояние может представлять собой сложное единство противоположных переживаний. Критерий выделения двух ассиметричных пластов эмотивной лексики носит исключительно языковой характер. Следует подчеркнуть, что в данном случае речь идет не о собственно оценке, а о «квазиоценке», так как эмоциональное состояние может расцениваться как положительное / отрицательное лишь с точки зрения «общего мнения»: когда человек веселится - это хорошо, когда печалится – плохо» [32, с. 320].

В филологии под эмотивностью понимают «факультативную эмоциональную составляющую значения, признавая при этом, что чисто лингвистические подходы и методы исследования неприменимы к этому феномену» [46, с. 66].

В девяностых годах девятнадцатого века появляется новая парадигма лингвистических исследований - когнитивная лингвистика. Одна из основных задач - «исследование ментальных процессов обработки естественного языка: построение модели его понимания, его восприятия и его продуцирования» [72, с. 35].

В рамках когнитивной парадигмы с восьмидесятых годов разрабатывается лингвистика эмоций «эмотиология». Сама область исследования - эмотивность языка, речи и текста - обуславливает фундаментальность, теоретическую и практическую значимость лингвистических работ, выполняемых в этом направлении, и глобальность их перспектив.

Таким образом, «эмотиология становится одной из передовых сфер традиционного языкознания. Задача эмотиологии состоит в исследовании субъективных компонентов значения единиц языка, а также в формировании и структурировании знаний об эмотивном коде языка» [167, с. 5].

В целом, «данная наука занимается изучением языкового отражения эмоций, как психической сущности, так и как реального явления

действительности или как формы оценки субъектом объекта внешнего мира» [81, с. 47].

Следует отметить, что «эмотиология объединяет в себе когнитивную психологию и лингвистику. В исследованиях по эмотиологии используются полученные в других областях знания об эмоциях, в частности, данные когнитологии, на основе которых разрабатывается лингвистическая концепция эмоций. Поэтому многие лингвисты определяют эмотиологию как науку о вербализации, выражении и коммуникации эмоций» [81, с. 283]. «На сегодняшний день «эмотиология является сферой научных интересов многих ученых-лингвистов, которые в рамках системно-структурного языкознания сумели определить приоритетные направления в развитии антропоцентрической науки второй половины XX века» [167, с. 4].

В лингвистике изучаются как вербальные, так и невербальные выражения эмоций. Согласно некоторым ученым, в структуре языка нет эмоционального компонента, и что в языке нет эмоциональной лексики. Другие ученые несколько абсолютизируют эмоциональный компонент высказывания, уделяя ему большое внимание. Они полагают, что любое высказывание эмоционально. По их мнению, эмоционально неокрашенного стиля не существует. Последней точки зрения придерживается В.Г. Гак. В своих работах, при анализе эмоционального аспекта высказывания, он обращал внимание на эмоции и оценки [34, с. 35].

В рамках эмотиологии эмоции рассматриваются в тесной связи с когнитивными процессами, их связь обосновывается тем, что когниция вызывает эмоции, так как она эмоциогенна, а эмоции влияют на когницию, так как они вмешиваются во все уровни когнитивных процессов. Поэтому суть лингвистической концепции эмоций заключается в том, что «человек (субъект) отражает в существующем мире только необходимое или ценное в данный момент. Процесс отражения эмоций регулирует эмоции, так как именно они являются посредниками отражения мира в языке за счет того, что они выражают важность объектов мира для говорящего и слушающего» [81, с.

559].

Объектом эмотиологии является языковая категоризация эмоций и полистатусная презентация когнитивно-дискурсивной категории эмотивности. «Эмотивность есть имманентно присущее языку семантическое свойство выражения эмоциональности как факта психики системой своих средств, отраженные в семантике языковых единиц социальные и индивидуальные эмоции» [167, с. 192].

Однако, следует отметить, что «сегодня ощущается недостаток фундаментальных работ по данной проблеме, что является причиной отсутствия четко разработанного терминологического аппарата по лингвистике эмоций; недостаточно стройной концепции и принципов изучения выражения эмоций в языке и речи, неполного описания особенности тех сфер употребления языка, где эмотивность имеет важное значение» [81, с. 282].

Шаховский В.И. пишет, что «эмоции - одна из форм отражения мира, отношения, в которых они находятся к человеку, т.е. не свойства предметов и явлений, а их значение для жизни человека. Эмоции являются способом оценки этого значения для конкретного человека и через нее - информацией о состоянии внутреннего «я», его сознания и психики. Эмоции есть только там, где есть интерес и отношение» [167, с. 24-25]. Шаховский В.И. говорит о диалектической связи языка, мышления и действительности, ему принадлежит такое понятие, как «эмоциональное мышление» - психический процесс, содержанием которого является потребность выразить эмоции, связанные с квалификативной деятельностью человека» [167, с. 8]. Данная связь языка, мышления и действительности является методологическим в исследовании семантической категории эмотивности, основой для такого методологического положения, как коммуникативная связь языка и речи, сочетаемость языковых единиц, задаваемая коммуникативными намерениями говорящих.

В.И. Шаховский исследует такое понятие, как «эмотивный компонент

значения». Под эмотивным компонентом значения он понимает «семантическую долю, с помощью которой языковая единица осуществляет свою эмотивную функцию». «Эмотив - это языковая единица, выполняющая функцию выражения эмоций говорящего (адресанта) и / или эмоционального воздействия на слушающего (адресанта). К нему относятся любые лексемы, которые можно использовать для выражения эмоции (например, аффиксы эмотивно-субъективной оценки, корневое / производное слово, фразеологическая единица, синонимические ряды, периферию которых составляют эмотивно окрашенные варианты лексем, антонимические ряды)» [167, с. 9]. Эмотивное значение не существует в чистом виде, по мнению В.И. Шаховского, оно сочетает в себе компонент эмоционального и интеллектуального, поскольку социологизированных эмоций не бывает без мыслительной деятельности.

Выделение эмотивного значения является проблематичным и дискуссионным. Проблемы эмотивной семантики, проблемы лексикографического отражения эмотивности, адекватного ее перевода на иностранные языки, языкового и речевого варьирования эмотивности и другие проблемы не имеют в современной лингвистике однозначного решения. Кроме этого, в настоящий момент разрабатываются методы исследования эмотивности как коммуникативного аспекта английского языка. Наименее ясен для лингвистов вопрос о соотношении эмотивности и коннотации, а также эмотивности как объекта семасиологии с одной стороны, и стилистики, с другой. Это является лишь небольшой частью проблем лингвистической эмоциональности, входящих в теорию эмотивной прагматики языка, то есть теорию эмоциональной воздействующей функции языка. Необходимо отметить, что эмотивность речи выражает и психическое состояние говорящего, поэтому считается, что у эмоциональности есть и психолингвистический аспект. Речь человека управляется не только языковыми, но и психологическими факторами. Поэтому, в работах лингвистов встречается термин «психосемантика» [154, с. 261]. Эмотивная

номинация языка является одной из областей «психосемантики» речевого поведения человека, характеризуется прагматическими (воздействующими) функциями. Отсюда теория психологической структуры значения (А.А. Леонтьев), предложение выделить психолексикологию (G.A. Miller), а в ней самостоятельный раздел - психосемантику. В настоящее время разрабатывается методика ассоциативного эксперимента такими лингвистами, как I. Deese, R.D. Eltic, T. Green, Dan I. Slobin, а также создаваемые словари ассоциативных норм того или иного языка.

Шаховский В.И. выделяет термин «эмотивная коннотация» - «сопутствующее тому или иному звуковому комплексу или значению слова, эмоции, благодаря которым оценка того, о чем (о ком, кому) говорят, воспринимается как эмоциональное одобрение (неодобрение)». С помощью коннотации «кодировано выражается эмоциональное состояние говорящего и обусловленное им отношение к адресату, объекту и предмету речи, ситуации, в которой осуществляется данное речевое общение» [32, с. 14].

Согласно лингвистам (В.И. Шаховский, Е.Я. Нудельман, Г.В. Танькова), коннотативный аспект значения составляют определенные семантические микрокомпоненты, которые осуществляют эмотивную функцию слова, и через которые слово соотносится с экстралингвистическими областями эмоциональной квалификации предметов (денотата или какого-либо его представителя). У лингвистов разные точки зрения по поводу компонентов, которые входят в состав лексического значения слова. С точки зрения современного уровня развития теории лексического значения слова можно только приблизительно говорить о некоторых его структурно-семантических долях - денотативном и прагматическом аспектах. Денотативные слова содержат только название предмета и его сущностные признаки, которые отличают его от других предметов. Данные слова имеют предметное значение, которое традиционно называется предметнологическим. Прагматические слова содержат денотативные обозначения предметов и имеют эмоциональное отношение к обозначаемому предмету. Эти слова имеют бинарную структуру

их значения.

Традиционно в семантическую структуру коннотации лингвисты включают эмоциональный, экспрессивный, оценочный и стилистический компоненты значения. Стернин И.А. и Лукьянова Н.А. исключают стилистический компонент. Согласно точки зрения В.И. Шаховского, «семантическим стержнем коннотации является эмотивный компонент, а эмоция всегда оценочна и экспрессивна. Однако оценочный и экспрессивный компоненты являются компонентами денотации. Стилистический компонент тоже не коннотативен». По концепции В.И. Шаховского, только эмотивность коннотативна [167, с. 14].

Исследование лексики эмоций в разноструктурных языках предполагает обращение к комплексу теоретических и методологических положений современной лингвистики. Следует отметить, что анализ эмоциональной лексики таджикского и английского языков требует учёта не только семантических, но и лингвокультурных факторов.

А.А. Уфимцева подчеркивает: «изучение лексики как системы позволяет студентам глубже понимать язык и развивать свои языковые навыки. По мнению А.А. Уфимцевой, «анализ лексической структуры считается важным и актуальным для изучения других языков, включая таджикский, как и английский, имеет сложную лексическую систему, в которой слова связаны различными способами» [153, с. 126].

В таджикском языке вербализация эмоций тесно связана с традиционными морально-этическими представлениями и религиозным мировоззрением. Эмоциональные состояния нередко передаются посредством образных выражений, в основе которых лежат соматические и телесные метафоры. Так, устойчивые сочетания типа **«дил хун шуд»** (букв. **«сердце стало кровью»**) или **«аз алам месӯзам»** (букв. **«сгораю от боли»**) отражают восприятие душевных переживаний через призму физического страдания, что является характерной особенностью восточной языковой картины мира. «...когниция вызывает эмоции, так как она эмоциогенна, а эмоции влияют на

когницию, так как они вмешиваются во все уровни когнитивных процессов» [183, с. 280].

В английском языке также широко представлены метафорические средства выражения эмоций, ср.: **My heart was broken, burning with rage, overcome with grief**. Однако, в отличие от таджикской языковой традиции, здесь чаще акцентируется индивидуальное переживание и субъективная оценка эмоционального состояния, что соответствует ценностям англоязычной культуры, ориентированной на личную автономию и психологическую открытость.

Признается и существование коннотации как вторичной семиотической системы языка. В связи с этим некоторыми лингвистами термины эмоций определяются как коннотативно-ассоциативно-эмотивные. Л. Оманди изучает способы наименования эмоций в одном из африканских языков [203, с. 87]. А.

Вежбицкая анализирует «номинацию гнева, жалости и других эмоций на материале немецкого, русского, польского и английского языков» [180, с. 20].

Лингвокультурологический подход позволяет рассматривать эмоциональную лексику не только как средство коммуникации, но и как важный компонент формирования языковой картины мира. Метафорические и фразеологические единицы, репрезентирующие эмоции, выполняют мировоззренческую функцию, аккумулируя и передавая коллективный эмоциональный опыт, закреплённый в языке и культуре народа.

Л. Г. Бабенко развивает данную мысль и говорит, что «все же можно выделить эмотивы в их словарном значении, то есть в языке, поскольку слова могут не в равной степени сочетаться и вбирать эмотивные смыслы в свою семантику». Следовательно, можно заявить о некой эмоциональной шкале переходности» [15, с. 51].

Сопоставительный анализ таджикской и английской эмоциональной лексики с позиций лингвокультурологии позволяет выявить глубинные различия в способах концептуализации чувств и механизмах их языковой репрезентации. Полученные данные имеют прикладное значение для теории и

практики обучения иностранным языкам, переводоведения и межкультурной коммуникации, поскольку способствуют более точному пониманию эмоциональных смыслов и предотвращению коммуникативных сбоев в процессе взаимодействия представителей разных культур.

Сравнение таджикского и английского языков обнаруживает как универсальные закономерности в выражении базовых эмоций (например, «хурсандӣ» / **joy**, «тарс» / **fear**, «ғам» / **sadness**), так и культурно обусловленные различия, проявляющиеся в специфических лексемах и идиоматических конструкциях. Для таджикского языка характерно широкое использование образных, поэтизированных средств передачи эмоциональных состояний, тогда как в английском языке чаще преобладают нейтральные и стандартизированные формы номинации чувств.

В современной лингвистике эмоции рассматриваются как один из ключевых компонентов коммуникативной деятельности человека. Они выполняют оценочную, регулятивную и интерактивную функции и находят отражение на различных уровнях языковой системы — в лексике, фразеологии, интонации и грамматическом строе языка. Как утверждает Ю.С. Степанов, «эмоции представляют собой ментальные системы знаний и оценки», [144, с. 11-13] тем самым соглашаясь с К. Изардом в том, что «обе системы (эмоциональная и когнитивная) взаимозависимы и модулируют эмотивные состояния и когнитивные процессы» [56, с. 48]. Е.М. Вольф также указывает на то, что «в основе эмоции лежит оценка, определенное мнение об объекте» [32, с. 217-219]. Проанализировав употребление эмотивных и ментальных предикатов, автор приходит к мысли о том, «что эмоциональных предикатов как таковых не существует в чистом виде. Каждый из них, так или иначе, включается в рациональный элемент» [32, с. 219]. Л.Г. Бабенко подчеркивает «нерасторжимость рационального и чувственного, физиологического и эмоционального» [15, с. 14].

В этой связи особое значение приобретает анализ теоретических подходов к изучению эмоциональной сферы.

1.1.1. Когнитивный подход изучения эмоции

С точки зрения когнитивной лингвистики эмоции интерпретируются как ментальные концепты, структурированные в сознании носителей языка и репрезентируемые посредством прототипов, концептуальных метафор и образных схем. Язык в данном случае выступает средством концептуализации эмоционального опыта, основанного на телесных и перцептивных ощущениях человека. Е.С. Кубрякова подчеркивает, что «концептуальная картина мира существует в нашей психике в виде ментальных репрезентаций, таких как образы, схемы и картинки. Это значит, что наше понимание мира не ограничивается только словами; мы используем и другие формы мышления. Образы как абстрактные идеальные объекты: знания о мире, полученные из реальной жизни, трансформируются в нашей голове в абстрактные образы. Эти образы – не просто копии реальности, а идеализированные и обобщенные представления» [72, с. 34].

В. А. Звегинцев утверждал, что при анализе «связанных со словом эмоционально-экспрессивных моментов как элементов значения слова происходит смещение объективных и субъективных планов», а также «подобные добавочные экспрессивно-эмоциональные «созначения» не могут быть поставлены в один ряд с тем предметно-логическим содержанием слова, которое фиксируется его значением, не могут входить составным элементом в значение слова, поскольку эти «созначения» не являются объективными в языковом плане явлениями» [52, с. 170-171].

Н.М. Разинкина и Е.Ф. Тарасов опровергают это положение, аргументируя тем, что «в сферу эмоциональной выразительности включены чувства, связанные с отношениями коммуникантов, которые социализированы. Социализация чувств обусловлена тем, что каждый член социума несет в себе определенный психический уклад и проявляет эмоции в форме, характерной только для конкретного общества. Следовательно, субъективными качества языка являются только по своему происхождению, с точки зрения их психологического генезиса, но в реальной действительности

они существуют как объективные свойства языковых знаков». Мы имеем право утверждать, что в самом языке, а не только в психологии говорящих и пишущих, существует объективная эмоциональность [147, с.16].

Две изложенные точки зрения разделяют порядка десяти лет, что свидетельствует об определенном качественном сдвиге в изучении рассматриваемой проблемы. Кроме того, обратим внимание на то, что первая существовала неизбежно многие десятки лет, если не сотни.

Анализируя познавательные и эмоциональные процессы, психологам Л.С. Выгодскому, С.Л. Рубинштейну, А.Н. Леонтьеву удалось доказать ошибочность опосредованности эмоциональной сферы от сферы мышления. В трудах Л. С. Выготского аргументировано утверждается о единстве интеллекта и аффекта [33, с. 157-159]. С.Л. Рубинштейн доказывает, что «мышление представляет собой единство интеллектуального и эмоционального, а эмоция - единство эмоционального и интеллектуального» [130, с. 161].

По мнению А.Н. Леонтьева, «мышление имеет эмоциональную (аффективную) регуляцию» [80, с. 243]. О.К. Тихомиров пишет о том, что «эмоции, аффекты и чувства, т.е. любые эмоциональные явления сопряжены с интеллектуальной деятельностью, и, наоборот, для эффективной мыслительной деятельности нужна эмоциональная активизация» [150, с. 91]. Исследования Н.В. Витт убеждают «в существовании эмоциональной регуляции речевой деятельности» [30, с. 38]. В отечественной психологии, опережая развитие науки за рубежом, в результате переосмысления, детального анализа и экспериментальных исследований влияния эмоций на когнитивную и речевую деятельность, был выделен особый тип мышления - эмоциональное мышление (см. И.А. Васильев, В.Л. Прилужный, О.К. Тихомиров), что в очередной раз доказывает: эмоции включены в когнитивные структуры и сознание и сопряжены с ментальными процессами.

Одной из наиболее изученных эмоций в рамках когнитивного анализа является концепт «гнев» (*anger / хашм*), который в английском и таджикском

языках реализуется через устойчивые, но культурно различающиеся метафорические модели. По структурно-семантическим признакам в состав ближней периферийной системы концепта «Гнев» можно включить лексемы *негодование, возмущение, раздражение*, т.к. «основными признаками лексем, относящихся к ближней периферии, являются: меньшая по сравнению с ядром частотность, стилистическая нейтральность, отсутствие ограничений в употреблении и минимальная зависимость от контекста» [20, с. 127]. Лексемы дальней периферии «включают в себя языковые единицы с невысокой частотностью, как однозначные, так и многозначные» [20, с. 127],

В английском языке гнев преимущественно концептуализируется посредством температурной метафоры «**anger is heat**» («гнев — это тепло»). Данная модель находит выражение в таких устойчивых сочетаниях, как **He exploded with anger** («Он взорвался от гнева»), **She was boiling with rage** («Она кипела от ярости»), **He was fuming** («Он дымился от злости»). Эти выражения основаны на представлении о накоплении внутреннего давления и последующем эмоциональном «взрыве», что соотносится с физиологическими проявлениями гнева, такими как учащённое сердцебиение и повышение температуры тела.

В таджикском языке концепт хашм («гнев») репрезентируется преимущественно через соматическую метафору, связанную с движением крови (хун). Характерными являются выражения **ба хун омадан** («прийти в кровь», то есть сильно рассердиться), **хун ба сараш зад** («кровь ударила в голову»), **аз хашм ранги рӯяш сурх шуд** («от злости его лицо покраснело»). В данных конструкциях акцент делается не на внутреннем давлении, а на движении крови и её внешнем проявлении, что отражает иные культурные способы осмысления эмоционального состояния.

В основу типологии частных эмотивных речевых актов должно быть положено, по мнению И.В. Труфановой, «количество выражаемых ими эмоции: сколько эмоции выражается эмотивами, столько существует частных эмотивных речевых актов». Приводит И.В. Труфанова и «индикаторы речевых

актов, например, междометные высказывания, «фигуры» эмотивного синтаксиса, эмоциональные паузы, восклицания и др.» [151, с. 211-239].

Следовательно, обе языковые системы опираются на универсальный телесный опыт человека, однако реализуют его посредством различных метафорических моделей: английский язык - через температурно-энергетическую схему, таджикский - через соматико-визуальную символику. Эти различия имеют принципиальное значение для перевода и межкультурной коммуникации, поскольку буквальный перенос метафор может приводить к стилистической неестественности или искажению смысла. Так, прямой перевод выражения **“He exploded with anger”** как **«Ӯ сахт хашмгин шуд»** не соответствует нормам таджикского языка; более адекватным является выражение **«Ӯро хун ба сар зад»**.

Таким образом, знания, полученные о языке эмоций (эмоциональном языке) является значительным фундаментом для разработки собственно лингвистической теории эмоций, которую разрабатывал в течение более 30 лет и автор данной статьи, и которая нашла свое отражение в двух монографиях [167, 170].

Профессор Оксфордского университета Джин Эйтчисон выражает свое мнение таким образом: «лингвисты боятся эмоций и мало о них пишут» [176, с. 15]. До середины 70-х годов проблема языковой концептуализации и вербализации, равно как и категоризации эмоций, действительно, была довольно экзотической и опасной: работы, изредка появлявшиеся в лингвистике на эту тему, чаще вызывали неприятие, чем интерес. Но позже начали зарождаться контуры новой лингвистической парадигмы - гуманистической с пристальным вниманием к создателю, носителю и пользователю языком, к его психологии. Лингвисты уже не могли обойти сферу эмоций как самый человеческий фактор в языке. На смену общеизвестному категоричному «это не язык» приходит осознание того, что Ш. Балли во многом был прав, «провозглашая приоритет аффективного в языке» [16].

2. Психолингвистический подход

Одним из наименее изученных направлений психолингвистики остаётся проблема проявления эмоциональности в речи. По мнению А. Л. Пумянского, связь между языком и мышлением развивается только через последовательность слов. Он отмечает: «Язык имеет две стороны: материальную и семантическую. Первая сторона воспринимается органами чувств и состоит из системы звуков, связь которых приводит к формированию языковых единиц. Вторая сторона, содержащая идеологическую природу языковых единиц, указывает на семантический аспект слов и существует в человеческом мышлении» [115, с. 4].

Несмотря на то что значимость эмоций в процессе речепорождения признаётся большинством исследователей, их точный статус до сих пор не получил однозначного определения. В частности, остаётся дискуссионным вопрос о том, следует ли рассматривать эмоции как сопутствующий элемент речи или как её неотъемлемую составляющую.

Так, А.Н. Леонтьев подвергает критике распространённое в научной литературе представление о «влиянии эмоций на речь», считая подобную формулировку некорректной. По его мнению, «она создаёт впечатление, будто «эмоциональные факторы привносятся извне, тогда как в действительности они изначально включены в структуру психического отражения и участвуют в его формировании ещё до рационального осмысления субъектом собственной деятельности» [80, с. 201].

«Живая речь человека не ограничивается передачей лишь предметно-логического содержания. Она неизбежно включает выражение эмоционального отношения говорящего как к содержанию высказывания, так и к адресату. Более того, степень выразительности речи напрямую связана с проявлением личности говорящего: чем она выше, тем в большей мере в речи отражаются индивидуальные особенности субъекта, его внутренний мир и отношение к происходящему» [81 с. 450].

Психолингвистический подход рассматривает эмоции с точки зрения их

порождения, восприятия и интерпретации в процессе речевой деятельности. В рамках данного направления анализируется, каким образом эмоциональные состояния кодируются языковыми средствами и как они декодируются адресатом в ходе коммуникации.

Однако, в литературе имеются ссылки на существование эмоций, которые «могут быть правильно поняты носителями одного языка и превратно истолкованы носителями другого» [8, с. 46].

Психолингвистика, находящаяся на стыке лингвистики и психологии, исходит из того, что языковое выражение эмоций не только передаёт информацию о внутреннем состоянии говорящего, но и влияет на его субъективное переживание. Так, высказывания типа **“I’m thrilled”** в английском языке и **«Ман аз шодӣ парвоз мекунам»** в таджикском языке демонстрируют, что язык не просто обозначает эмоцию, но и способствует её актуализации и усилению в сознании говорящего.

Психолингвистический анализ позволяет выявить взаимосвязь между языковыми формами, когнитивными процессами и эмоциональным опытом, что дополняет когнитивный и лингвокультурологический подходы в комплексном изучении эмоциональной лексики.

В рамках данного подхода язык рассматривается не только как средство номинации эмоций, но и как механизм их концептуализации. Он участвует в формировании структуры эмоционального опыта, задавая способы осмысления и переживания чувств.

В таджикском и английском языках различия обусловлены историко-культурными факторами. Для таджикского общества характерна ориентация на коллективные ценности, соблюдение норм этикета и поддержание социальной гармонии. В англоязычных культурах, напротив, доминирует индивидуализм, что формирует иную стратегию коммуникативного поведения и эмоционального самовыражения.

Лингвокультурологический подход позволяет выявить не только формальные особенности выражения эмоций, но и глубинные культурные

сценарии эмоционального поведения. Он показывает, что эмоции не являются универсальными и одинаковыми для всех языков, а формируются под влиянием исторического опыта, социальных норм, культурных традиций и системы воспитания.

3. Семантический и лексикологический подход

Семантика и лексикология как ключевые разделы языкознания направлены на изучение значения слова, его внутренней структуры, а также особенностей функционирования лексических единиц в речи. «В рамках семантического и лексикологического подходов язык рассматривается как система, в которой значения не существуют изолированно, а формируются во взаимодействии с контекстом, культурой и коммуникативными установками носителей. Эти подходы позволяют выявить не только денотативное содержание слов, но и их коннотативные, оценочные и стилистические компоненты» [8, с. 159]. Как заметил А.К. Жолковский «владение значениями слов проявляется у говорящего в способности по-разному выразить одну и ту же мысль, а у слушающего в способности понять семантическое тождество внешне различных высказываний» [49, с. 54]. Воспроизводя, например какую - либо мысль, мы редко пользуемся теми выражениями, в которых она была нам сообщена. «Чем лучше мы владеем языком и чем глубже понимаем мысль, тем большим числом способов мы можем ее выразить. Чтобы объяснить эту способность человека, необходимо предположить существование особого, не данного в прямом наблюдении «семантического языка», на котором мысль записывается и хранится в психике человека» [9, с. 26-31].

В сопоставительном анализе таджикского и английского языков данные подходы обнаруживают как общие закономерности, так и значительные различия, обусловленные типологическими особенностями языков и спецификой культурно-языковой среды. Так, для английского языка характерна высокая степень полисемии и развитая система синонимии. Эмоциональные состояния, в частности чувство печали, могут передаваться целым рядом лексических единиц – **sadness, grief, sorrow, melancholy, misery,**

gloom, - каждая из которых актуализирует определённый аспект переживания: от кратковременного эмоционального спада до глубокой и продолжительной утраты. Семантические различия между этими словами проявляются в степени интенсивности эмоции, её причине и контексте употребления.

В таджикском языке также представлена разветвлённая система лексических средств для обозначения аналогичных эмоциональных состояний: «*гам*», «*андӯх*», и др. Однако данные лексемы отличаются иной стилистической распределённостью и функциональной нагрузкой. Некоторые из них чаще используются в поэтической и религиозной речи, другие — в разговорной или публицистической. Выбор конкретного слова во многом зависит от жанра высказывания, возраста говорящего, а также региональных и диалектных факторов, что придаёт эмоциональной лексике выраженный социокультурный характер.

Семантические различия между языками особенно отчётливо проявляются в сфере метафоризации. В английском языке метафоры нередко носят абстрактный и универсализированный характер и входят в состав концептуальных моделей мышления (например, **time is money, emotions are forces**). В таджикском языке метафорические образы чаще опираются на телесный опыт и природные явления, что отражает традиционную образность и эмоциональную экспрессивность национальной картины мира. Так, выражение «**дил ба хун олуи шудан**» («сердце обогрилось кровью») передаёт состояние глубокой душевной боли через яркий телесно-образный символ.

Лексикологический анализ также выявляет различия в способах пополнения словарного состава.

Слово «хузн», имеющее арабское происхождение, отличается повышенной экспрессивностью и чаще встречается в формальных и литературных контекстах, где требуется подчеркнутая глубина эмоционального состояния.

Семантическое поле печали в таджикском языке организовано с учётом

степени интенсивности эмоции и сферы употребления, что создаёт широкие возможности для точной и нюансированной передачи эмоциональных переживаний в речи.

Схожие принципы структурирования эмоциональной лексики наблюдаются и в английском языке. Семантическое поле печали включает, в частности, такие лексемы, как **“sadness”**, **“grief”** и **“melancholy”**, которые различаются по интенсивности выражаемого чувства и стилистическому статусу. Лексема **“sadness”** представляет собой базовую, стилистически нейтральную единицу и употребляется в широком спектре коммуникативных ситуаций. Слово **“grief”** обозначает более глубокое и интенсивное эмоциональное состояние, обычно связанное с утратой, и характеризуется большей формальностью. Лексема **“melancholy”** носит книжный и отчасти архаизирующий характер, ассоциируется с созерцательностью и философским осмыслением печали, что ограничивает её употребление определёнными жанровыми рамками.

И в таджикском, и в английском языках эмоциональная лексика демонстрирует иерархическую организацию, при которой каждая единица занимает своё место в зависимости от силы эмоционального переживания, коммуникативной ситуации и жанра текста. Такая структура свидетельствует о системном характере семантических полей эмоций и об их тесной связи с культурными и социолингвистическими факторами.

Л.Д. Тарасова, считает, что «языковые единицы, выражающие эмоции, следует рассматривать как ассоциативно-эмотивные, так как они не репрезентируют эмоции, а отсылают сознание коммуниканта в эмотивную сферу, которое содержится в семантике таких лексических единиц» [147, с. 76].

В целом семантический и лексикологический подход позволяет установить, что эмоциональная лексика в обоих языках не является однородной. Она представляет собой сложную, многослойную систему, отражающую особенности национальной культуры, речевых традиций и

ценностных установок общества. Анализ синонимических рядов и семантических оттенков эмоциональных слов раскрывает специфику ментальной категоризации чувств, которая варьируется от языка к языку, но при этом основывается на универсальных механизмах языкового осмысления эмоционального опыта.

«Понятие эмоции в лингвистике охватывает многоуровневый комплекс аспектов — от когнитивной репрезентации до культурно обусловленной вербализации эмоционального опыта. В современной лингвистической парадигме эмоции рассматриваются как сложная система, включающая когнитивные, семантические, прагматические и лингвокультурные компоненты» [58, с. 219]. Будучи неотъемлемой частью человеческого сознания, эмоции находят отражение в языке посредством лексических, грамматических и дискурсивных средств. Сопоставительный анализ таджикского и английского языков позволяет выявить как универсальные механизмы языкового кодирования эмоций, так и специфические национально-культурные особенности их языковой репрезентации.

С позиций когнитивной лингвистики эмоции интерпретируются как ментальные концепты, формируемые на основе телесного опыта человека и закреплённые в коллективных когнитивных моделях. В таджикском и английском языках широко представлены метафорические конструкции, опирающиеся на физические и физиологические состояния человека. Так, в английском языке эмоциональные состояния часто выражаются через телесные метафоры типа *He was boiling with anger*, *My heart sank*, в то время как в таджикском языке аналогичные концепты реализуются в выражениях *Хашм аз ғӯшу чашмаш меборид*, *Дилам ба замин зад*. Использование телесной метафорики в обоих языках свидетельствует о универсальности данного когнитивного механизма концептуализации эмоций.

Лексико-семантический анализ показывает, что оба языка располагают разветвлённой системой номинации эмоциональных состояний, однако их внутренняя организация имеет ряд различий. В таджикском языке

эмоциональная лексика нередко тесно связана с религиозно-этическими и социально-нормативными категориями, такими как «ҳаё» (стыд, скромность) и «ар» (честь), которые отражают коллективные ценности и нормы поведения общества. В английском языке, напротив, эмоциональные состояния чаще структурируются по шкале интенсивности и психологической дифференциации, что проявляется, например, в последовательности *irritation* – *anger* – *rage*. Это позволяет говорить о том, что «таджикский язык в большей степени сохраняет традиционную символическо-ценностную модель осмысления эмоций, тогда как английский язык демонстрирует тенденцию к их психологизации и аналитическому разграничению» [132, с. 8].

Различия в выражении эмоций проявляются и на грамматическом уровне. Английский язык обладает развитой системой конструкций, позволяющих передавать эмоциональную оценку косвенно — посредством пассивных форм, модальных конструкций и безличных высказываний, как, например, «*It is regrettable that..., One might feel concerned....*»

Такие структуры способствуют формированию дистанцированной и формализованной эмоциональной перспективы. В таджикском языке преобладают контекстуально насыщенные описательные конструкции, в которых эмоция передаётся через образ, ситуацию или символическое действие, например: *Дар назараи шӯълаи хаим метофт, Аз шодӣ ашк дар чаимонаи ҳалқа зад*. В результате «эмоциональное состояние не столько прямо называется, сколько имплицитно реконструируется адресатом в процессе интерпретации высказывания» [59, с. 112].

Существенную роль в выборе языковых средств выражения эмоций играет культурный фактор. В таджикской коммуникативной традиции эмоциональная сдержанность, косвенность и риторическая завуалированность рассматриваются как признаки воспитанности и социального такта. Установка на внутренний самоконтроль отражена в традиционных высказываниях типа *Шахси оқил эҳсоси худро дар қалб ниғаҳ медорад*. В англоязычной культуре, напротив, поощряется открытое выражение чувств, особенно в неформальной

коммуникации, что подтверждается распространёнными формулами типа «*Don't hide your feelings*» [216].

Сопоставительный анализ таджикского и английского языков показывает, что при наличии универсальных когнитивных основ эмоционального опыта способы его языковой репрезентации формируются под воздействием культурных ценностей, социальных норм и коммуникативных стратегий, характерных для каждого языкового сообщества. Это подтверждает положение о том, что эмоции в языке выступают не только как психофизиологическое явление, но и как культурно и социально детерминированный лингвистический феномен.

«Возможности слова выражать эмоции бесспорны. В.В. Виноградов в работе «Русский язык» писал «... слова находятся в непрерывной связи со всей нашей интеллектуальной и эмоциональной жизнью предметно-логическое значение каждого слова окружено особой экспрессивной атмосферой, колеблющейся в зависимости от контекста» [28, с. 19].

Сопоставительный анализ таджикского и английского языков в аспекте выражения эмоций позволяет выявить как общие, универсальные механизмы языкового кодирования, так и существенные различия, обусловленные культурно-ментальными установками и структурными особенностями языков. К числу универсальных механизмов относится метафоризация эмоционального опыта, прежде всего через телесную и пространственную образность. В обоих языках эмоции часто осмысливаются как физические процессы или состояния тела, что проявляется в сходных метафорических моделях. Так, выражения, связанные с «сердцем», «жаром», «движением» или «взрывом», используются для передачи печали, радости или гнева, что свидетельствует о когнитивных универсалиях, основанных на телесном опыте человека.

Вместе с тем способы языковой репрезентации эмоций в таджикском и английском языках существенно различаются. Английский язык, особенно в современной коммуникативной практике, демонстрирует тенденцию к

эксплицитному выражению чувств. Эмоциональные состояния нередко называются прямо, через предикативные конструкции и глаголы восприятия, что способствует их логической и психологической артикуляции. Такая стратегия отражает культурную установку на открытость, индивидуальное самовыражение и вербализацию внутреннего состояния.

Таджикский язык, напротив, характеризуется более имплицитным и образным способом передачи эмоций. Эмоциональное состояние чаще не называется напрямую, а передаётся через метафору, символ, описание внешних проявлений или ситуации в целом. Подобная стратегия тесно связана с этическими и этикетными нормами таджикской культуры, где сдержанность, самоконтроль и уважение к собеседнику рассматриваются как важные признаки воспитанности.

Сопоставительное исследование таджикского и английского языков не только углубляет понимание механизмов языковой репрезентации эмоций, но и способствует развитию теории межкультурной коммуникации, перевода и лингвокультурологии.

Микрополе понимается как структурно-семантическая подсистема внутри более широкого семантического поля, объединяющая лексические единицы, связанные с выражением одной конкретной эмоции. Так, микрополе «радость» в английском языке может включать лексемы *happiness, joy, delight, cheerfulness*, тогда как в таджикском языке ему соответствуют единицы *шодмонӣ, хурсандӣ, нишот, болидахотирӣ*. Указанные лексемы формируют внутренне организованный комплекс, отражающий различные оттенки положительного эмоционального состояния.

Внутренняя организация микрополя характеризуется наличием ядра и периферии. Ядро образуют наиболее частотные и семантически нейтральные номинации эмоции, тогда как периферия представлена синонимическими рядами, фразеологическими сочетаниями, производными формами и метафорическими выражениями. Такая структура позволяет выявить степень концептуальной значимости отдельных лексических единиц и их

функциональную нагрузку в языке.

Исследование микрополей эмоций осуществляется на основе комплекса лингвистических методов, включая лексико-семантический анализ, направленный на выявление значений и их соотношений, компонентный анализ, позволяющий установить семный состав лексем, сопоставительный метод, обеспечивающий сравнение языковых данных, а также контекстуальный и интерпретационный анализы, раскрывающие особенности функционирования эмоциональной лексики в реальных речевых условиях.

Теоретической основой исследования служат концепции классификации эмоций, разработанные в трудах Ч. Дарвина, П. Экмана и В.И. Шаховского. Дарвин рассматривал эмоции как универсальные биологически обусловленные реакции человека, Экман экспериментально подтвердил существование ограниченного набора базовых эмоций, общих для разных культур, а Шаховский предложил лингвистическую интерпретацию эмоциональной сферы, введя понятие эмоциональной доминанты и обосновав микрополе как важную структурную единицу эмотивной лексики [167, с. 91].

Эмоциональная лексика таджикского языка отличается тесной связью с образным мышлением и фразеологической системой. Наиболее продуктивными являются метафоры, основанные на представлениях о теле и сердце, что находит отражение в таких выражениях, как *дил парвоз мекунад* (состояние радости), *дил танг шудан* (чувство тоски), *аз тарс дилам ба ларза омад* (состояние страха).

Таджикский язык, напротив, тяготеет к личным и субъектно ориентированным структурам: *маро гам гирифт*, *дили ман реш шуд*, где эмоциональное состояние представлено как активно воздействующее на человека. Подобная грамматическая организация подчёркивает вовлечённость субъекта и усиливает эмоциональную насыщенность высказывания.

Различия в языковой репрезентации эмоций во многом обусловлены культурной парадигмой. Таджикская культура, характеризующаяся высокой контекстуальностью и ориентацией на коллективные ценности, предпочитает

опосредованное, образное выражение чувств, нередко через аллюзии, поэтические образы и символику. В англоязычной культурной традиции, напротив, преобладает установка на эксплицитность и вербализацию внутреннего состояния, особенно в сфере межличностной и психологической коммуникации.

Сопоставительный анализ таджикского и английского языков показывает, что при наличии универсальных эмоциональных концептов способы их языкового оформления существенно различаются. Эти различия проявляются в фразеологических моделях, грамматических структурах и прагматических стратегиях. Осознание данных особенностей имеет принципиальное значение для переводческой практики, преподавания иностранных языков и межкультурной коммуникации, поскольку адекватная передача эмоционального содержания требует не только лексического соответствия, но и глубокого понимания культурного и когнитивного контекста.

1.2. Семантическая структура эмоциональных лексем в таджикском и английском языках

Эмоциональная лексика объединяет слова и выражения, отражающие внутренние чувства, эмоциональные состояния и реакции человека. Семантическая организация таких единиц может анализироваться по различным критериям: валентности (положительные и отрицательные), интенсивности, длительности проявления эмоций, а также культурной обусловленности.

«Сравнение языков позволяет лучше понять каждый из них, потому что многие уникальные черты каждого языка становятся очевидными только при сопоставлении. Следовательно, эффективная теория перевода может быть создана только на основе глубокого изучения общих черт и различий между двумя конкретными языками, участвующими в переводе – исходным и целевым» [68, с. 148].

В таджикском и английском языках эмоциональные лексемы традиционно делятся на две основные группы. К положительным эмоциям относятся: в таджикском - «хурсандӣ», «шодӣ», «оромӣ», «муҳаббат»; в английском — *«joy, happiness, peace, love»*. К отрицательным эмоциям относятся: в таджикском — «ғам», «тахлука», «хашм», «бадбинӣ»; в английском — *sadness, fear, anger, hatred*.

Эмоции также различаются по степени выраженности. Слабо выраженные чувства передаются словами «нооромӣ», «камшодӣ», «норохатӣ» в таджикском и *unease, mild joy, discomfort* в английском. Сильно выраженные эмоции выражаются через «хашми шадид», «шодӣ аз ҳад зиёд», «ваҳм» в таджикском и *rage, ecstasy, terror* в английском.

По длительности эмоциональные состояния подразделяются на кратковременные реакции и длительные настроения. К кратковременным относят тарс, ҳайрат, *fear, shock*, к длительным — муҳаббат, ғамгинӣ, *affection, melancholy*.

Эмоции могут быть выражены явно или имплицитно. Явные лексемы обозначают эмоциональное состояние прямо: хурсанд, ғамгин, хашмгин в таджикском и *happy, sad, angry* в английском. Имплицитные лексемы передают эмоциональный оттенок, не называя эмоцию напрямую: баҳогузори кардан (оценивать), нобовар (недоверчивый) в таджикском и *skeptical, irritating* в английском.

Сравнение этих категорий позволяет выявить как универсальные закономерности эмоциональной лексики, так и культурно обусловленные особенности её употребления. Способы выражения эмоций в дискурсе тесно связаны с культурным контекстом и социальными нормами, что влияет на выбор лексических средств и стилистические особенности текста.

Интенсивность эмоций в языке передаётся различными средствами — количественными, качественными и экспрессивными. Согласно исследованиям П. Экмана и В.И. Шаховского, «эмоциональные состояния варьируются от слабых до сильных по степени воздействия на психику

человека. В лексике это отражается через использование слов и выражений с разной степенью эмоциональной силы» [173, с. 113].

В таджикском языке интенсивность эмоций выражается через синонимичные ряды (хурсандӣ → шодӣ → сурур → шодии беандоза), усилительные наречия и эпитеты (бисёр шодам, хеле ғамгин, аз ҳад зиёд тарсид), метафоры и сравнения (дил аз чой баромад, гӯё замин зери по хӯрд), а также народные выражения: «дил ба каф шуд» — крайняя степень страха или тревоги.

В английском языке для передачи интенсивности используются усилительные наречия (very, so, absolutely, completely — *absolutely terrified, so happy*), идиоматические выражения (*over the moon, scared stiff, mad as hell, burst into tears*), градация по регистру (*annoyed → angry → furious → outraged*) и эмфатические конструкции (*What a joy!, How terribly sad!*).

Таким образом, и таджикский, и английский языки демонстрируют разнообразие способов выражения эмоций, при этом культурные и языковые особенности определяют выбор конкретных средств, степень экспрессивности и контекстуальные нормы их использования.

Таблица 1. Примеры и особенности выражения эмоций в таджикском и английском языках

Эмоция	Таджикский язык	Английский язык
Хурсандӣ	каме шод, шодӣ, шодии беандоза	glad, happy, delighted, ecstatic
Ғам	ғамгин, бисёр ғамгин, ғамхӯрда	sad, heartbroken, devastated
Хашм	хашмгин, бисёр хашмгин, ғазабнок	angry, furious, outraged
Тарс	тарсончак, бисёр тарсид	scared, frightened, terrified
Таачҷуб	хайрон, хеле хайрон	surprised, amazed, astonished, stunned

В обоих языках наблюдается градация эмоциональных лексем от слабой до высокой интенсивности. Однако способы выражения интенсивности различаются. В английском языке чаще используются идиоматические выражения, усилительные наречия и эмфатические конструкции (*over the*

moon, scared stiff, burst into tears), тогда как в таджикском языке преимущественно встречаются фразеологизмы, метафоры и заимствования из персидского и арабского языков.

Выражение интенсивности эмоций является универсальным лингвистическим механизмом, позволяющим передавать степень переживания, эмоциональную окраску и субъективное отношение говорящего. При этом формы реализации, стилистические средства и культурная интерпретация зависят от языка. В таджикском и английском языках сходства проявляются в самой возможности градации эмоций, различия — в выборе лексических и синтаксических средств, а также в культурной образности.

Понимание этих различий важно для перевода, преподавания языков и межкультурной коммуникации. Сравнительный анализ эмоциональной лексики позволяет выявить как универсальные элементы экспрессии чувств, так и национально-специфические особенности, обусловленные типом языкового мышления, культурными традициями и жанровыми нормами речи. Обе языковые системы — таджикская и английская — обладают механизмами градации эмоций по шкале интенсивности. Так, в английском языке эмоции могут проявляться в виде цепочек от слабой до сильной степени: *angry – furious – enraged, sad – upset – devastated*. В таджикском языке аналогичная градация выражается через: ғамгин – андӯхгин – нолакунанда, хашмгин – ғазаболуд – аз худ беҳабар. В обоих языках формируются лексические поля, внутри которых можно проследить иерархию силы эмоционального переживания.

В таджикском языке метафоричность и поэтичность играют значительную роль в передаче эмоциональной интенсивности. Например:

- **Аз шодӣ парвоз кард — «Он воспарил от радости»**
- **Аз хашм хун ба сараш зад — «Гнев взлетел в голову» (букв. «кровь ударила в голову»)**

Английский язык, напротив, чаще опирается на аналитические и

синтаксические средства: усилительные наречия, прилагательные и конструкции с модальностью:

- **He was absolutely furious.**

- **She was deeply saddened.**

- **I'm extremely happy.**

В английском языке распространены конструкции с *too*, *so*, *such*, *extremely*, *utterly*, а также пассивные формы, подчеркивающие степень переживания:

She was so devastated that she couldn't speak.

В таджикском языке для усиления эмоции используются глагольные сочетания и повторы:

«Он қадар хурсанд шуд, ки...» - «Он был настолько рад, что...»

«Гиря мекард, гиря мекард...» - «Плакал без конца...»

Эти различия отражают особенности грамматических способов интенсификации эмоций: таджикский язык чаще прибегает к повтору, метафоризации и символическим, а английский — к усилителям и модальным конструкциям.

Культурная специфика также влияет на выражение эмоций. В таджикской речевой культуре часто преобладает сдержанность и имплицитность:

- Печаль может выражаться через образы природы (**дил хомӯш шуд, руҳи шаб**).

- Радость передается сдержанно, часто через метафоры.

Эмоции, как когнитивные, психолингвистические и культурные категории, часто выражаются уникальными средствами, характерными для конкретной языковой общности. При переводе возникает риск утраты эмоциональной силы, стилистических оттенков или культурной значимости исходного текста. Особенно это важно при переводе между языками с различной типологией и культурной традицией, как, например, между таджикским и английским языками.

«Эмоциональная лексика характеризуется высокой субъективностью и многоуровневой семантикой» [26, с. 332]. Одним из примеров является таджикское выражение «дил ба хун нишаст» («душа облилась кровью»), которое передаёт крайнюю степень горя или боли. Прямой дословный перевод на английский (*the heart sat in blood*) невозможен, поскольку подобное выражение отсутствует в английской лексике. Более близкие по значению английские конструкции — *I'm heartbroken* или *It broke my heart*, однако они отличаются по образности и культурной коннотации.

Эмоциональные синонимы часто различаются по интенсивности, регистру и частотности употребления. Так, в английском языке эмоции могут выражаться через шкалу: *anger* → *rage* → *fury* → *irritation*, а в таджикском — *газаб* → *хаши* → *қаҳр* → *ранҷиш*. Для выбора адекватного эквивалента необходим глубокий анализ семантических полей обоих языков.

Многие эмоции закреплены в фразеологизмах, метафорах и культурных кодах, что усложняет задачу перевода. Например, английское *he lost his temper* буквально означает «он потерял самообладание», тогда как в таджикском языке могут использоваться выражения *аз худ рафт* или *хун ба сараи зад*, обладающие иной образностью. Аналогично, таджикское *аз шодӣ парвоз кард* (буквально «взлетел от радости») требует адаптированного перевода, например: *he was overjoyed*. В подобных случаях переводчик сталкивается с необходимостью сохранять эмоциональное значение при адаптации формы и образности выражения.

Грамматические средства передачи эмоций также различны. В английском языке эмоции часто выражаются через страдательный залог, усилительные наречия и конструкции с модальностью:

- **He was deeply moved.**

- **She was absolutely terrified.**

В таджикском языке эмоциональные состояния передаются преимущественно через глагольные конструкции и образные выражения:

Ў сахт таскин ёфт.

Дилаш нур аз ҳарос буд.

При переводе эмоционально окрашенных текстов грамматические трансформации становятся необходимыми. Ошибки при этом могут привести к потере смысла или эмоциональной окраски, особенно если переводчик игнорирует:

- речевой регистр (формальный / неформальный),
- стилистические особенности (ирония, сарказм, гипербола),
- контекстуальную мотивацию эмоции.

Например, фраза *Don't you dare speak to me like that!* выражает одновременно угрозу и гнев и требует экспрессивного перевода: *Ба ман бо чунин овоз гап назан!* В зависимости от контекста её эмоциональная сила может быть усилена, смягчена или передана в исходном виде.

Среди основных стратегий перевода эмоционально окрашенных текстов выделяются:

- **Эквивалентная замена:** передача эмоции через семантически и стилистически аналогичное выражение;
- **Калькирование (ограниченное):** допустимо при наличии аналогичных конструкций в языке перевода;
- **Модуляция:** изменение формы выражения при сохранении исходного значения;
- **Адаптация:** создание нового образа в случае отсутствия прямых эквивалентов.

Перевод эмоционально насыщенных текстов требует не только знания лексики и грамматики, но и глубокого понимания культурных особенностей и средств выражения эмоций в каждом языке.

Перевод эмоционально окрашенных текстов требует не только владения лексикой и грамматикой, но и лингвокультурной компетенции, а также способности интерпретировать культурные контексты. Изучение механизмов выражения эмоций в таджикском и английском языках помогает переводчику:

- избегать смысловых и культурных искажений;

- сохранять силу эмоционального воздействия текста;
- развивать навыки межкультурной коммуникации.

1.3. Микрополе как структурная единица лексико-семантического поля эмоций в исследуемых языках

Эмоциональная сфера является одной из базовых составляющих психической деятельности человека и неизбежно находит отражение в языковой системе. В связи с этим исследование эмоциональной лексики представляет особый интерес для современной лингвистики, прежде всего в рамках сопоставительных и типологических исследований.

«Семантическое поле объединяет языковые единицы с общим содержанием и отражает сходство в понятийном, предметном или функциональном отношении. Оно характеризуется наличием семантических отношений, системностью, взаимозависимостью лексических единиц и взаимосвязью семантических полей в лексической системе» [65, с. 99]. Следует отметить, что в языке не существует такой грамматической категории, которая бы регулярно выполняла функцию выражения эмоций. Этот факт позволяет говорить о по-лицентричности как основном свойстве функционально-семантического поля эмотивности. «Полицентричность эмотивности, по нашему мнению, определяется существованием нескольких центров, зон эмотивности, функции и способы выражения которых зависят от соотношения в семантике языковых единиц эмоционального и рационального, интеллектуального» [70, с. 45]. «Эмоции – это одна из форм проявления человека во внешнем мире, одна из его важнейших характеристик. Они также являются неотъемлемой частью речевой деятельности человека. Огромная роль эмоций в жизни человека обуславливается следующим: «Нельзя познать человека, не познав его язык». То же самое можно сказать и про познание языка через его носителя [61, с. 7]. Эмоции, будучи универсальным феноменом человеческого сознания, получают в разных языках специфические способы вербализации, обусловленные культурными,

когнитивными и структурными особенностями языковой картины мира.

Лексико-семантическое поле (ЛСП) «эмоции» характеризуется сложной иерархической организацией и включает в себя ряд более мелких структурных образований — микрополей. Микрополе рассматривается как внутренняя подсистема макрополя, объединяющая лексические единицы на основе общего семантического признака, связанного с выражением определённого эмоционального состояния или группы сходных переживаний.

В рамках поля эмоций микрополя формируются по видам и типам чувств, таким как радость, страх, печаль, гнев, удивление, стыд и др. Каждое микрополе представляет собой совокупность лексем, находящихся в отношениях семантической близости и различающихся по степени интенсивности, экспрессивности и стилистической маркированности.

Так, в таджикском языке микрополе «хурсандӣ» (радость) включает лексические и фразеологические средства: *хурсанд, болидахотир, бо шодӣ, шодиӣ зиёд, шоду хандон*. В английском языке аналогичное микрополе “joy” представлено единицами *happy, joyful, cheerful, delighted, gleeful, overjoyed*, каждая из которых передаёт определённый оттенок положительного эмоционального состояния.

Следует отметить, что микрополя не ограничиваются лишь синонимическими рядами. Они могут включать антонимические элементы, а также слова и выражения с различной степенью эмоциональной насыщенности и функционально-стилистической принадлежности [53, с. 9].

Сопоставительный анализ микрополей в таджикском и английском языках позволяет выявить ряд характерных различий. В таджикском языке эмоциональные состояния нередко передаются посредством образных и метафорических средств, а также устойчивых фразеологических сочетаний. В английском языке, напротив, наблюдается высокая степень лексической дифференциации эмоций, особенно в аспекте градации интенсивности и оценочной окраски.

Показательным в этом отношении является микрополе «гнев». В

таджикском языке оно представлено такими единицами, как *хафагӣ, хаши, азоб, аз хаши метанад*, где значительную роль играет контекстуальное уточнение эмоционального состояния. В английском языке данное микрополе включает лексемы *angry, irritated, annoyed, furious, enraged*, которые чётко разграничены по степени проявления негативной эмоции.

Таким образом, микрополя эмоций в английском языке характеризуются более выраженной стратификацией по уровню эмоциональной интенсивности, тогда как в таджикском языке вариативность эмоционального значения чаще достигается за счёт описательных конструкций, фразеологизмов и контекстуальных факторов.

Микрополя внутри лексико-семантического поля эмоций организованы по иерархическому принципу. В их структуре выделяется ядро, представленное наиболее нейтральными и частотными лексемами, непосредственно номинирующими эмоциональное состояние (ср.: *happy, хурсанд*). По мере удаления от ядра формируется периферия микрополя, включающая единицы с ослабленной, уточнённой либо контекстуально обусловленной семантикой.

К периферийным элементам микрополей относятся, в частности, эвфемистические обозначения эмоций, используемые для смягчения высказывания (англ. *not too pleased*, тадж. *дилгирифта*), а также усиленные формы, передающие высокую степень эмоциональной интенсивности (англ. *thrilled*, тадж. *аз ҳад хушҳол*). Кроме того, значительное место на периферии занимают контекстуальные средства выражения эмоций — идиоматические обороты и метафорические конструкции, смысл которых раскрывается лишь в определённой речевой ситуации.

Изучение микрополей эмоций имеет важное значение как для теоретической лингвистики, так и для практики перевода. Анализ их структуры позволяет более точно установить семантические соответствия между языками, повысить адекватность перевода эмоционально окрашенных текстов, а также выявить культурно обусловленные способы вербализации

чувств.

Следует отметить, что «сопоставительное изучение в области таджикского и английского языков демонстрирует сочетание универсальных закономерностей и национально-специфических черт в организации эмоциональной лексики, что способствует более глубокому пониманию языковой картины мира и развитию теории межъязыковой семантики» [139, с. 74].

Эмоционально маркированные фразеологизмы отражают глубинные пласты национального сознания и специфику интерпретации чувств в той или иной культуре.

Фразеологические единицы, передающие эмоции, охватывают широкий спектр эмоциональных состояний, включая радость, гнев, страх, печаль, удивление, стыд и др. В их основе лежат метафорические и образные модели, которые далеко не всегда имеют прямые эквиваленты в других языках, что создаёт дополнительные трудности при переводе.

Так, в английском языке широко используются фразеологизмы *to be over the moon* (быть в состоянии крайней радости), *to lose one's temper* (выйти из себя), *to feel blue* (испытывать грусть), *to be scared stiff* (окаменеть от страха). В таджикском языке аналогичные эмоциональные состояния передаются выражениями *аз хурсандӣ дар ҳаво паридан* (букв. «взлетать от радости»), *аз ғазаб кафидан* (букв. «лопаться от злости»), *дил зӯр задан* (ощущать сильное волнение или страх), *дилтанг шудан* (испытывать тревогу или печаль).

Фразеологизмы выступают носителями культурного кода, поскольку в их семантике закреплены элементы мифологических представлений, религиозных воззрений и исторического опыта народа.

В английском языке, по сравнению таджикского, эмоциональные состояния чаще соотносятся с другими частями тела, такими как *stomach* (желудок), *face* (лицо), *head* (голова), что отражает иную концептуализацию внутреннего мира человека.

Перевод фразеологических единиц, связанных с выражением эмоций,

представляет собой одну из наиболее сложных задач переводческой практики. Основная трудность заключается в отсутствии полных семантических и образных эквивалентов, поскольку фразеологизмы тесно связаны с национально-культурным опытом носителей языка. В подобных случаях переводчик вынужден прибегать к различным стратегиям: использованию функциональных аналогов, описательных конструкций либо подбору культурно приемлемых замен.

Так, таджикское выражение *дилам гирён аст* (букв. «моё сердце плачет») при дословном переводе не воспринимается естественно в английском языке и обычно передаётся описательным оборотом *I feel very sad*. Английский фразеологизм *to blow a fuse* («взорваться от гнева») может быть соотнесён с таджикским *аз газаб кафидан*, однако буквальный перевод не всегда оказывается уместным без учёта контекста и коммуникативной ситуации.

Сопоставительный анализ показывает, что как таджикский, так и английский языки обладают богатым фондом эмоционально окрашенных фразеологических единиц, однако отражают различные концептуальные модели эмоций, сформированные под влиянием культурных, исторических и мировоззренческих факторов.

Проведенный анализ способствует углублению представлений об эмоциональной лексике и развитию межкультурной коммуникации.

Фразеологизмы с эмоциональной окраской: универсалии и различия.

Во всех языках мира фразеологические конструкции часто используются для **эмоционального усиления высказывания**, передачи экспрессии и оценки. Значение фразеологических сращений, по его мнению, независимо от их лексического состава, от значений их компонентов, условно и произвольно, как значение немотивированного слова. Например, в работе «Об основных типах фразеологических единиц» В.В. Виноградов отмечает, что «фразеологическое сращение представляет собой семантическую единицу, однородную со словом, лишенную внутренней формы. Автор

отграничивает фразеологические единства от фразеологических сращений и отмечает, что в первых «целостное значение мотивировано». Восприятие мотивированности значения фразеологического единства опирается на осознание его лексического состава, а также на связь значения целого и значения составных частей выражения» [29, с. 121-137].

К.Я. Авербух, фразеологизм - это «устойчивое, воспроизводимое в речи сочетание слов или предложение с полностью или частично переосмысленным значением» [1, с. 10]. Как справедливо отмечает А. И. Власенкова, «в отличие от свободного словосочетания, у ФЕ лексическое значение имеет не каждое слово в отдельности, а все словосочетание в целом. Поэтому в предложении он является одним членом предложения» [31, с. 47]. Однако, форма и образность таких выражений различаются:

Таблица №2. Фразеологизмы с эмоциональной окраской: универсалии и различия

Эмоция	Таджикский	Английский	Перевод
Радость	<i>аз шодӣ парвоз кардан</i>	<i>to be on cloud nine</i>	«летать от радости»
Страх	<i>дил ба ларза омадан</i>	<i>to have butterflies in the stomach</i>	«испугаться», «волноваться»
Гнев	<i>ба хун омадан</i>	<i>to see red</i>	«вспыхнуть от злости»
Печаль	<i>аз ғам об шудан</i>	<i>to be down in the dumps</i>	«тосковать», «быть в депрессии»

Как показывают приведённые примеры, в обоих языках активно используются метафорические средства выражения эмоций, однако характер образности и символическая основа этих метафор существенно различаются. Для таджикского языка типичны поэтизированные образы, восходящие к персидско-таджикской литературной традиции, где эмоциональные состояния осмысливаются через эстетически насыщенные и символически нагруженные образы. В английском языке, напротив, преобладают метафоры, связанные с повседневным опытом человека, нередко имеющие телесную или физическую

природу, такие как тепло, движение, высота, давление и внезапность.

Фразеологические единицы в данном контексте выступают отражением не только языковой системы, но и культурных ценностей общества.

Выражение *I was blown away* передаёт состояние сильного эмоционального потрясения, а фразеологизм *I hit the roof* обозначает резкий всплеск гнева. Эти конструкции отличаются динамичностью и опорой на физическое действие, что соответствует прагматической направленности английской языковой культуры.

Фразеологические единицы, репрезентирующие эмоции, занимают ключевое место в формировании языковой картины мира [38, с. 34]. Они демонстрируют не только разнообразие выразительных средств, но и глубинные особенности национального мышления и культурных установок. Сопоставление таджикского и английского фразеологического фонда показывает, что при наличии универсальных эмоциональных категорий способы их языкового оформления подчиняются различным культурным кодам.

Изучение эмоционально окрашенных фразеологизмов имеет значение не только для теоретической лингвистики, но и для развития межкультурной компетентности, что особенно актуально в условиях глобализации и активного межкультурного взаимодействия. Лингвокультурологический подход позволяет рассматривать фразеологические единицы как культурно-языковые знаки, аккумулирующие сведения не только о чувствах, но и об историко-культурных реалиях народа.

Таджикский язык, относящийся к иранской группе индоевропейской языковой семьи, сочетает в себе черты флективного и аналитического строя. В системе выражения эмоций он широко использует фразеологизмы и метафорические конструкции, обладающие высокой экспрессивной нагрузкой. Так, выражение *дил паридан* («сердце вздрогнуло») передаёт внезапное эмоциональное переживание, а фразеологизм *аз гам об шудан* («раствориться от горя») представляет собой гиперболизированную метафору

глубокой печали. Подобные структуры часто включают образы природы, тела и бытового опыта, формируя поэтизированное эмоциональное пространство.

Эмоциональные состояния в таджикском языке, как правило, выражаются не через абстрактные номинации, а посредством образных фразеологических единиц и лексем с ярко выраженной оценочной семантикой. Например, в предложении *Ū az шодӣ дар ҷояш намегунҷид* («Он не мог усидеть на месте от радости») используется глагольная метафора *намегунҷид*, создающая динамичный образ интенсивного чувства радости.

Английский язык, являющийся классическим представителем аналитического типа, характеризуется иными способами выражения эмоциональных состояний. Эмоции здесь чаще передаются с помощью синтаксических конструкций типа *I feel...*, *He was overwhelmed by...*, *She seems...*, а также посредством лексических глаголов состояния и чувства (*to fear*, *to rejoice*, *to grieve*, *to love*, *to admire*). Существенную роль играют и эмоционально окрашенные прилагательные, и наречия, такие как *terribly happy*, *deeply sad*, *extremely angry*.

Так, в предложении *He was overwhelmed by sorrow* эмоциональное состояние выражено посредством связочной конструкции, где глагол *was* выполняет функцию грамматической связки, а словосочетание *overwhelmed by sorrow* представляет собой оценочную пассивную конструкцию, передающую интенсивность переживания.

Фразеологические единицы, выражающие эмоции, представляют собой не просто языковые структуры, а многослойные знаки, объединяющие языковую форму, когнитивное содержание и культурный контекст. С точки зрения лингвокультурологии, они выступают репрезентантами национального менталитета, отражая особенности эмоционального восприятия, поведенческие нормы, стереотипы мышления, а также мифологические и религиозные представления, закреплённые в языковом сознании народа.

В рамках лингвокультурологической парадигмы фразеологические единицы рассматриваются как особые культурно-языковые знаки, в которых

интегрированы несколько уровней значения. Прежде всего они несут эмоционально-оценочную нагрузку, репрезентируя такие базовые чувства, как гнев, радость, страх и печаль. Наряду с этим фразеологизмы аккумулируют культурную символику, закреплённую в коллективном сознании: так, образы огня традиционно соотносятся с гневом, высоты — с радостью и подъёмом, тьмы — с печалью и внутренним упадком. Важным компонентом их семантики является и национально-специфическая образность, при которой восточные фразеологические системы тяготеют к символичности и метафизичности, тогда как западные чаще опираются на предметные и телесные образы.

Показательным в этом отношении является таджикский фразеологизм *дилбадаст шудан* («потерять самообладание», букв. «рука отделилась от сердца»), который отражает тесную связь эмоций с концептом *дил* (сердце), центральным для восточной культурной традиции. Английское выражение *to lose one's temper* («выйти из себя») репрезентирует иную модель эмоциональной концептуализации, основанную на представлении о контролируемости либо утрате контроля, где *temper* восходит к метафоре температуры как показателя эмоционального напряжения. Таким образом, данные фразеологизмы не только номинируют эмоциональное состояние, но и встраивают его в соответствующий культурный код: в таджикском языке сердце символизирует душу и внутренний мир человека, тогда как в английском языке акцент делается на динамике и интенсивности эмоционального проявления.

Каждая фразеологическая единица содержит в своей структуре историко-культурный след, отражающий особенности формирования национального языкового сознания [148, с. 46]. В таджикском языке эмоциональные фразеологизмы нередко связаны с поэтическим наследием, а также с исламской и персидской символикой, что проявляется в таких выражениях, как *аз гам об шудан* («раствориться от печали») и *ба хун омадан* («вскипеть от гнева»). В английском языке, напротив, преобладают

фразеологизмы, восходящие к бытовым реалиям, фольклорной традиции и телесной метафорике, например *to have a lump in one's throat* («сдавило горло от слёз») и *to be green with envy* («позеленеть от зависти»).

Указанные различия обусловлены расхождениями в концептосферах сопоставляемых языков. Таджикская языковая картина мира ориентирована на образность, эмоциональную глубину и метафизическое осмысление чувств, тогда как английская концептуализация эмоций характеризуется прагматизмом, телесной обусловленностью и стремлением к конкретности. Наиболее полной считается дефиниция эмоциональной картины мира, предложенная Н.А. Красавским, который рассматривает ее как «определенное множество эмоционально «проработанных» человеком на базе сенсорных, тактильных, в целом – перцептивных образов, исходящих от окружающей среды, представлений, восприятий, ощущений языковленных понятий, являющихся проекцией нашего внутреннего, психического мира» [71, с. 29].

Фразеологизмы отличаются высокой степенью устойчивости и воспроизводимости, что позволяет рассматривать их как надёжные маркеры национальной культуры. Они фиксируют типичные эмоциональные сценарии (способы выражения злости, радости, печали), кодируют морально-этические установки общества (например, тенденцию к скрытому выражению стыда в восточной культуре и его более открытой вербализации в западной традиции), а также формируют лингвокультурную память, сохраняющую коллективный эмоциональный опыт.

Лингвокультурологический подход предоставляет возможность анализировать фразеологические единицы не как изолированные языковые образования, а как многоуровневые культурно-языковые знаки, интегрированные в ментальную картину мира конкретного этноса. Через изучение эмоционально окрашенных фразеологизмов открывается доступ к пониманию национального характера, особенностей языковой концептуализации чувств и механизмов межкультурной коммуникации.

Некоторые выражения органично вписываются в систему ценностей

таджикской речевой культуры, где высоко ценятся эмоциональная сдержанность, сочувствие и эмпатия по отношению к собеседнику.

Английский язык, характеризующийся аналитическим строем и ориентацией на эксплицитность высказывания, также располагает обширным набором эмоционально окрашенных фразеологических единиц [74, с. 7]. Однако, в их семантике акцент часто смещается в сторону поведенческих реакций и физиологических проявлений эмоционального состояния. Так, выражения *to be hot under the collar* («разозлиться»), *to cry one's eyes out* («горько плакать»), *to go to pieces* («эмоционально сломаться») репрезентируют эмоции через телесные и поведенческие метафоры. Данная особенность отражает прагматическую направленность англоязычной коммуникации и сравнительно высокий уровень допустимой индивидуальной экспрессии.

Сопоставительный анализ показывает, что при универсальности базовых эмоций культурные традиции существенно влияют как на способы их языковой репрезентации, так и на степень актуализации тех или иных эмоциональных состояний в дискурсе. В таджикской культуре особое значение придаётся таким ценностям, как *сабр* (терпение) и *хаё* (стыдливость), что находит прямое отражение в системе фразеологизмов и устойчивых выражений.

Будучи устойчивыми словосочетаниями, они передают чувства и внутренние состояния преимущественно в опосредованной, образной форме. В этом проявляется их двойственная природа: с одной стороны, они выполняют экспрессивную функцию, с другой — служат маркерами культурной идентичности. Так, таджикский фразеологизм *дил ба гам гирифтор шудан* («сердце охватило горе») и английское выражение *to be down in the dumps* демонстрируют метафорическое, а не буквальное осмысление эмоционального состояния, закреплённое в языковом сознании соответствующих культур.

С лингвокультурной точки зрения, фразеологизмы — это своеобразные

носители ценностей, установок и ментальных моделей, свойственных конкретному этносу. Они фиксируют в себе способы восприятия и оценки эмоциональных ситуаций, представляют собой «зеркало» национального сознания. Так, сравнение фразеологических единиц, связанных с гневом (**аз хашм ба ларза омадан, to see red**), печалью (**ба ғам об шудан, to be heartbroken**) или радостью (**аз шодӣ парвоз кардан, to walk on air**) позволяет выявить культурные различия в выражении одной и той же эмоции.

Изучение эмоциональных фразеологизмов в межкультурном контексте способствует развитию лингвокультурной компетенции, то есть способности не только говорить на языке, но и понимать скрытые культурные смыслы. Это особенно актуально в условиях глобализации, когда знание языка без знания культуры приводит к коммуникативным сбоям.

Эмоциональные фразеологизмы, таким образом, функционируют не только как элементы лексико-грамматической системы языка, но и как значимый культурный ресурс, обеспечивающий более глубокое понимание языковой картины мира. Их межъязыковое сопоставление выявляет одновременно универсальные и уникальные способы концептуализации эмоций, тем самым создавая основу для подлинного межкультурного диалога и взаимопонимания.

1.4. Классификация и компоненты микрополя эмоций в лингвистическом аспекте таджикского и английского языков

Проблематика языковой репрезентации эмоций занимает значимое место в исследованиях по семантике, психолингвистике, лингвокультурологии и прагмалингвистике. Эмоции рассматриваются как сложный когнитивный феномен, находящий отражение в системе языка и коммуникации. Одним из наиболее продуктивных способов систематизации эмоциональной лексики является теория лексико-семантического поля (ЛСП), в рамках которой особое значение приобретает понятие микрополя.

Эмоциональная лексика таджикского и английского языков

представляет собой разветвлённую систему, включающую ряд микрополей, каждое из которых соотнесено с определённой базовой эмоцией. Такая структура позволяет выявить как универсальные закономерности языковой категоризации эмоций, так и национально-специфические особенности их вербализации.

Микрополе понимается как внутренняя подсистема в составе более широкого лексико-семантического поля, объединённая общей семантической доминантой. В поле эмоций каждое микрополе соотносится с конкретным эмоциональным состоянием, например страхом, гневом, радостью, печалью или удивлением.

В обобщённом виде структура ЛСП «эмоции» может быть представлена следующим образом:

- микрополе «страх»: *fear, panic, fright / тарс, воҳима*
- микрополе «гнев»: *anger, rage, fury / газаб, қахр*
- микрополе «радость»: *joy, happiness / шодӣ, хурсандӣ*
- микрополе «печаль»: *sadness, sorrow / гам, андӯх*
- микрополе «удивление»: *surprise, amazement / тааҷҷуб, ҳайрат*

Каждое микрополе характеризуется внутренней иерархической организацией и включает несколько зон. В ядре располагаются лексемы с максимально выраженной и нейтральной семантикой эмоции (например, *anger, газаб*). Периферию составляют слова и выражения с ослабленным, переносным или ситуативно обусловленным значением (ср.: *be annoyed, нороҳат шудан*). Маргинальная зона включает единицы, обладающие частичной эмоциональной нагрузкой либо приобретающие эмоциональное значение исключительно в контексте.

Компонентный состав микрополя

Лексические единицы внутри микрополя могут быть классифицированы по характеру семантической репрезентации эмоции:

- а) Денотативные единицы, непосредственно называющие эмоциональные состояния: *joy, sadness, fear / хурсандӣ, гам, тарс*.

б) Коннотативные единицы, отличающиеся высокой экспрессивностью и оценочностью: *ecstatic, miserable, furious* / *девоनावорона хурсанд, дарду ғамзада, девоनावор қахрӣ*.

в) Метафорические выражения и фразеологизмы, передающие эмоции опосредованно: *to boil with anger* / *аз қахр ҷӯш задан; to be on cloud nine* / *аз хурсандӣ дар осмон парвоз кардан*.

г) Словообразовательные модели, формирующие эмоциональную лексику при помощи аффиксов: *joyful, fearful, angered* / *хурсандона, тарсончак, ғазабнок*.

д) Лексика эмоциональной реакции и речевые клише, выражающие спонтанную оценку ситуации: *What a surprise! Oh no! Wow!* / *Вой бар ман! Офарин! Э не!*.

Эмоции являются важнейшим компонентом когнитивно-коммуникативной деятельности человека, а метафоры и фразеологизмы выступают одним из наиболее продуктивных способов их вербализации. В таджикском и английском языках данные единицы служат средством выражения не только эмоционального состояния, но и оценки, отношения к ситуации, а также культурной идентичности говорящего.

Эмоциональная метафора формируется в результате концептуализации внутренних переживаний через более наглядные и доступные категории, прежде всего телесные, пространственные и физические. Согласно концепции Дж. Лакоффа и М. Джонсона («*Metaphors We Live By*», 1980) [Лакофф], эмоции в языке часто осмысляются как:

- жидкости в сосудах (*boiling with anger*);
- физические силы (*swept away by love*);
- болезненные состояния (*love-sick*);
- тяжесть или давление (*crushed by grief*).

Подобные метафорические модели находят отражение и в таджикском языке, где эмоциональные переживания также часто описываются через телесные и природные образы.

Это свидетельствует о частичной универсальности когнитивных механизмов концептуализации эмоций при одновременной культурной специфике их языкового воплощения.

В таджикском языке метафорические выражения формируются на основе образов из традиционного образа жизни, природы, религии и телесного опыта. Примеры:

Таблица №3. Метафорические выражения эмоции в таджикском и английском языках.

Эмоция	Фразеологизм/метафора	Значение
Хурсандӣ	«хело шод будан»	Быть очень радостным
Хашм	хун ба сараш зад	Потерять самообладание
Ғам	дил тор шуд	Настроение испортилось, стало грустно
Тарс	чон ба лаб омад	Переживать смертельный страх
Ишқ	дил ба касе бастан	Влюбиться

Метафоры часто связаны с **сердцем (дил)** как символом эмоционального центра: **дилшикаста шудан, дили касро ба даст овардан** и др.

В таджикском и английском языках телесные и пространственные метафоры занимают центральное место в системе образного мышления и языковой репрезентации действительности. Их доминирующее положение обусловлено универсальностью человеческого телесного опыта и первичностью пространственной ориентации в процессе познания окружающего мира. Язык как механизм концептуализации реальности отражает не столько объективные характеристики предметов и явлений, сколько способы их интерпретации носителями языка. Именно через телесные ощущения и пространственные координаты формируются базовые когнитивные схемы, которые впоследствии закрепляются в языке в виде устойчивых метафорических моделей.

Телесные метафоры в таджикском и английском языках прежде всего соотносятся с функциями и символическими значениями частей

человеческого тела. Так, голова в обеих языковых картинах мира ассоциируется с мышлением, разумом и управлением. В таджикском языке лексема *сар* («голова») употребляется в значениях начала, руководства и рассудка, тогда как в английском языке аналогичную концептуальную функцию выполняет слово *head*. Сердце в обеих культурах символизирует сферу чувств, эмоций и внутреннего духовного состояния. В таджикской традиции *дил* выступает не только как обозначение органа, но и как носитель переживаний, мыслей и моральных качеств человека; в английском языке лексема *heart* реализует сходную семантико-концептуальную нагрузку. Подобные параллели свидетельствуют об универсальной природе телесных метафор, в основе которых лежит общий для всех людей телесный опыт, служащий фундаментом абстрактного мышления.

Вместе с тем в таджикском языке телесные образы зачастую обладают более выраженной эмоционально-экспрессивной окраской по сравнению с английским. Это связано с культурной спецификой и традиционной восточной образностью, в которой телесные элементы тесно переплетаются с поэтическим мышлением и художественной экспрессией. В таджикской поэтической и художественной речи сердце нередко предстает как самостоятельный субъект действия, способный страдать, тосковать, радоваться и «говорить».

Особое направление пространственной метафоризации связано с концептуализацией времени через категории движения и расстояния [58, с. 144]. В обоих языках будущее чаще всего воспринимается как находящееся «впереди», а прошлое — как оставшееся «позади». Однако, в таджикском языке временные представления нередко вербализуются через образ пути, дороги и жизненного странствия, что отражает традиционное мировосприятие, основанное на философии судьбы и жизненного пути человека. В английском языке временные метафоры в большей степени соотносятся с линией, направлением и скоростью движения, подчеркивая ориентацию на динамику, прогресс и целенаправленность развития.

Специфической особенностью таджикского языка является тесная связь пространственных метафор с природными ландшафтами и географическими реалиями — горами, долинами, реками и небесными пространствами. Эти образы активно функционируют в художественной речи, формируя уникальную метафорическую модель мира. В английском языке пространственные метафоры в большей степени ориентированы на урбанистическое пространство и социальные структуры, что обусловлено историей индустриального развития и доминированием городской культуры. Данное различие наглядно демонстрирует влияние культурно-исторических факторов на формирование метафорических систем сопоставляемых языков.

Такие единицы, как *чон додан*, *чонам фидоят* отличаются высокой эмоциональностью, образностью и направленностью на выражение межличностной близости. В английском языке, напротив, широко представлены идиоматические и разговорные выражения, которые, как правило, лишены поэтической символики, однако характеризуются высокой степенью экспрессивности, динамичности и прагматической направленности.

Фразеологизмы и метафоры с эмоциональной компонентой выступают своеобразным «зеркалом» национального сознания. Их межъязыковое сопоставление позволяет выявить как универсальные, так и культурно-специфические способы вербализации чувств и эмоциональных состояний. Изучение данных единиц имеет особую значимость для лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, а также для теории и практики перевода, где адекватная передача эмоционально-оценочных значений играет ключевую роль.

В современной лингвистике при описании лексико-семантической системы языка широко используется теория функционально-семантических полей, в рамках которой важное место занимает понятие микрополя [48, с. 195]. Микрополе понимается как относительно компактная семантическая группа лексических единиц, объединённых общим смысловым признаком и функционирующих внутри более обширного семантического поля. В

структуре каждого микрополя выделяется ядро, характеризующееся максимальной степенью семантической обобщённости, высокой частотностью и функциональной устойчивостью. Именно ядро микрополя формирует основное значение категории и задаёт направление для организации периферийных элементов.

В таджикском и английском языках ядро микрополя реализуется с учётом типологических особенностей каждого языка, однако в обоих случаях оно играет определяющую роль в организации смысла. Так, в микрополе «движение» в таджикском языке к ядерным элементам относятся глаголы *рафтан* («идти»), *омадан* («приходить»), *бурдан* («нести»), *овардан* («приносить»), *гаштан* («гулять»). Данные лексемы охватывают широкий спектр ситуаций пространственного перемещения и отличаются высокой частотностью употребления, например: *ӯ ба мактаб рафт* («он пошёл в школу»), *он китобро овард* («он принёс книгу»). Эти глаголы являются семантически нейтральными и не выражают дополнительных характеристик способа, темпа или эмоциональной окраски движения, что подтверждает их принадлежность к ядру микрополя.

В английском языке ядро микрополя «движение» формируется глаголами *to go, to come, to take, to bring, to walk, to move*. Например: *He went to school; She brought the book; They are walking in the park*. Как и в таджикском языке, данные глаголы обладают широкой, обобщённой семантикой и выполняют функцию базовых номинаторов процесса перемещения в пространстве. Периферийные элементы (*to rush, to crawl, to wander* и др.) конкретизируют характер движения, уточняя его скорость, направление или способ, однако они семантически и функционально опираются на ядерные глаголы и не могут рассматриваться вне структуры микрополя.

Аналогичным образом в микрополе «эмоциональное состояние» таджикского языка центральное положение занимают лексемы «хурсанд» (радостный), «ғамгин» (печальный), «хушбахт» (счастливый), «тарсидан» (бояться), «дӯст доштан» (любить). Указанные единицы выступают базовыми

средствами номинации эмоциональных состояний и не содержат дополнительных образных либо стилистических наслоений. Их употребление характерно для нейтральных контекстов повседневной речи: «*Вай хеле хурсанд аст*» — «он очень рад»; «*Ман туро дӯст медорам*» — «я люблю тебя».

В английском языке ядро данного микрополя формируют лексемы *happy, sad, afraid, love, angry*, которые аналогично выполняют функцию первичных номинаторов эмоциональных состояний: *She is happy; He is afraid; I love you*. В обоих языках именно эти слова служат опорными элементами при создании более сложных контекстуально и образно насыщенных конструкций, включая метафорические и фразеологические выражения.

Кроме того, ядро микрополя выполняет важную когнитивную функцию, поскольку именно через него репрезентируются базовые концепты мышления носителей языка [141, с. 182]. Анализ таких лексем позволяет выявить национально-культурную специфику языковой картины мира. Показательным является, например, широкое употребление в таджикском языке глагола «**дидан**» (видеть) в значении «понять», «осознать»: «*Ман фаҳмидам*» — «*Ман дидам*». В английском языке подобное расширение значения (*I see = I understand*) возможно лишь в строго определённых контекстах, что указывает на различия в концептуальной связи зрительного восприятия и мыслительной деятельности.

Сравнительный анализ ядер микрополей в таджикском и английском языках свидетельствует о том, что при общем универсальном характере семантических полей их конкретная реализация определяется национально-специфическими особенностями. Ядро микрополя в обоих языках выполняет системообразующую функцию, задавая направление развития и функционирования лексической системы в целом.

Особое место в таджикской эмоциональной лексике занимает компонент «**дил**» (сердце), который выступает центром эмоциональной концептуализации: *дили пур аз гам, дилишод*. В английском языке сходные

функции выполняют лексемы *heart, mind, face* и другие, что отражает различия в символическом осмыслении эмоций.

Микрополе в структуре лексико-семантического поля эмоций представляет собой продуктивный инструмент анализа и систематизации эмоциональной лексики. Его состав охватывает как прямые наименования эмоциональных состояний, так и фразеологические единицы, образные выражения и оценочную лексику. Сопоставительное исследование таджикского и английского языков выявляет не только структурные, но и культурно обусловленные особенности концептуализации эмоций в разных языковых картинах мира [43, с. 64].

Лексико-семантическое поле эмоций представляет собой сложную, иерархически организованную систему, включающую разнородные языковые единицы, объединённые общей семантической доминантой — репрезентацией эмоционального состояния человека. Внутренняя структура данного поля неоднородна и расчленяется на микрополя, которые выступают важным инструментом систематизации и анализа эмоциональной лексики. Благодаря микрополям становится возможным классифицировать эмоциональные значения не только по типу переживания (радость, страх, гнев и т. д.), но и по способам их языкового выражения — от нейтральных номинаций до образных, фразеологических и оценочных средств.

Понятие эмоции в лингвистике было осмыслено с позиций когнитивного, семантического и прагматического подходов, что позволило выявить многомерный характер эмоциональных значений и их тесную связь с языковым сознанием. Проведённый обзор показал, что, несмотря на универсальность базовых эмоциональных состояний, способы их языковой репрезентации существенно различаются и обусловлены культурно-языковой спецификой каждого народа.

Анализ семантической структуры эмоциональных лексем в таджикском и английском языках выявил их многоуровневость и полисемантичесность. В таджикском языке значительную роль играют метафорические и

фразеологические средства, насыщенные национально-культурными ассоциациями и символикой, тогда как английская эмоциональная лексика в большей степени ориентирована на абстрактность, прямоту и прагматическую однозначность выражения.

Ключевым теоретическим инструментом исследования стало понятие микрополя как структурной единицы лексико-семантического поля эмоций. Использование данной категории позволило систематизировать эмоциональную лексику по функционально-семантическим параметрам и выявить внутреннюю организацию эмоционального пространства в каждом из рассматриваемых языков.

Классификация компонентов микрополей эмоций в таджикском и английском языках продемонстрировала как общие закономерности, так и различия, обусловленные историко-культурным развитием языков и спецификой их когнитивных моделей. Это подтверждает необходимость учета не только универсальных, но и национально-культурных факторов при анализе эмоциональной лексики.

Теоретико-методологический фундамент, заложенный в первой главе, создает прочную основу для дальнейшего углублённого исследования лексико-семантических особенностей микрополей эмоций в таджикском и английском языках, а также для их сопоставительного анализа с учетом языковых, когнитивных и культурных контекстов.

ГЛАВА 2. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МИКРОПОЛЯ ЭМОЦИЙ В ТАДЖИКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

2.1. Национально-культурная специфика выражения эмоций в исследуемых языках

Эмоции как универсальный феномен человеческого сознания неизбежно находят отражение в языке, формируя особые лексико-семантические структуры. Вместе с тем способы их языковой репрезентации обусловлены культурными, когнитивными и ментальными особенностями конкретного этноса. Анализ микрополя базовых эмоций — радости (шодӣ / joy), страха (тарс / fear), гнева (ғазаб / anger), печали (андӯх / sadness), удивления (хайрат / surprise) и отвращения (нафрат / disgust) — позволяет выявить специфику национального мировосприятия и особенности языковой картины мира в таджикском и английском языках.

В рамках классификации базовых эмоций, предложенной П. Экманом, указанные эмоциональные состояния рассматриваются как универсальные для человеческой психики [173]. Однако, их языковая реализация демонстрирует значительную вариативность на лексическом, семантическом и стилистическом уровнях. Это различие проявляется не в самой природе эмоций, а в способах их концептуализации и вербализации средствами конкретного языка.

Методологическая база исследования включает лексико-семантический анализ, сопоставительный и компонентный методы, контекстуальное изучение языковых единиц, а также лингвокультурологический подход, позволяющий учитывать культурные и ценностные установки носителей языка. Комплексное применение данных методов обеспечивает выявление как универсальных, так и национально-специфических характеристик эмоциональной лексики.

Проведённый анализ микрополя базовых эмоций в таджикском и английском языках показывает, что при наличии общих эмоциональных категорий способы их языкового оформления существенно различаются.

Таджикская эмоциональная лексика характеризуется ориентацией на духовно-нравственные, религиозные и этические концепты, что находит отражение в метафорике и семантической структуре эмоциональных единиц.

Данные межъязыковых исследований, охватывающих более двух тысяч языков мира, свидетельствуют о том, что параметры валианса и возбуждения являются универсальными для описания эмоциональных состояний. Английский и таджикский языки демонстрируют сходство в структурной дифференциации базовых эмоций – таких как гнев, страх, печаль и радость, – что подтверждает универсальность эмоциональных категорий при сохранении национально-культурной специфики их языковой репрезентации.

В ряде языков одна лексическая единица может охватывать несколько эмоциональных состояний, что свидетельствует о различиях в концептуализации эмоций. Так, таджикское слово «ғам» нередко объединяет значения, соотносимые в английском языке с понятиями *sadness* и *longing*. Подобная колексикация отражает не недостаток языковой дифференциации, а иную структуру эмоционального опыта, закреплённую в национальной языковой картине мира.

Исследования показывают, что языки, находящиеся в географической и культурной близости, демонстрируют более сходные модели эмоциональной семантики. В этом отношении таджикский язык обнаруживает больше общих черт с персидским и узбекским, чем с английским, что объясняется общими культурно-историческими и ментальными основаниями. Эмоциональные значения слов в таких языках формируются в рамках схожих ценностных и образных систем.

Английский язык, напротив, характеризуется высокой степенью лексической дифференциации эмоциональных состояний. В нём представлен широкий спектр эмоционально окрашенных слов (*emotion-laden words*), передающих тонкие семантические оттенки переживаний, такие как *distress*, *despondency*, *elation*. Это способствует более точному и аналитическому кодированию эмоционального опыта. Лингвистический релятивизм

подтверждается также психолингвистическими наблюдениями: билингвы по-разному конструируют и вербализуют эмоциональные переживания в зависимости от используемого языка, что, в частности, проявляется в различной эмоциональной насыщенности автобиографических нарративов.

Таджикский язык, обладающий развитой литературной традицией и богатым фольклорным наследием (произведения С. Айни, М. Турсунзаде и др.), располагает значительным потенциалом эмоциональной лексики. Вместе с тем он остаётся сравнительно мало представленным в корпусных и экспериментальных исследованиях. Словообразовательные и семантические особенности таджикских эмоциональных понятий — таких как «шодӣ», «хашм», «тарс» — нередко требуют расширенного описания и сопоставительного анализа с английскими эквивалентами.

Репрезентация эмоций в английском языке

Для английского языка характерны следующие особенности:

✓ **эмоциональная лексика организуется преимущественно по шкалам валиантности и степени возбуждения, при этом значения слов, как правило, имеют чёткие семантические границы;**

✓ **активно используются эмоционально окрашенные лексемы, расширяющие микрополя эмоций и уточняющие оттенки переживаний;**

✓ **межкультурные различия в выражении эмоций подробно изучены и фиксируются не только на лексическом, но и на просодическом уровне, включая интонацию и ритм речи.**

Репрезентация эмоций в таджикском языке

Для таджикского языка, несмотря на ограниченность эмпирических данных, можно выделить следующие закономерности:

в семантической системе функционируют устойчивые группы эмоциональных лексем, обозначающих базовые переживания, такие как «ғам» (печаль), «шодӣ» (радость), «тарс» (страх), «нафрат» (ненависть) и др.;

широко представлена колексикация, при которой одно слово соотносится с несколькими эмоциональными категориями в английском языке, что отражает

культурно обусловленную прототипичность эмоциональных понятий.

Практические следствия исследования

Выявленные особенности имеют ряд прикладных последствий:

В переводческой практике с таджикского на английский необходимо учитывать явление колексикации, поскольку такие лексемы, как «ғам» или «тарс», требуют контекстуально мотивированного выбора английских соответствий (*sadness, sorrow, fear* и др.).

При разработке NLP-моделей и систем автоматического анализа эмоций требуется адаптивная классификация, учитывающая различную степень детализации эмоциональных категорий в разных языках.

В образовательных программах по переводу и межкультурной коммуникации целесообразно включать анализ микрополей эмоций как средство углубления семантической и культурной компетенции.

Проведение корпусных и психолингвистических исследований таджикского языка позволит более точно определить границы и внутреннюю структуру эмоциональных микрополей.

Микрополя эмоций представляют собой значимый лингвистический феномен, сочетающий универсальные параметры эмоциональной структуры (валиансность, степень возбуждения) и национально-культурную специфику семантической организации. В английском языке доминирует аналитическое и дифференцированное кодирование эмоций, тогда как в таджикском языке эмоциональная лексика формируется под влиянием культурно-ментальных и традиционных факторов, что определяет её семантическую ёмкость и образность.

Сравнительный анализ эмоциональных полей в разных языках способствует более глубокому пониманию семантики эмоций и играет важную роль в повышении качества перевода и эффективности межкультурной коммуникации [131, с. 4]. Эмоции являются неотъемлемым компонентом человеческого общения, а способы их языкового выражения варьируются в зависимости от культурной, когнитивной и языковой среды.

Используемые для передачи эмоциональных состояний языковые средства несут не только номинативную и грамматическую информацию, но и отражают особенности национального менталитета, систему ценностей и культурные приоритеты носителей языка.

Сопоставительное изучение таджикского и английского языков в аспекте репрезентации эмоций позволяет выявить как универсальные закономерности, обусловленные природой человеческих переживаний, так и национально-специфические особенности, связанные с историческим и культурным развитием каждого языкового сообщества. Эмоциональная лексика и фразеология образуют особую систему языковых единиц, предназначенных для выражения чувств, настроений и субъективных состояний человека.

Так, радость может передаваться через образы гармонии и «распускающегося сердца» (*дил ба ҷой аст, дил гул мекунад*), гнев — через метафоры кипения и помутнения зрения (*хунаш ба ҷӯш омад, чашиаш сиёҳ шуд*), а печаль — через мотивы душевной раны и утраты (*дилишикаста шуд, аз дунё ранҷид*). Существенную роль в формировании таких выражений играют религиозно-культурные и поэтические образы, в которых эмоции приравниваются к состоянию души, что характерно для восточной культурной традиции в целом.

Английский язык, в свою очередь, располагает обширным репертуаром средств для выражения эмоциональных состояний, включая метафоры, идиомы и разговорные конструкции [158, с. 17]. Радость передаётся через образы высоты и движения вверх (*to be on cloud nine, to be over the moon*), гнев — через визуальные и взрывные метафоры (*to see red, to blow one's top*), грусть — через цветовую и пространственную символику (*to feel blue, to be down in the dumps*). В английской языковой традиции большее внимание уделяется внешним проявлениям эмоций и поведенческим реакциям, тогда как в таджикском языке акцент чаще смещается на внутреннее, духовное состояние человека.

Сравнение способов выражения эмоций в таджикском и английском языках представляет значительный интерес для лингвистики, поскольку оба языка отражают различные когнитивные и коммуникативные модели, закреплённые в соответствующих языковых картинах мира. Несмотря на универсальность базовых эмоций — радости, страха, гнева, печали, удивления и любви, — их вербализация зависит от исторических, социальных и ментальных факторов. Таджикский и английский языки демонстрируют сходство на уровне номинации основных эмоциональных категорий, однако существенно различаются в оценочной нагрузке, образности и прагматике употребления эмоциональных единиц.

В обоих языках существуют лексические средства для обозначения фундаментальных человеческих переживаний, однако их семантическое наполнение и контекстуальная реализация неодинаковы. В таджикском языке эмоции нередко получают метафорическое выражение через образы сердца и души как центра чувств и переживаний. Выражения типа *дил танг шуд* («сердце сжалось»), *дили касе сӯхт* («чье-то сердце сгорело от горя»), *дил хун шуд* передают интенсивность эмоционального состояния посредством соматических метафор. В английском языке также встречаются сходные конструкции (*heartbroken*, *heavy-hearted*), однако они, как правило, функционируют в виде лексикализованных единиц и проявляют меньшую вариативность в повседневной речи.

Сопоставительный анализ эмоциональной лексики и фразеологии таджикского и английского языков позволяет не только выявить универсальные основы эмоциональной семантики, но и глубже понять культурно обусловленные способы концептуализации чувств, что имеет важное значение для теории перевода, межкультурной коммуникации и когнитивной лингвистики.

Особый интерес в сопоставительном аспекте представляет репрезентация эмоции гнева. В таджикском языке данное эмоциональное состояние часто концептуализируется через метафоры огня, жара и

внезапного взрывного напряжения. Выражения типа *хун ба сараш зад* («кровь ударила в голову»), *аз азаб дар ҷӯш омад* («вскипел от злости») отражают представление о гневе как о внутренней силе, стремительно нарастающей и выходящей за пределы контроля. Подобная метафорика подчёркивает интенсивность переживания и его разрушительный потенциал, что соответствует традиционному восприятию гнева как опасного и трудно сдерживаемого состояния.

В английском языке гнев также может осмысливаться через образы тепла, давления и взрыва (*to boil with anger, to explode with rage*), однако в целом для него характерно использование глагольных конструкций, акцентирующих динамику эмоции и её внешние проявления [79, с. 124]. Такие конструкции чаще описывают процесс развертывания гнева и его поведенческие последствия, а не внутреннее переживание как таковое, что отражает прагматическую ориентацию английской языковой традиции.

Выражение печали в таджикском языке отличается высокой степенью экспрессивности и эмоциональной насыщенности. Для передачи этого состояния широко используются образы слёз, тьмы, одиночества и внутренней пустоты, например: *дил гирия мекард* («сердце плакало»), *дар гам гарқ шуд* («погрузился в горе»). Подобные выражения создают развернутую образную картину эмоционального состояния и направлены на сопереживание и эмоциональный отклик адресата. Печаль в таджикской языковой картине мира предстает как состояние, охватывающее всю внутреннюю сущность человека.

В английском языке печаль, как правило, выражается с помощью более нейтральных и номинативных средств (*sadness, sorrow, depression*), ориентированных на точность обозначения психологического состояния.

Образность в данном случае уступает место аналитичности и сдержанности, что соотносится с культурной нормой эмоционального самоконтроля и социальной дистанции, характерной для англоязычного сообщества.

Существенным различием между рассматриваемыми языками является

и степень экспрессивности в передаче эмоций. Таджикская языковая традиция характеризуется высокой эмоциональной насыщенностью речи, широким использованием метафор, гиперболы и фразеологических единиц, усиливающих выразительность высказывания. Эмоции нередко вербализуются открыто и интенсивно, что придаёт речи ярко выраженный экспрессивный характер. В английском языке, напротив, эмоциональные состояния чаще передаются в более сдержанной форме, с опорой на контекст, интонацию и прагматические нюансы. Так, формула *I'm quite pleased*, внешне нейтральная, в реальном коммуникативном контексте может обозначать значительную степень удовлетворения.

Отдельного внимания заслуживает использование религиозно-философских элементов при выражении эмоций. В таджикском языке благодарность часто соотносится с божественным началом, страдание — с предопределённостью судьбы, а радость — с даром свыше, что отражает глубокую укоренённость религиозного мировоззрения в повседневной речи. В английском языке подобные элементы встречаются значительно реже и преимущественно сохраняются в составе устойчивых выражений или в рамках формального и официального стиля, не оказывая существенного влияния на повседневную эмоциональную коммуникацию.

Сравнение эмоций в таджикском и английском языках показывает, что при внешнем сходстве базовых эмоциональных понятий различия проявляются в способах их выражения, уровне экспрессии, метафоричности и культурной обусловленности. Таджикский язык тяготеет к образному, эмоционально насыщенному и философски окрашенному выражению чувств, тогда как английский язык стремится к лаконичности, прагматичности и психологической нейтральности. Эти различия отражают особенности национального менталитета и подтверждают мысль о том, что язык является не просто средством общения, но и зеркалом внутреннего мира народа.

Анализ показывает, что таджикский язык склонен к внутреннему осмыслению эмоций через сердечную и душевную метафорику, в то время как английский

- к поведенческому, физическому и предметному выражению чувств.

Национально-культурная специфика выражения эмоций отражается в следующих аспектах:

- **Ценностная система:** В таджикской культуре выражение эмоций чаще связано с моральными и духовными ценностями; в английской — с личностным восприятием и самовыражением.

- **Языковая метафорика:** Таджикский язык активно использует метафоры, основанные на сердце, душе, религии. Английский — на цветах (*blue, red*), пространстве и действиях.

- **Социальные ограничения:** В таджикской культуре определённые эмоции, например гнев, могут быть сдерживаемыми, тогда как в английское большее внимание уделяется самоконтролю и прямоте.

Сравнительный анализ способов выражения эмоций в таджикском и английском языках демонстрирует, что язык выполняет двойную функцию: он не только передаёт универсальные эмоциональные состояния, но и отражает национально-культурные особенности носителей. Выбор лексических и фразеологических средств, способы их употребления в повседневной коммуникации и стилистические предпочтения формируют специфическую окраску эмоциональной экспрессии в каждом языке. Осознание этих различий способствует успешной межкультурной коммуникации и более глубокому пониманию иностранного языка.

Язык рассматривается как средство выражения внутреннего мира человека, а эмоции как объект психолингвистического и когнитивного анализа организуются в лексико-семантические микрополя. Микрополе эмоции представляет собой совокупность лексических единиц, объединённых одной доминирующей семой — например, радость, страх или печаль. Каждая единица отражает отдельные аспекты эмоционального состояния, такие как интенсивность, продолжительность, характер проявления и др.

Цель исследования заключается в сравнении способов вербализации эмоций в таджикском и английском языках с учётом культурной

спецификации, лексических и прагматических особенностей. Эмоции изучаются в рамках когнитивной лингвистики, психолингвистики и лингвокультурологии. Учёные, такие как А. Вежбицкая, В.И. Шаховской и Ч. Экман, подчёркивают, что эмоциональные концепты имеют как универсальные, так и культурно-специфические черты [23; 102; 170].

Микрополе эмоций включает несколько компонентов:
нейтральные лексемы (например, страх, радость, печаль),
экспрессивную лексику (ужас, ликование, тоска),
идиоматические и устойчивые выражения,
междометия, эмотивные конструкции и интонационные маркеры.

В таджикском языке эмоциональные состояния часто передаются через:

- метафоры (например, «дил обод шуд» — «душа стала светлой»),
- фразеологические обороты («аз хурсандӣ ашк рехтан» — «плакать от радости»),
- междометия («воҳ!», «ой вой!»),
- описательные конструкции.

Примеры лексем:

Радость: шодӣ, хурсандӣ, дили обод, рӯшанрӯ.

Страх: тарс, воҳима, дили хирав, бим.

Печаль: ғам, андӯх, дили танг, гирён.

Особенность таджикской лингвокультуры заключается в сдержанности при выражении эмоций, широком использовании символизма, религиозных и поэтических аллюзий.

В английском языке эмоциональная экспрессия более открыта и структурирована. Язык предлагает разнообразные синонимы, глаголы состояния, идиомы и образные выражения.

Примеры:

Joy (радость): joy, delight, be on cloud nine, thrilled, elated.

Fear (страх): fear, terror, panic, scared stiff, afraid, petrified.

Sadness (печаль): sadness, sorrow, grief, feel blue, be down in the dumps.

Английская культура языка поощряет прямое выражение эмоций, что проявляется в активном использовании эмоциональных глаголов (to love, to hate, to fear) и усилительных наречий (deeply, truly, extremely).

Сравнительный анализ показывает, что микрополя эмоций в таджикском и английском языках организованы по-разному. В таджикском языке преобладают метафорические конструкции, образы тела и сердца («дили танг»), а также эмоциональная сдержанность. В английском — прямое, разнообразное и структурированное выражение эмоций с богатой системой лексических и фразеологических средств.

Изучение микрополей эмоций позволяет выявить не только универсальные аспекты человеческой эмоциональности, но и уникальные культурные особенности, что имеет важное значение для лингвистики и межкультурной коммуникации.

Фразеологизмы, передающие эмоциональные состояния, фиксируют радость, печаль, гнев, страх и другие чувства, формируя яркую картину менталитета народа и его восприятие мира. При этом дословный перевод таких выражений часто невозможен без утраты смысла и экспрессивной окраски.

Примеры сопоставления:

Радость:

Таджикский: *дил ба даҳан омадан* — «сердце подступило к горлу» (сильное волнение); *дилу ҷон парвоз мекунад* — «душа летает»; *қалбаи гул шукуфт* — «сердце расцвело».

Английский: *to be over the moon* — «быть на седьмом небе от счастья»; *to be walking on air, to be thrilled to bits*.

Гнев:

Таджикский: *хунаи ба ҷӯш омад* — «кровь закипела»; *аз ғазаб меларзид* — «дрожал от злости».

Английский: *to see red, to fly off the handle*.

Печаль:

Таджикский: *дилишикаста шуд* — «сердце разбилось»; *аз дунё ранчид* — «огорчился на весь мир».

Английский: *to feel blue, to be down in the dumps*.

В обоих языках эмоции передаются через метафорические образы и телесные реакции, что подчёркивает универсальность эмоциональной экспрессии. Однако культурная специфика проявляется в деталях: в таджикском языке часто акцент делается на сердце, душу и природные образы, придавая эмоциональной речи духовную окраску; в английском — на действия, цветовые и пространственные образы, что отражает более предметно-конкретный подход.

«Фразеологические единицы, фиксирующие эмоциональное состояние, тесно связаны с национальной картиной мира» [92, с. 82].

Фразеосемантика изучает значение устойчивых словосочетаний с точки зрения их внутренней семантической структуры. Фразеосемантические группы объединяют фразеологизмы по смысловому признаку, среди которых особое место занимают выражения, передающие эмоциональные состояния: радость, гнев, страх, удивление, грусть, стыд и др. Эмоции в языке проявляются через метафору, гиперболу, сравнение, а также через устойчивые выражения, закрепившиеся в национально-культурной традиции. Эмоционально окрашенные фразеологизмы фиксируют в языке способы переживания и интерпретации эмоций.

В таджикском языке эмоциональные состояния нередко выражаются через фразеологизмы, основанные на телесной образности, культурных реалиях и поэтических метафорах:

Гнев, раздражение:

Хунаш ба ҷӯш омад — «Кровь закипела» (разгневался).

Чашмаш хун гирифт — «Его глаза налились кровью» (вспыхнул от ярости).

Страх, тревога:

Дилаш ларзид — «Сердце дрогнуло» (испугался).

Ранги рӯяи pariда буд — «Лицо побледнело» (от страха).

Радость, восторг:

Аз хурсандӣ дар нӯштаи намегунҷид — «Не помещался в своей шкуре от радости».

Дилаш гул-гул мешукуфт — «Сердце расцветало» (переживал радость).

Эти выражения придают речи эмоциональную насыщенность и являются значимой частью таджикской идиоматики, встречаясь как в разговорной, так и в художественной речи.

В английском языке также широко используются устойчивые выражения, передающие эмоции, многие из которых основаны на метафорическом переносе и телесных ощущениях:

Гнев:

To see red — «Вспыхнуть от злости».

To blow a fuse — «Взорваться от раздражения».

Страх:

To break out in a cold sweat — «Пробило холодным потом».

Heart skipped a beat — «Сердце замерло».

Радость:

To be on cloud nine — «На седьмом небе от счастья».

To jump for joy — «Прыгать от радости».

Подобные выражения закреплены в повседневной речи, литературных текстах и играют ключевую роль в формировании образной системы английского языка.

Сравнение показывает, что обе языковые системы обладают богатым набором эмоционально окрашенных фразеологизмов. Однако таджикские выражения чаще опираются на поэтическую образность, телесные метафоры и фольклорные образы (дил, рух, хун), тогда как английские — на динамичные глаголы, повседневные ощущения и ассоциативные состояния.

Например:

Таджикский: *Дилаш сиёҳ шуд* — «Сердце почернело» (погрузился в

отчаяние).

Английский: *To feel blue* — «Чувствовать себя подавленным».

Это различие отражает концептуализацию эмоций: таджикский язык придаёт им «глубину» и «вес», английский — «движение» и визуальность.

2.2. Лексико-семантический анализ ключевых эмоциональных единиц в таджикском и английском языках

Эмоции относятся к универсальным категориям человеческого сознания, поскольку они присущи представителям всех культур и народов. Однако языковые способы их репрезентации формируются не только под воздействием биологических факторов, но и в тесной связи с историческим опытом, культурными ценностями и национально-языковыми традициями. В этом контексте лексико-семантический анализ эмоциональной лексики таджикского и английского языков позволяет выявить как общие закономерности вербализации эмоциональных состояний, так и специфические черты, обусловленные культурным своеобразием каждого языка [101].

К числу ключевых эмоциональных единиц относятся лексемы, обозначающие базовые чувства человека, такие как радость, страх, гнев, грусть, удивление, отвращение и любовь. Данные эмоции образуют ядро эмоциональной картины мира и находят отражение в различных языковых формах – от отдельных слов до устойчивых словосочетаний и фразеологических единиц.

Эмоциональная лексика представляет собой совокупность языковых средств, предназначенных для выражения и описания эмоциональных состояний. По способу номинации она может быть прямой, то есть непосредственно называющей эмоцию (тадж. *хурсанд* — «радостный», англ. *anger* — «гнев»), и косвенной, когда эмоциональное состояние передаётся опосредованно – через метафорические образы или фразеологические конструкции (тадж. *дил ба ҷӯш омадан* – «вспыхнуть от волнения», англ. *to*

boil with rage).

С точки зрения семантики эмоциональная лексика условно подразделяется на три основные группы: слова, выражающие положительные эмоции (радость, любовь, гордость), лексемы с отрицательной эмоциональной окраской (гнев, страх, стыд, зависть), а также номинации нейтральных или смешанных эмоциональных состояний, к которым относятся удивление, тоска, ностальгия. Такое деление является универсальным, однако наполнение каждой группы и способы языкового выражения эмоций в разных языках существенно различаются.

Таджикская эмоциональная лексика отличается высокой образностью и тесной связью с внутренним миром человека. Значительное место в ней занимают лексемы с компонентом *дил* («сердце»), который выступает ключевым концептом эмоциональной сферы: *дилишкаста* («огорчённый»), *дилтанг* («тоскливый»), *дилишод* («радостный»). Подобные слова отражают традиционное представление о сердце как центре чувств и переживаний. Широко используются и метафорические конструкции, основанные на образах огня, воды и движения, например: *отаи гирифтан* («разгореться» — о гневе), *оби чаим рехтан* («лить слёзы» — плакать). В целом фразеосемантические группы в таджикском языке формируются на основе телесных, духовных и религиозных образов, что придаёт эмоциональной лексике особую глубину и экспрессивность.

В английском языке эмоциональная сфера активно выражается с помощью глаголов, прилагательных и устойчивых идиоматических выражений. К наиболее употребительным относятся глаголы *to love*, *to hate*, *to envy*, *to fear*, прилагательные *happy*, *angry*, *sad*, *afraid*, а также многочисленные идиомы, такие как *to be on cloud nine* («быть на седьмом небе от счастья») или *to hit the roof* («выйти из себя»). Для английской языковой картины мира характерна ориентация на внешнее проявление эмоций, что отражается в широком использовании слов с ярко выраженной оценочной коннотацией и динамичной образностью.

Эмоциональная лексика таджикского и английского языков представляет собой важный объект сопоставительного лингвистического анализа. Эмоции закрепляются в языке не только в виде отдельных слов, но и через устойчивые сочетания, словообразовательные модели, грамматические средства и интонационные особенности. Несмотря на наличие разветвлённой системы эмотивной лексики в обоих языках, способы её формирования и функционирования различаются в силу особенностей исторического развития, структурных характеристик языка и культурных традиций.

Особого внимания заслуживает таджикская система словообразования, в рамках которой эмоциональная окраска часто создаётся с помощью аффиксации. Уменьшительно-ласкательные суффиксы (-ча, -ак, -ҷон) и усилительные элементы придают словам дополнительные оттенки нежности, сочувствия или иронии. Суффикс -ҷон в обращениях (*модарҷон*, *азизҷон*) выполняет функцию маркера эмоциональной близости, уважения и тёплого отношения, выходя за рамки чисто грамматического значения. Существенную роль играют и междометия (*вой*, *эх*, *афсус*), которые в зависимости от контекста способны передавать широкий спектр чувств — от радости до сожаления — и усиливают эмоциональное воздействие высказывания, особенно в разговорной речи.

В английском языке система эмоциональной лексики характеризуется выраженной аналитичностью и стремлением к точной дифференциации эмоциональных состояний. Помимо базовых номинаций, обозначающих фундаментальные чувства человека (*joy*, *fear*, *anger*, *love*, *sadness*), широко используются прилагательные и глаголы, передающие тонкие эмоциональные оттенки и переходные состояния, такие как *delighted*, *anxious*, *frustrated*, *offended*. Подобная лексика позволяет детализировать эмоциональные переживания и отражает ориентированность английского языка на психологическую конкретизацию чувств.

Значительную роль в передаче эмоций в английском языке играют фразовые глаголы, в которых эмоциональное состояние выражается через

сочетание глагольной основы и послелого: *to cheer up, to calm down, to break down* [197, с. 25-26]. Данные конструкции придают высказыванию разговорную экспрессию и динамичность, а также способствуют более наглядной репрезентации эмоциональных изменений. Наряду с лексическими средствами важным инструментом эмоционального выражения выступают интонация и порядок слов. Посредством инверсии или использования усилительных наречий (*so, really, extremely*) нейтральное по смыслу высказывание может приобретать ярко выраженную эмоциональную окраску без изменения его лексического состава.

Сопоставительный анализ таджикского и английского языков показывает, что таджикская эмотивная лексика в большей степени ориентирована на образность и экспрессивность, тогда как английская — на точность и детализацию описания эмоциональных состояний. Таджикские эмоциональные единицы часто включают метафорические компоненты, связанные с телесными, природными и духовными образами, в то время как в английском языке преобладают абстрактные номинации и психологизирующие способы описания чувств. Вместе с тем в обеих языковых системах важную роль играют идиомы и устойчивые выражения, отражающие национально-культурную специфику эмоционального восприятия. Так, таджикское выражение *дил шикастан* («разбить сердце») используется в значении «огорчить», тогда как английская идиома *to get cold feet* передаёт состояние страха или нерешительности, демонстрируя различие метафорических моделей при сходстве коммуникативной задачи.

Эмоциональная лексика таджикского и английского языков выполняет не только номинативную функцию, но и оценочную, экспрессивную и культурно-идентификационную. Через эмоциональные слова формируется эмоциональная картина мира носителей языка, определяются способы вербализации чувств и отражаются особенности национального менталитета.

«Эмоциональные оценки в английском языке, как правило, организованы по принципу чётких семантических дихотомий, таких как *good*

vs bad, happy vs sad, right vs wrong. Данная бинарность проявляется как на уровне отдельных лексем, так и в устойчивых словосочетаниях и фразеологических единицах: *good mood / bad mood, high spirits / low spirits, positive vibe / negative feeling*» [153, с. 87]. Подобная структура способствует упрощённой категоризации эмоциональных состояний и облегчает их когнитивную обработку носителями языка.

Фразеология английского языка активно отражает эту бинарную модель эмоционального восприятия. Так, выражение *He's in a good place now* используется для обозначения стабильного и благоприятного эмоционального состояния, тогда как идиома *She's going through a rough patch* указывает на период психологических или жизненных трудностей [146, с. 214]. Подобные конструкции демонстрируют тенденцию английского языка к оценочной поляризации эмоционального опыта, что делает эмотивную лексику легко систематизируемой и функционально прозрачной.

Большинство английских идиом эмоционального характера укоренены в культурных метафорах западного мира. Наиболее продуктивными являются образы, связанные с телом (*heartbroken, gut feeling*), природными и погодными явлениями (*stormy relationship, under the weather*), а также действиями и физическими процессами (*explode with anger, bottle up emotions*) [137, с. 56-58]. Эти метафоры отражают когнитивные модели, посредством которых абстрактные эмоциональные состояния осмысливаются через конкретный телесный и физический опыт.

Показательным примером является идиома *to bottle up emotions*, которая в буквальном переводе означает «запирать эмоции в бутылке», а в переносном смысле — сознательно сдерживать или подавлять чувства. Данная единица отражает ценность самоконтроля и эмоциональной сдержанности, характерную для англоязычной культуры, где открытая демонстрация чувств не всегда поощряется [131 с. 142]. Исследователи отмечают, что подобные идиомы нередко несут не только описательную, но и нормативно-оценочную функцию, задавая культурно приемлемые модели эмоционального поведения.

Английская эмоциональная лексика характеризуется следующими признаками:

- высокой степенью идиоматичности;
- бинарной оценочной организацией;
- простотой и прямоотой в выражении чувств;
- использованием культурно маркированных образов и метафор.

Эти особенности делают английский язык удобным инструментом для быстрой и эффективной передачи эмоциональной информации. Вместе с тем при переводе на другие языки, в частности на таджикский, возникают трудности, обусловленные идиоматической непереводаемостью и различиями в культурных кодах эмоциональной интерпретации [68, с. 301].

В отличие от английского языка, таджикский язык активнее использует глагольно-именные сочетания с устойчивым фразеологическим значением. Как представитель иранской группы индоевропейской языковой семьи, таджикский язык обладает высокой степенью идиоматичности, особенно в сфере глагольно-именных конструкций. Если в английском языке доминируют фразовые глаголы и аналитические структуры, основанные на предлогах и послелогах, то в таджикском языке основным средством выражения фразеологической семантики являются сочетания существительного с глаголами типа *кардан* («делать»), *мондан* («класть»), *гирифтан* («брать»), *додан* («давать») и др. [73, с. 119].

С структурно-семантической точки зрения глагольно-именные фразеологизмы состоят из именного компонента, несущего основную смысловую нагрузку, и глагольного элемента, выполняющего преимущественно грамматическую функцию. Подобные конструкции используются для обозначения эмоций, психологических состояний, действий и устойчивых моделей поведения, закреплённых в культуре.

Национально-культурная специфика таджикских глагольно-именных фразеологизмов проявляется в их образной основе. Так, выражение *дил хурдан* (букв. «есть сердце») символизирует внутреннюю боль и душевное страдание;

об рехтан бар рӯй (букв. «вылить воду на лицо») обозначает публичное унижение, особенно значимое в контексте восточной культуры чести и достоинства; *дилро сафед кардан* (букв. «очистить сердце») используется в значении искреннего раскаяния или признания вины [6, с. 204-206].

В сравнительном аспекте можно отметить, что аналогичные значения в английском языке чаще передаются с помощью фразовых глаголов или идиом (*to feel hurt, to disgrace someone, to take a step, to confess*), однако английская система не демонстрирует столь широкого и регулярного использования глагольных связок с существительными в устойчивом значении, как это характерно для таджикского языка. Данный факт свидетельствует о высокой степени вербализации культурно значимых эмоциональных понятий в таджикской фразеологии.

Стилистически глагольно-именные фразеологизмы активно функционируют в поэзии, художественной прозе, публицистике и повседневной речи. Их употребление придаёт тексту образность, эмоциональную насыщенность и национально-культурную выразительность. Так, в художественной прозе встречаются высказывания: *Ў дар андешаи хеш дил хӯрд* («Он в своих мыслях мучился душой»), *Марди ноком гардан гирифт, ки айб аз ӯст* («Неудачливый мужчина признал свою вину»), где фразеологизмы выступают ключевым средством передачи внутреннего состояния персонажа.

Глагольно-именные сочетания с фразеологическим оттенком в таджикском языке представляют собой наглядный пример тесного взаимодействия языка и культуры. Эти единицы выступают репрезентантами национальной картины мира, поскольку в них закрепляются способы осмысления эмоций, ментальных состояний и социально значимых моделей поведения. Их сопоставление с английскими средствами выражения эмоций позволяет глубже раскрыть специфику таджикской лингвокультуры и расширяет возможности межъязыкового и межкультурного анализа.

В английском языке эмоциональные прилагательные и глаголы широко

и свободно функционируют как в устной, так и в письменной речи без необходимости использования дополнительных пояснительных конструкций. Эмоциональная лексика в английском языке играет ключевую роль в передаче субъективной оценки, внутреннего состояния и эмоционального отношения говорящего к происходящему. В отличие от таджикского языка, английская языковая система характеризуется высокой частотностью прямого употребления эмоциональных прилагательных и глаголов, что обусловлено как аналитическим строем языка, так и коммуникативными нормами англоязычного общества.

Эмоциональные прилагательные в английском языке выступают основными маркерами эмоционального состояния субъекта и, как правило, не требуют дополнительных лексических средств. К числу наиболее употребительных относятся *happy, sad, angry, excited, worried, afraid, bored, surprised*. В предложениях типа *I'm happy, She was very upset, They are excited about the trip* прилагательное непосредственно называет эмоциональное состояние, не прибегая к описательным или образным конструкциям. В таджикском языке аналогичные значения чаще выражаются посредством развернутых сочетаний: *дилишод будан, дар гусса будан, хурсанд гаштан*, что свидетельствует о различиях в способах вербализации эмоций.

Английская речь демонстрирует выраженную тенденцию к синтаксической экономии, особенно в сфере эмоционального выражения. Это проявляется в широком употреблении эмоциональных глаголов без вспомогательных структур: *He fears failure, They love the new teacher, I hate waiting in lines*.

Так, выражения *дилишод шудан* (букв. «стать сердцем радостным»), *гамгин будан* («быть в печали»), *тарсидан аз чизе* («бояться чего-либо») структурно и семантически более развернуты по сравнению с английскими эквивалентами (*to become happy, to be sad, to fear something*). Подобная сложность отражает синтетическую природу таджикского языка и образный способ мышления, характерный для восточной культурной традиции, где

эмоции осмысливаются через внутренние состояния и метафорические образы.

Различия в использовании эмоциональных прилагательных и глаголов в английском и таджикском языках обусловлены не только типологическими особенностями языковых систем, но и культурными установками, определяющими способы вербализации чувств. Английский язык ориентирован на прямое, лаконичное и функциональное выражение эмоций, тогда как таджикский язык предпочитает образные, развернутые и культурно маркированные конструкции, что придаёт эмоциональной речи особую экспрессивную глубину.

Эмоциональные прилагательные и глаголы в английском языке занимают центральное место в системе средств эмоциональной коммуникации. Для них характерны высокая частотность употребления, семантическая прозрачность и грамматическая компактность, что обеспечивает прямую и оперативную передачу субъективной оценки и эмоционального отношения говорящего.

Осмысление эмоциональных единиц в сопоставительном аспекте способствует более глубокому пониманию национальных картин мира и имеет практическую значимость для межкультурной коммуникации, переводческой деятельности, методики преподавания языков и исследования ментальных особенностей народов.

2.3. Контекстуальные особенности выражения эмоций в художественных текстах (на материале произведений Садриддина Айни, Раҳима Джагила, Фазлиддина Мухаммадиева и др).

Выражение эмоций в художественном тексте представляет собой многоуровневое и комплексное явление, включающее лексико-семантические, синтаксические и прагматико-контекстуальные аспекты. В таджикской и английской художественной литературе эмоциональные состояния персонажей репрезентируются посредством системы

выразительных средств, тесно связанных с культурной традицией, национальным менталитетом и структурными особенностями языка. Сопоставительное исследование произведений классиков таджикской литературы XX века — Садриддина Айни, Рахима Джалила и Фазлиддина Мухаммадиева — в сравнении с англоязычными художественными текстами позволяет выявить специфику контекстуального выражения эмоций и определить степень их переводимости в межкультурном пространстве.

Под контекстуальным выражением эмоций понимается передача эмоционального состояния персонажа или авторской оценки с учётом ситуации, стилистической организации текста и культурных кодов. В художественном дискурсе эмоции реализуются через несколько основных форм:

- **лексическую**, основанную на прямом употреблении эмоционально окрашенных слов;
- **фразеологическую**, предполагающую использование идиом и устойчивых выражений;
- **синтаксическую**, включающую восклицательные конструкции, повторы, инверсии;
- **прагматическую**, выражающуюся через реакции персонажей, риторические приёмы и развитие сюжетного контекста [42, с. 112-115].

Произведения Садриддина Айни отличаются глубокой психологичностью и вниманием к внутреннему миру персонажей, который раскрывается преимущественно через метафорические образы, концепт сердца (*дил*), а также религиозно-культурные символы. Так, выражения «*Дилам аз ҷояи канда мешуд*» передают состояние крайней тревоги или страха, а «*Дили модар сӯхт*» — глубокую печаль и материнское сострадание. Подобные конструкции не только обозначают эмоцию, но и включают её в систему национально-культурных ценностей, где сердце осмысливается как центр душевной жизни [7, с. 86-88].

В прозе Рахима Джалила и Фазлиддина Мухаммадиева эмоциональные

состояния персонажей нередко завуалированы и передаются опосредованно — через описание природы, жестов, взглядов и движений. Эмоции здесь раскрываются на уровне нарратива: герои часто скрывают свои чувства, что соответствует традиционной модели сдержанности, характерной для таджикской культуры. Уважение, стыд, семейная привязанность и внутренний конфликт выражаются преимущественно через поведение персонажей и контекст ситуации, а не через прямую номинацию эмоций [70, с. 134-137].

Одной из характерных черт таджикской художественной прозы XX века является преимущественно имплицитный способ выражения эмоций. В отличие от западной литературной традиции, где широко распространена эксплицитная номинация чувств, таджикские авторы предпочитают ассоциативно-образные формы передачи душевного состояния, опираясь на символизм, метафоричность и эстетические нормы восточного нарратива [27, с. 52-54].

Имплицитность как художественный приём в таджикской прозе имеет чёткую культурную мотивацию. Исследователи восточного художественного дискурса отмечают, что эмоция в таких текстах редко называется напрямую; вместо этого создаётся образная или ситуативная параллель, способная вызвать у читателя необходимый эмоциональный отклик [86, с. 73-75]. Так, в выражении Рахима Джалила *«Қалби ӯ мисли саҳрои бе обу алаф хомӯш ва хаста буд»* печаль и внутреннее истощение героя передаются через метафору опустошённого природного пространства, не требующую прямого названия эмоции.

В произведениях Айни и Мухаммадиева эмоциональное напряжение и психологическое состояние персонажей часто выражаются посредством символических конструкций (пустой дом, одинокое дерево, затухающий огонь), природных образов (зима как метафора депрессии, дождь как символ слёз), а также метафор органического состояния (тяжесть в груди, пустота в сердце). Показательным является пример у Айни: *«Дили модар баъди шунидани хабари марги писараи монанди кӯҳи фурӯпошида фурӯ нишаст»*,

где образ обрушившейся горы передаёт глубину материнского горя и необратимость утраты [7, с. 142].

Художественная образность таджикской прозы служит не только средством выражения эмоций, но и механизмом их культурного кодирования. В рамках таджикской эстетической системы внутреннее состояние человека неразрывно связано с природной гармонией или её нарушением, что отличает данный тип эмоциональной репрезентации от более прямых и эксплицитных моделей, характерных для англоязычной литературной традиции.

Во многих художественных текстах эмоции выражаются не столько через прямое лексическое наименование, сколько посредством контекста, то есть через описание действий персонажей, их реакций, жестов, а также элементов окружающей среды. Подобный способ репрезентации эмоционального состояния позволяет автору передать глубину переживаний опосредованно, создавая многослойный художественный образ.

В произведениях таджикской прозы, в частности у Мухаммадиева, эмоциональное состояние героя часто раскрывается через пейзажные и поведенческие детали. Например, герой после разлуки с возлюбленной долго молчит, «смотря в точку, где не было ничего, кроме ветра и пыли». В данном контексте эмоциональная отрешённость и внутренняя пустота персонажа выражены через образ опустошённого пространства, что усиливает атмосферу отчуждённости и скорби. Подобная контекстуализация эмоций отражает традиционную для восточной литературы тенденцию к имплицитному выражению чувств.

Сопоставление с эксплицитной моделью выражения эмоций

В англоязычной художественной прозе, напротив, наблюдается преобладание эксплицитного способа выражения эмоций, основанного на прямом назывании эмоционального состояния персонажа. В произведениях Ч. Диккенса, Дж. Остин и других представителей английской литературы эмоции нередко вербализуются посредством прилагательных и глаголов эмоционального состояния:

She was sad and anxious. His heart sank with fear.

Такая модель характеризуется логико-психологической и аналитической направленностью, что соответствует общим типологическим особенностям английского языка и западноевропейской культурной традиции [124, с. 14]. В отличие от этого, таджикская модель эмоциональной репрезентации носит ассоциативный и метафорический характер.

В таджикской художественной прозе классического периода прослеживается устойчивая тенденция к имплицитному выражению эмоций, основанная на метафоризации, природной символике и контекстуальном описании внутреннего состояния героя. Данный подход обусловлен не только структурными особенностями языка, но и мировоззренческой установкой восточной культуры, для которой эстетическая завуалированность чувств предпочтительнее их прямой вербализации [60].

Проблемы перевода эмоциональной экспрессии

В английских художественных произведениях эмоции чаще выражаются открыто и непосредственно, например:

«*He burst into tears*» (Он расплакался);

«*She was overwhelmed with joy*» (Она была переполнена радостью).

При переводе таджикских текстов на английский язык особое значение приобретает учёт скрытой эмоциональности исходного текста, выраженной через культурно обусловленные коды. Переводчик вынужден прибегать к интерпретации и адаптации образов: так, фразеологизм *дил ларзидан* не может быть переведён буквально как *heart trembled*, а требует семантического переосмысления, например: *He was deeply shaken*.

Обратный перевод — с английского на таджикский язык — также требует особой осторожности, поскольку прямая эмоциональная экспрессия английского текста нередко смягчается в таджикском переводе с целью сохранения культурной адекватности и стилистического равновесия.

Фразеологизмы с отрицательной оценкой как средство выражения эмоций

Фразеологические единицы с отрицательной оценкой, передающие эмоциональное состояние человека, являются важным компонентом эмоционально-оценочной лексики любого языка. Они отражают глубинные культурные коды, национально-психологические особенности восприятия чувств и способы их языковой репрезентации. В таджикском и английском языках подобные фразеологизмы образуют разветвлённую систему значений, охватывающую широкий спектр негативных эмоций: гнев, страх, обиду, презрение, растерянность и другие [164, с. 14].

В таджикском и английском языках фразеологические единицы с отрицательной эмоциональной оценкой выполняют ряд сходных функций, прежде всего оценочно-характеризующую, экспрессивно-коммуникативную и социально-регулятивную. Посредством таких выражений говорящий не только передаёт собственное эмоциональное состояние, но и формирует отношение к поведению, поступкам или личностным качествам другого человека [103, с. 48].

В таджикском языке фразеологизмы с негативной оценкой отличаются высокой образностью и поэтичностью. Их семантическая структура часто опирается на соматические и физиологические представления, связанные с сердцем, кровью и внутренним состоянием человека [90, с. 64]. Так, выражение «Синааш аз кина сиёҳ шуд» («его грудь почернела от злобы») метафорически передаёт разрушительное воздействие зависти и ненависти на внутренний мир личности. Фразеологизм «Диламон сиёҳ шуд» («на душе стало чёрно») репрезентирует состояние глубокой тоски и эмоционального опустошения, а выражение «Дил ба хун нишаст» («сердце наполнилось кровью») акцентирует переживание сильной душевной боли и обиды. В конструкции «Аз ғазаб хун ба сараш зад» («кровь ударила в голову от гнева») эмоция гнева осмысливается как неконтролируемая физиологическая реакция организма.

«Подобные образы отражают традиционное восточное символическое мышление, в котором сердце и кровь рассматриваются как основные носители

эмоциональной и нравственной жизни человека» [90, с. 65]. Именно поэтому такие фразеологизмы широко представлены в поэзии, пословицах и художественной прозе, где они выполняют не только номинативную, но и эстетическую функцию.

В английском языке фразеологические единицы с отрицательной оценкой, как правило, отличаются большей лаконичностью и прагматической направленностью. При внешней простоте они обладают высокой метафорической насыщенностью и часто опираются на телесный и повседневный опыт [54, с. 47]. Так, идиома *see red* («впасть в ярость») ассоциирует гнев с визуальным восприятием цвета, *blow one's top* («выйти из себя») — с образом внезапного взрыва, а выражение *be in a black mood* («быть в мрачном настроении») — с цветовой символикой депрессии. Идиома *cry over spilled milk* («сожалеть о непоправимом») апеллирует к бытовой ситуации, знакомой каждому носителю языка, тогда как *to bite someone's head off* («резко, грубо ответить») использует гиперболизированный телесный образ.

Английские идиомы данного типа активно функционируют в разговорной речи, средствах массовой информации и массовой культуре, что подчёркивает их коммуникативную направленность и социальную востребованность [4, с. 118]. В отличие от таджикской традиции, где преобладает художественно-образное осмысление эмоций, английская фразеология демонстрирует тенденцию к прямоте выражения при сохранении метафорического потенциала.

Сопоставительный анализ фразеологизмов с отрицательной эмоциональной оценкой в таджикском и английском языках позволяет выявить как универсальные механизмы вербализации эмоций, так и национально-культурную специфику их языкового оформления [164, с. 154].

Фразеологизмы с отрицательной оценкой, выражающие эмоциональное состояние человека, демонстрируют богатство эмоционального кода языка и глубину лингвокультурной традиции. В таджикском языке они опираются на образную поэтику и ментальные символы, тогда как в английском — на

бытовые метафоры и яркость речевых актов. Изучение таких единиц имеет не только лингвистическое, но и межкультурное значение, позволяя глубже понять особенности восприятия эмоций в различных национальных мирах [90, с. 45-46].

Фразеологизмы являются одним из наиболее выразительных средств языка, отражающих не только эмоциональное состояние человека, но и глубинные элементы национального менталитета. Особенно ярко это проявляется в единицах с отрицательной оценкой, так как именно негативные эмоции чаще получают явное языковое выражение. Такие «фразеологизмы фиксируют переживания, страдания, злость, тревогу, страх, усталость и другие состояния, и формируются на основе долговременного культурного и социального опыта народа» [25, с. 112-114].

С позиции когнитивной лингвистики, «фразеологизмы с эмоциональной нагрузкой выполняют функцию когнитивных сценариев, моделирующих типичные жизненные ситуации и эмоциональные реакции на них» [11, с. 78; 19, с. 123]. «Эмоции, особенно отрицательные, кодируются через устойчивые культурные образы: части тела (руки, сердце, душа), объекты (лимон, цепь, корыто), зооморфизмы и бытовые реалии». Например, метафоры «руки опускаются» или «сердце замирает» функционируют как универсальные коды страдания [98, с. 48].

В каждой культуре существуют свои особенности в вербализации отрицательных эмоций. В русском языке преобладает экспрессия и гиперболизация, тогда как в таджикском и английском языках часто используются эвфемизмы и иносказательные формы.

Примеры фразеологизмов с отрицательной оценкой:

Таджикский язык:

«Дилат сиёҳ шудагӣ» — сильная обида, горе [90, с. 56].

«Хунат чӯш мезанад» — состояние гнева, аналог русского «кипеть от злости» [90, с. 57].

Английский язык:

To blow a fuse — взорваться от злости [209, с. 102].

To hit the roof — выйти из себя [209, с. 103].

To feel blue — быть в депрессии [209, с. 78].

To lose face — опозориться [209, с. 81].

Фразеологизмы с отрицательной оценкой активно используются в различных стилях речи — от разговорного до художественного. Они служат для усиления эмоционального воздействия, создания стилистической выразительности и построения образного описания психического состояния персонажей. В произведениях Чарльза Диккенса, Джейн Остин и Садриiddина Айни наблюдается «систематическое применение таких единиц для характеристики персонажей, выражения социального давления и внутреннего конфликта» [126, с. 73; 83, с. 60].

Фразеологизмы с отрицательной оценкой являются важным компонентом языковой картины мира. Они отражают не только индивидуальные эмоциональные состояния, но и коллективные представления о добре, зле, боли и страдании. Их изучение позволяет глубже понять ценностную структуру культуры, а также механизмы языкового выражения эмоций. «Учитывая их высокую семантическую и культурную насыщенность, эти единицы имеют значительное значение в переводоведении, лингвокультурологии и межкультурной коммуникации» [12, с. 80; 41, с. 116].

В таджикской художественной литературе фразеологизмы играют важную роль не только как выразительное образное средство, но и как отражение народного мировоззрения. Особенно выразительны единицы с отрицательной оценкой, которые передают внутреннее состояние героев, атмосферу бедствий, страданий, несправедливости, страха и гнева. Эти фразеологизмы функционируют как маркеры эмоционального накала и выполняют когнитивно-культурную функцию, моделируя реакции персонажей и создавая образное восприятие социальных и психологических явлений [92, с. 47; 43, с. 115].

Фразеологизмы с негативной эмоциональностью в таджикском языке часто имеют религиозно-этические и бытовые корни, что связано с исторической традицией и менталитетом народа. В произведениях таджикских классиков – С. Айни, Д. Икромӣ, Ф. Мухаммадиев, И. Насриддин – «эмоциональная фразеология насыщает текст внутренним напряжением и помогает передать глубину переживаний героев» [83, с. 62-63].

Примеры фразеологизмов с отрицательной оценкой в таджикской литературе:

«Дили сиёҳ шудан» – обида, уязвимость, психологическая боль» [90, с. 63].

«Аз хашм ларзидан» – дрожать от гнева» [90, с. 64].

«Ба қон расидан» – дойти до предела, выносить страдание» [90, с. 64].

«Аз қаҳр кафидан» – лопнуть от злости [90, с. 64].

«Гапаш қонбарор нест» – его слова пусты, бесполезны (пренебрежение)» [90, с. 65].

Примеры из произведения С. Айни («Ёддоштҳо»):

«Дар дилам оташи қаҳру алам шуъла мезад» — лексико-фразеологическая конструкция выражает внутреннюю борьбу, вызванную социальной несправедливостью» [163, с. 112].

Тематические группы отрицательной фразеологии:

Эмоции гнева и ненависти:

«Одамӣ нест» – крайняя форма презрения» [90, с. 66].

«Чашм сиёҳ кардан» – злобно смотреть, проклинять» [90, с. 66].

Страх и тревога:

«Сояи одамро аз дур дида, метарсад» – выражение мнительности, опасения» [90, с. 67].

«Дилаш ларзид» – охватил страх» [90, с. 67].

Презрение, разочарование:

«Афсӯс мехӯрдан» – сожалеть с горечью» [90, с. 68].

«Нанг кардан» – чувствовать стыд за кого-то» [90, с. 68].

Эти фразеологизмы помогают автору:

- выразить глубинные переживания персонажа;
- показать социальное напряжение (например, в произведениях о Бухарском Эмирате);
- отразить психологическую трансформацию героя;
- создать антигероя посредством выражений, придающих ему отрицательный облик [41, с. 118].

Таджикская фразеология сохраняет культурную специфику: здесь часто используются аллюзии на Коран, традиционные понятия чести и достоинства, социальную иерархию. Даже гнев или страх нередко подаются с элементами метафизического значения.

2.4. Сопоставление с англоязычными аналогами и выявление типологических особенностей в разноструктурных языках

Сравнительно-сопоставительный анализ языков различной типологической принадлежности является одним из эффективных методов выявления как универсальных, так и специфических характеристик грамматического, лексико-семантического и синтаксического строя. Сопоставление таджикского и английского языков представляет особый научный интерес, поскольку данные языки принадлежат к разным типологическим группам: таджикский язык относится к флективным языкам с элементами агглютинации, тогда как английский язык является преимущественно аналитическим. Такое типологическое расхождение создаёт благоприятную основу для выявления структурных различий и функциональных аналогий.

Типологическое расхождение создаёт благоприятную основу для выявления структурных различий и функциональных аналогий.

«Основными задачами сравнительно-сопоставительного анализа таджикского и английского языков являются:

- определение структурных и семантических соответствий между языковыми единицами;
- сопоставление способов выражения грамматических значений;
- выявление типологических особенностей синтаксиса, морфологии и лексики» [41, с. 34].

Лексико-семантические соответствия.

Лексико-семантические соответствия между таджикским и английским языками нередко характеризуются формальной асимметрией при смысловой близости. Одно и то же значение в данных языках может выражаться различными лексическими и синтаксическими средствами, что обусловлено национально-культурной спецификой и различиями в языковой картине мира.

Ср.:

Таджикский язык:

«Ман девонаат шудам»

Английский язык: *I'm madly in love with you*

«Несмотря на семантическую близость, таджикское высказывание имеет ярко выраженную экспрессивно-метафорическую окраску, тогда как английский вариант отличается большей прямоотой и стилистической нейтральностью» [19, с. 59].

Другой пример:

Таджикский язык: «Дилам сиёҳ шуд»

Английский язык: *I'm fed up with you / I can't stand you anymore*

В данном случае таджикский язык использует метафорический образ, связанный с понятием «сердце» как носителем эмоционального состояния, в то время как английский язык предпочитает эксплицитное, прямое выражение негативной эмоции [92, с. 48]. Это свидетельствует о большей образности таджикской эмоциональной лексики по сравнению с прагматически ориентированной английской.

Морфологические особенности

«Морфологический строй таджикского и английского языков

демонстрирует принципиальные типологические различия. Таджикский язык активно использует аффиксацию для выражения грамматических значений, особенно в системе падежей, времён и наклонений. Грамматические отношения в нём преимущественно кодируются с помощью словоизменительных и словообразовательных аффиксов» [91, с. 21].

В английском языке, напротив, «грамматические значения в значительной степени передаются аналитическими средствами — порядком слов, служебными словами и вспомогательными глаголами. Ограниченное использование флексий компенсируется жёсткой синтаксической структурой предложения» [122, с. 42].

Морфолого-синтаксические средства выражения грамматических значений

Морфологические и синтаксические способы репрезентации грамматических значений составляют одно из фундаментальных различий между аналитическим английским и флективно-агглютинативным таджикским языками. Особенно наглядно это проявляется в реализации категорий падежа, времени, числа, рода и наклонения.

В таджикском языке падежные отношения выражаются преимущественно посредством аффиксации и послелогов, тогда как в английском языке данные значения передаются главным образом через предлоги и фиксированный порядок слов. «Категория времени в таджикском языке реализуется с помощью глагольных форм и суффиксов, тогда как в английском языке — через систему вспомогательных глаголов и аналитических временных конструкций» [12, с. 44; 41, с. 37].

Сравнительно-сопоставительный анализ таджикского и английского языков позволяет выявить не только типологические различия, но и функциональные параллели в способах выражения грамматических значений. Эти наблюдения имеют важное значение для теории типологии, переводоведения и межкультурной коммуникации.

Исследование «Аффиксация (от лат. *affixus* — «прикреплённый»)

является одним из наиболее универсальных и продуктивных способов словообразования в языках мира. Несмотря на существенные типологические различия между таджикским и английским языками — флективно-агглютинативный характер таджикского языка и аналитическая структура английского — аффиксация занимает важное место в морфологической системе обоих языков» [122, с. 39; 12, с. 52].

Цель данного анализа заключается в выявлении общих и специфических особенностей функционирования аффиксации в таджикском и английском языках, а также в определении роли аффиксальных средств в выражении грамматических и словообразовательных значений.

«Аффиксация представляет собой процесс образования новых слов или грамматических форм путём присоединения морфем (аффиксов) к корню или основе. В зависимости от позиции по отношению к корню различаются префиксы, суффиксы, инфиксы (редкие), постфиксы и циркумфиксы» [210, 2002, с. 37].

В таджикском языке доминирует суффиксация, что обусловлено структурной ориентацией языка на словоизменительные окончания. В английском языке также преобладает суффиксация, однако по сравнению с таджикским языком более значимую роль играет префиксация, особенно в деривационной системе.

Суффиксация в таджикском и английском языках

Суффиксы в таджикском языке выполняют как словообразовательную, так и грамматическую функции. Они активно участвуют в формировании имён существительных, прилагательных, а также в выражении глагольных категорий времени, лица и числа.

Ср.:

дӯст + дор → **дӯстдор** (любящий)

омӯз + гор → **омӯзгор** (учитель)

Глагольные суффиксы используются для выражения лица и времени:
равам (я пойду), **равӣ** (ты пойдёшь).

Таким образом, суффиксация в таджикском языке является высокопродуктивным средством морфологической деривации и словоизменения.

Суффиксация в английском языке

В английском языке суффиксы преимущественно используются для изменения части речи и образования новых лексических единиц:

- *happy* → *happiness*
- *act* → *actor*
- *nation* → *national*

Кроме деривационной функции, некоторые суффиксы выполняют флективную роль, например, суффикс множественного числа -s:

- *cat* → *cats* [148, с. 68].

В целом суффиксация в английском языке менее грамматизирована, чем в таджикском, и в большей степени ориентирована на лексическое словообразование.

Префиксация в таджикском и английском языках

Английский язык активно использует префиксы для изменения значения слова, образования антонимических пар и уточнения семантики. Наиболее продуктивными являются префиксы *un-*, *re-*, *dis-*, *mis-*:

- *appear* → *disappear*
- *do* → *undo*
- *understand* → *misunderstand*
- *happy* → *unhappy*, *legal* → *illegal* [148, с. 101].

В таджикском языке префиксация используется значительно реже. В основном встречаются заимствованные префиксальные элементы персидского и арабского происхождения, выполняющие функцию отрицания или оценки, например:

написанд – «неписанный», где *на-* выражает отрицание.

В целом, «префиксация в таджикском языке ограничена и часто заменяется аналитическими или описательными конструкциями, что

подчёркивает суффиксальный характер морфологической системы языка» [90, с. 31].

Аффиксация в таджикском языке: грамматические функции

Таджикский язык, как представитель иранской ветви индоевропейской семьи, широко использует аффиксацию, постпозиции и окончания для выражения грамматических значений.

Падежные отношения:

- «**китоби ман**» — изафет как показатель принадлежности;
- «**барои ту**» — послелог как показатель датива.

Категория времени:

- «**рафтам**» — суффикс *-ам* как показатель прошедшего времени;
- «**меравад**» — префикс *ме-* и суффикс *-ад* для выражения настоящего времени.

Лицо и число: «Суффиксы *-ам*, *-ӣ*, *-ат* и др. играют ключевую роль в выражении грамматических категорий».

Аффиксация в таджикском языке выполняет не только грамматическую, но и стилистическую и словообразовательную функции.

Аналитизм в английском языке

Английский язык относится к аналитическому типу, в котором грамматические значения преимущественно выражаются синтаксическими средствами и служебными словами.

Порядок слов:

- *He gave her the book* — фиксированный порядок подлежащее—сказуемое—дополнение выполняет грамматическую функцию.

Вспомогательные глаголы:

- *He has gone* — перфектное время;
- *Will be doing* — будущее продолженное время.

Предлоги вместо падежных окончаний:

- *to him* — дативное значение;
- *of the book* — притяжательное значение [174, с. 75].

В английском языке выражение грамматических значений в большей степени зависит от синтаксической конструкции, чем от морфологической формы слова.

Аффиксация как способ словообразования и выражения грамматических значений носит универсальный характер, однако её реализация в таджикском и английском языках существенно различается. В таджикском языке аффиксация является более грамматизированной и морфологически продуктивной, тогда как в английском языке она дополняется аналитическими средствами и ориентирована преимущественно на семантическое словообразование. Эти различия обусловлены типологической природой языков, их историческим развитием и доминирующими стратегиями языкового выражения.

Исследование типологических особенностей таджикского и английского языков показывает, что способы выражения грамматических значений в них основаны на различных структурных механизмах. В таджикском языке доминируют морфологические средства, прежде всего аффиксация, тогда как в английском языке ведущую роль играют аналитические конструкции, служебные слова и строгий порядок слов. Так, грамматическое значение прошедшего времени и лица в таджикском языке может быть выражено в пределах одной словоформы, например в форме «рафтам», которая одновременно указывает на действие, его завершённость, лицо и число говорящего. В английском языке аналогичное значение требует развернутой конструкции с обязательным личным местоимением и формой глагола, как в высказывании “I went”.

Аффиксация и аналитизм представляют собой два типологически противоположных способа выражения грамматических значений. Флективность основана на использовании формальных морфем, посредством которых внутри одного слова кодируется несколько грамматических категорий [125, с. 271]. В таджикском языке это проявляется, в частности, в системе личных глагольных окончаний, ср. «рафтам» — «рафтӣ», где

различие лица выражено суффиксально [40, с. 142]. «Аналитизм, напротив, предполагает раздельное оформление грамматических значений с помощью вспомогательных слов и синтаксического контекста, как в английской форме будущего времени “will speak”, где значение будущности передаётся отдельным вспомогательным глаголом» [127].

Несмотря на противопоставление синтетизма и аналитизма, данная типологическая оппозиция не является абсолютной, поскольку в большинстве современных языков наблюдаются смешанные структурные признаки [140, с. 32]. В таджикском языке, наряду с развитой системой аффиксации, встречаются аналитические элементы, тогда как в английском языке сохраняются отдельные морфологические показатели, такие как окончание множественного числа -s и форма притяжательного падежа 's.

Аналитический характер английского языка особенно наглядно проявляется в глагольной системе, где сложные временные и видо-временные значения оформляются посредством сочетания нескольких служебных элементов, например в конструкции “has been working”, передающей перфектность и длительность действия. В таджикском языке сходные значения выражаются более компактно за счёт морфологических средств и контекста [123, с. 64].

Кроме того, в английском языке порядок слов выполняет грамматическую функцию, что подтверждается различием значений в предложениях “He saw her” и “She saw him”, где изменение позиции подлежащего и дополнения приводит к изменению семантических ролей.

Типологические различия между таджикским и английским языками существенно влияют на процессы перевода и обучения иностранным языкам. Таджикская форма «меравем», включающая значения лица, числа и процесса действия, при переводе на английский язык требует аналитического раскрытия в форме “we are going”. Буквальный перенос морфологической структуры таджикского предложения в английский язык, например в виде конструкции “I book read”, нарушает синтаксическую норму и является

проявлением межъязыковой интерференции. Таким образом, сопоставительный анализ аффиксации и аналитизма с привлечением конкретных языковых примеров позволяет глубже раскрыть структурные особенности сравниваемых языков и способствует повышению эффективности межъязыковой и межкультурной коммуникации.

Сопоставительный анализ аффиксации, аналитизма и синтаксических структур углубляет понимание типологических особенностей языков и способствует более эффективному обучению иностранным языкам, переводу и культурной адаптации. Он позволяет выявить внутренние механизмы грамматического оформления мысли и формирует осознанный подход к языковой интерпретации и кросскультурной коммуникации.

Синтаксическая структура предложения играет ключевую роль в формировании значения высказывания. В английском языке, который относится к аналитическим, доминирует фиксированный порядок слов подлежащее – сказуемое – дополнение, что обеспечивает грамматическую правильность и смысловую однозначность высказываний.

Например, в предложениях «John reads a book» или «She opened the door» соблюдение базового порядка слов SVO критично для правильной интерпретации. Любое нарушение структуры, как в «A book reads John», приводит к грамматической ошибке или к изменению смысла.

Вопросительные и инверсные конструкции также подчиняются строгим правилам: «Does he know the answer?» или «Rarely have I seen such talent» являются допустимыми формами, поскольку инверсия в английском языке строго регулируется грамматикой. В поэтической и архаичной речи возможны отклонения, например, «Gone is the summer wind», однако они остаются подчинёнными синтаксическим нормам.

Таджикский язык, являющийся флективно-агглютинативным, обладает более гибким порядком слов. Наиболее частотной является структура SOV, как в предложении «Зухро китоб мехонад» (Zuhro reads a book). Однако в зависимости от коммуникативной цели, стиля и интонации допустимы

варианты, которые не нарушают грамматику: «Китоб Зухро мехонад» акцентирует объект, «Мехонад Зухро китоб» может использоваться в поэтическом или публицистическом стиле, а «Зухро мехонад китоб» допустимо при определённой интонации.

Подобные перестановки слов служат прагматическим функциям, усиливают семантическое выделение, актуализируют тему или рему высказывания, при этом не нарушая синтаксической нормы. Инверсия в таджикском языке регулируется не только грамматикой, но и тематико-рематическим членением, что позволяет расставлять акценты: «Китобро Зухро мехонад» актуализирует объект, тогда как «Зухро мехонад китобро» подчёркивает субъекта как действующее лицо.

Сопоставление английского аналитизма с фиксированным порядком слов и таджикской гибкой синтаксической структурой показывает принципиальные типологические различия. В английском языке любое отклонение от порядка слов должно быть грамматически мотивировано, тогда как в таджикском языке инверсия является инструментом стилистического и семантического выделения, не нарушая нормы. Понимание этих различий критически важно для обучения иностранным языкам, перевода и кросскультурной коммуникации, так как помогает учитывать внутренние механизмы грамматического оформления высказываний и смысловые акценты, заложенные в структуре предложений.

Сравнение английского и таджикского языков с точки зрения порядка слов выявляет существенные различия, обусловленные их типологической природой и коммуникативной организацией высказывания. Английский язык как аналитический характеризуется жёстко фиксированным порядком слов, который выполняет прежде всего грамматическую функцию и обеспечивает однозначность интерпретации высказывания. Нарушение синтаксической схемы в английском языке, как правило, приводит к искажению смысла или воспринимается как стилистическое отклонение [103, с. 62].

Таджикский язык, напротив, относится к языкам с развитой системой

словоизменения, что позволяет ему допускать различные варианты порядка слов. Инверсия в таджикском языке используется не только как стилистический приём, но и как средство актуализации смыслового центра высказывания, а также для передачи эмоционально-экспрессивных оттенков речи [40, с. 94]. Порядок слов в таджикском языке выполняет преимущественно коммуникативно-прагматическую функцию.

В некоторых примерах сердце выступает как центр эмоциональной жизни человека, кровь – как метафора боли, а крылья – как символ свободы и стремления.

Английский язык, особенно в рамках современной нормативной речи, склонен к более прямому и нейтральному описанию эмоциональных состояний. Эмоции, как правило, выражаются при помощи общеупотребительных прилагательных и глаголов с чётко очерченной семантикой: *He is sad, She felt nervous before the meeting, I'm so happy today, They were shocked by the news* [127]. Подобные конструкции обеспечивают точность и ясность передачи информации, однако обладают меньшей образной насыщенностью.

Следует отметить, что в английском языке также существуют идиоматические выражения, такие как *to break someone's heart* («разбить сердце»), *butterflies in one's stomach* («волноваться»), *to be over the moon* («быть чрезвычайно счастливым»). Тем не менее, данные единицы чаще употребляются в разговорной или художественной речи и в целом менее эмоционально нагружены по сравнению с аналогичными выражениями таджикского языка.

Причины выявленных различий носят комплексный характер. С одной стороны, они обусловлены культурными предпосылками: таджикская культура, относящаяся к восточной цивилизационной традиции, ориентирована на метафоричность, символизм и аллегоричность, тогда как английская культура, формировавшаяся в рамках западной рационалистической парадигмы, стремится к логичности, точности и

однозначности выражения [157, с. 24]. С другой стороны, значительную роль играет литературная традиция: таджикская словесность исторически развивалась преимущественно в русле поэзии и философской мысли, тогда как английская литература формировалась преимущественно в жанрах прозы и дискурсивного анализа.

Социальные функции языка выходят за рамки простой передачи информации и отражают особенности национального мировосприятия. Таджикский язык выполняет не только коммуникативную, но и выраженную эстетико-духовную функцию, что проявляется в высокой степени образности, метафоричности и символической насыщенности языковых средств. Английский язык, напротив, в большей степени ориентирован на функционально-информационную задачу, обеспечивая точность, ясность и нейтральность высказывания [44, с. 112].

Таджикский язык отличается высоким уровнем культурной метафоричности, особенно при выражении эмоций, состояний и оценочных характеристик личности. Английский язык ориентирован преимущественно на буквальность и логическую структурированность, что находит отражение в системе его эмоционально-оценочной и интеллектуальной лексики. Учет данных различий имеет принципиальное значение для межкультурной коммуникации, перевода художественных текстов и методики преподавания иностранных языков.

Проведённое сопоставительное исследование показало, что, несмотря на глубокие типологические различия, таджикский и английский языки обладают потенциальной взаимной эквивалентностью при условии адекватного анализа и культурной адаптации. Существенным является учет не только структурных, но и культурно-прагматических факторов, формирующих значение языковых единиц. Перспективным направлением дальнейших исследований представляются когнитивная типология и межкультурная семантика.

Фразеологическая картина мира и интеллектуальные концепты

Фразеологическая картина мира отражает не только лингвистические, но и культурно-национальные особенности восприятия действительности.

Одной из значимых тематических сфер в любой языковой культуре является область интеллектуальных характеристик и психических состояний человека. В настоящем разделе рассматриваются и сопоставляются концепты «глупый», «глупеть», «умный», «умнеть», «сумасшедший», «в своём уме» в таджикском и английском языках.

Концепт «глупый / stupid»

В таджикском языке представление о глупости часто репрезентируется через фразеологические единицы, подчеркивающие бестолковость, ограниченность и неспособность к рациональному мышлению. Типичными являются следующие выражения:

Сар ба девор задан — букв. «биться головой об стену», обозначает неразумный, бесполезный поступок.

Сари беҳисоб — «пустая голова», человек, лишённый разума.

Аз паси ҳарф намеафтад — «не улавливает смысл сказанного», медленно соображающий человек.

В английском языке аналогичный концепт выражается посредством фразеологизмов, в которых также используется метафора головы или предметов, связанных с мышлением:

- **Thick skull, bonehead, blockhead** — акцентируют тупоумие и интеллектуальную ограниченность.

- **Light as a butterfly** — указывает на легкомыслие и поверхностность.

- **Not the sharpest tool in the shed** — образное смягчённое указание на недостаток ума [216].

Концепт «глупеть / to lose one's wits»

В обеих языковых системах прослеживается связь между утратой умственных способностей и возрастными или психическими изменениями. В таджикском языке данное значение передается через следующие выражения:

Сараш намекашад — «его голова не тянет», снижение умственной активности.

Ба гап намеояд — «не схватывает суть».

В английском языке используются как нейтральные, так и разговорные формы:

To lose one's wits, to go senile — прямое обозначение когнитивного упадка.

Losing it, he's not all there — указывают на потерю связи с реальностью.

Концепты «умный / clever» и «умнеть / to get smart»

В таджикском языке положительная интеллектуальная характеристика чаще связана с метафорами ясности, глубины и потенциала развития:

Чашми дидан дорад — «обладает проницательным взглядом».

Зехни бурро — «острый ум».

Сари сабз дорад — букв. «зелёная голова», символ способности к обучению и росту.

В английском языке данные качества выражаются через лексемы, подчёркивающие логичность и быстроту мышления:

Sharp mind, bright spark, quick-witted — ясность и оперативность мышления.

To get smart — приобретать опыт, учиться на ошибках.

Концепты «сумасшедший / crazy» и «в своём уме / in one's right mind»

В таджикском языке психические отклонения трактуются как отклонение от нормы разума и поведения:

Аклаш канда шудааст — «его разум сорвался».

Девонавор рафтор кардан — «вести себя безумно».

Аз ақл бегона шудааст — «утратил разум» [90].

В английском языке используются преимущественно эвфемистические и разговорные выражения:

To lose one's mind, to be off one's rocker, a bit touched in the head — указание на сумасшествие.

In one's right mind — «в здравом уме».

Сигнификативный и денотативный компоненты значения фразеологизмов

Под **сигнификативным компонентом значения** понимается объём обобщённой информации, выражаемой фразеологической единицей в отношении обозначаемого явления внеязыковой действительности. Он отражает концептуальное осмысление признаков объекта или состояния, закреплённое в коллективном сознании носителей языка [92, с. 83].

Денотативный компонент значения включает предметную соотнесённость фразеологизма с конкретным лицом, действием, состоянием или ситуацией. В фразеологических единицах, обозначающих интеллектуальные и психические характеристики человека, денотативный компонент соотносится, как правило, с человеком как носителем разума, а сигнификативный — с оценкой его умственных способностей или отклонений от нормы.

В таджикском языке сигнификативный компонент часто реализуется через образ «сар» (голова) как символ разума, тогда как в английском языке наблюдается тенденция к эвфемизации и социальной маркированности выражений. Эмоционально-оценочная лексика, связанная с умственными способностями, выполняет не только описательную, но и культурно-кодифицирующую функцию, отражая общественные представления о нормах мышления и поведения.

Как правило, значение фразеологической единицы формируется на основе метафорического или метонимического переноса, а также сравнительного образа, посредством которого обозначается денотат и одновременно даётся его коннотативная характеристика в структуре сигнификата [4, с. 116]. В семантике фразеологизмов могут доминировать как рационально-экспрессивные, так и эмоционально-оценочные семы.

В случае преобладания рационально-экспрессивных компонентов именно они становятся основой для формирования эмоционально-оценочного фона значения. Семантика фразеологических единиц представляет собой сложное и многоаспектное явление, что обусловлено спецификой отражения ими сегментов объективной действительности. Значение фразеологизма

реализуется одновременно в **сигнификативном** и **денотативном** аспектах, которые находятся в тесной взаимосвязи [51, с. 54].

Будучи переосмысленными языковыми единицами и выполняя номинативно-характеризующую функцию, фразеологизмы отличаются лексической связанностью и по типу синтагматических отношений требуют определённой сочетаемости с тематически обусловленными группами слов.

Для их корректного функционирования необходим контекст, позволяющий распознать фразеологическую единицу как целостное образование, а не как свободное словосочетание, и обеспечить её адекватную интерпретацию.

При этом в процессе функционирования фразеологических единиц не должны утрачиваться не только их денотативные компоненты, но и коннотативные характеристики, включая экспрессивность, стилистическую маркированность и эмоциональную окраску.

Фразеологические единицы, отражающие действия и поведение человека, занимают значимое место в разговорной и художественной речи. Они несут в себе не только лексико-семантическое значение, но и выраженный культурный, национальный и эмоциональный подтекст. В настоящем разделе проводится сопоставительный анализ английских и таджикских фразеологических единиц, репрезентирующих действия и модели поведения человека, с учётом их семантики, стилистических особенностей и национально-культурной специфики.

1. Фразеологические единицы, выражающие действия человека

Английский язык

put the accent on something — делать акцент, подчёркивать;

bury one's face in one's hands — закрыть лицо руками;

cool one's coppers (разг.) — опохмелиться;

cock an eye — подмигивать;

give a lesson — проучить;

make a run for it — пускаться наутёк;

rest one's head / hit the pillow — ложиться спать.

Таджикский язык

ба чизе диққат додан / таъкид кардан — сделать акцент;

Мо бояд ба нақши ҷавонон дар ҷомеа таъкид кунем.

даст ба рӯ андохтан — закрыть лицо руками;

Ӯ бо шунидани ин хабар даст ба рӯяш андохт.

об зада нӯшидан — опохмелиться (разг., народная речь);

чашмпаронӣ кардан / чашмак задан — подмигивать;

дарси ибрат додан — наказать в назидание;

гурехтан бо тамоми қувва / панаҳ бурдан — пуститься наутёк;

ба болишт сар мондан — лечь, отдыхать.

Проведённый анализ показывает, что таджикский и английский языки обладают богатым набором фразеологических единиц, описывающих телесные, мимические и поведенческие действия человека. При этом таджикские выражения отличаются большей семантической прозрачностью и часто опираются на фольклорные и бытовые реалии, тогда как английские фразеологизмы нередко носят разговорный или игровой характер и не всегда имеют точные межъязыковые эквиваленты (например, *cool one's coppers*).

2. Фразеологические единицы, характеризующие поведение человека

Английский язык

come the acid (жарг.) — язвить;

stand on ceremony — быть излишне церемонным;

carry someone on hands — баловать;

live like a bird of the air — жить беззаботно.

Таджикский язык

забонро неш задан — язвить, говорить колко;

Мисли ҷамеша забонро неш зад.

расмият ба ҷо овардан / бо расмият рафтор кардан — быть церемонным;

ба болои каф гирифта гардондан — носить на руках;

Писараширо чун гаҳвора дар каф гирифта гардонд.

чун бод гузарондан / чун парвона зистан — жить беспечно;
Ў ҳаёти худро чун бод гузаронд, бе таъвишу мушкилот.

Таджикская фразеология в большей степени ориентирована на поэтические и символические образы (чун бод, чун парвона), тогда как английские эквиваленты стремятся к более конкретной и ситуационно обусловленной передаче поведения. «Обе языковые системы репрезентируют сходные концепты, однако различаются по стилю и образности: таджикский язык тяготеет к аллегории и метафоризации, английский — к разговорной идиоматике и прагматической конкретизации» [164, с. 148].

Сравнительный анализ подтверждает, что фразеологические системы таджикского и английского языков обладают значительным выразительным потенциалом при описании действий и поведения человека. При этом таджикская фразеология более тесно связана с культурной символикой и национальной образностью, тогда как английская — с точной ситуационной семантикой. Учет этих различий особенно важен в переводческой практике, преподавании языков и межкультурной коммуникации.

ГЛАВА 3. СТРУКТУРНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ МИКРОПОЛЯ ЭМОЦИЙ В ТАДЖИКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

3.1. Некоторые особенности эмоциональных концептов в англоязычной лексике с использованием неологизмов

Наша жизнь меняется очень быстро, и эти изменения идут своим отражением на языке. Непрерывающийся прогресс в различных областях, таких как экономика, политика, технологии и социальная сфера, приводит к появлению новых направлений и понятий, что, в свою очередь, влечет за собой создание новых языков в языке. Любые слова таковы: «языковой оболочкой процессов и явлений, происходящих в том или ином обществе, и, как Япония, отражают текущую действительность во всем ее многообразии» [111, с. 562].

Новые слова, возникающие в языке, известные как неологизмы. Согласно большинству лингвистических исследований, неологизмы развиваются как «слова или словосочетания, которые включаются в язык в связи с ростом культуры и развития, развитием или изменением социальных отношений и изменением условий жизни и быта людей и воспринимаются как новые» [10, с. 323].

Исследование неологизмов позволяет рассмотреть основные тенденции развития лексической системы любого языка, увидеть особенности отражения мира в неологическом периоде (причем как особенности языковой личности, так и народа в целом); Слово «образовательный» и семантический потенциал, «управляемая» языковая система становится в некоторой степени креативной, создают новые элементы, которые важны при составлении словесных неологизмов. «Развитие любой отрасли невозможно без участия адекватного лексикографического представления и условного анализа семантики его новых и заимствованных единиц, которые являются макетами для целостного изучения достижений специализированной области знаний и сопутствующей ее терминологии» [129, с. 609].

«Микрополе эмоций в языке представляет собой совокупность лексических единиц, отражающих различные аспекты эмоционального опыта

человека». В английском языке данное микрополе характеризуется высокой степенью структурной сложности, что обусловлено как развитой системой экспрессивных средств, так и широким спектром концептуализации эмоциональных состояний [61, с. 8].

Эмоциональные микрополя рассматриваются в рамках лексической семантики и когнитивной лингвистики. Теоретические основы полевого подхода были заложены в трудах Е. С. Кубряковой, Дж. Лакоффа, А. Вежбицкой и других исследователей [34, с. 8].

В рамках настоящей работы микрополе эмоций трактуется как структурный компонент семантического поля «EMOTION», включающий ряд подполей, репрезентирующих базовые эмоции, такие как радость, гнев, страх, печаль, любовь и стыд.

Каждое микрополе обладает иерархической структурой, включающей ядро, околядерную зону и периферию. «Ядро формируют наиболее частотные и семантически немаркированные лексемы, обозначающие базовые эмоции: *joy, anger, fear, love, sadness*» [127]. Периферию составляют единицы с более узкой и интенсивной эмоциональной окраской: *delight, rage, panic, adoration, melancholy*. Околядерную зону образуют неологизмы, идиоматические выражения, эвфемизмы и контекстуально обусловленные конструкции, например *hangxiety, thrill-seeker, emodump*.

К числу лексических средств репрезентации эмоций в английском языке относятся существительные, прилагательные и глаголы, такие как *excitement, sorrow, hate, blissful, furious, to grieve, to rejoice*. Существенную роль играют фразеологизмы и идиоматические выражения: *to be over the moon, to feel blue, to lose one's temper, to have butterflies in the stomach*, которые усиливают экспрессивность и эмоциональную насыщенность высказывания.

Важное место в современном английском эмоциональном микрополе занимают неологизмы и элементы сленга, отражающие реалии цифровой эпохи и медиакоммуникации: *doomscrolling, sadfishing, hangxiety*. Данные единицы фиксируют новые формы эмоционального переживания и

свидетельствуют о динамичности лексической системы языка [154, с. 67].

Эмоциональная экспрессия реализуется не только на лексическом, но и на синтаксическом уровне. Конструкции типа *What a relief it was!* или *I could barely contain my joy* служат средством интенсификации эмоционального содержания и передачи субъективной оценки говорящего.

С когнитивной точки зрения эмоции в английском языке часто осмысливаются посредством концептуальных метафор. Так, гнев репрезентируется через метафору жара (*anger is heat: he was boiling with rage*), а страх — через метафору холода (*fear is cold: a chill of fear ran down his spine*). Подобные метафоры обеспечивают осмысление абстрактных эмоциональных состояний через телесный и сенсорный опыт человека.

В рамках концептуальной теории эмоций (Conceptual Act Theory) подчёркивается, что язык функционирует как связующее звено между телесными ощущениями и их когнитивной категоризацией. Эмоциональные микрополя формируются посредством лингвистических ресурсов — слов, конструкций и контекстов, которые придают эмоциям структурированную форму в сознании человека [169, с. 28]. Эмпирические исследования показывают, что такие эмоциональные понятия, как «гнев», «радость» и «печаль», обладают универсальными чертами, но при этом существенно зависят от культурного контекста [24, с. 503].

Центральными узлами эмоционального поля в английском языке выступают лексемы *good, bad, love, want*, вокруг которых группируются более частные и интенсивные оттенки эмоциональных состояний. Для выражения различных степеней одной и той же эмоции используются лексемы с разной степенью интенсивности, например: *joy — delight — ecstasy; anger — annoyance — rage*. Это отражает градуальную структуру микрополя и наличие тонких семантических переходов между базовым и усиленным значением эмоции [127, с. 7].

Синтаксис и контекст являются фундаментальными компонентами языковой системы, обеспечивающими структурную организацию

высказывания и его адекватную интерпретацию в процессе коммуникации. В таджикском и английском языках данные аспекты реализуются по-разному, что обусловлено типологическими, морфологическими и прагматическими особенностями этих языков. Настоящее исследование направлено на выявление универсальных и национально-специфических черт синтаксической организации и контекстуального функционирования языковых единиц в таджикском и английском языках [116].

1. Синтаксические особенности

Английский язык характеризуется жёстко фиксированным порядком слов типа **SVO (subject + verb + object)**, который играет ключевую роль в выражении грамматических отношений между компонентами предложения. Нарушение данного порядка, как правило, приводит к изменению смысла или грамматической некорректности высказывания [126]. Например:

She gave him a book.

Инверсия в английском языке используется ограниченно и, как правило, выполняет экспрессивную или акцентуирующую функцию: *Only then did he realize the truth.*

Таджикский язык, напротив, характеризуется относительной свободой порядка слов, при базовой модели **SOV (подлежащее + дополнение + сказуемое)**. Такая вариативность позволяет говорящему актуализировать различные компоненты высказывания без нарушения грамматической правильности:

Ū kitob dod.

Ба ū kitob dod — с акцентом на адресате действия.

Гибкость синтаксической структуры таджикского языка объясняется его флективной природой, при которой грамматические отношения выражаются преимущественно морфологическими средствами, а не строгим порядком слов [94].

2. Контекстуальные аспекты

Контекст в таджикском языке играет определяющую роль в

интерпретации высказывания. Часто отдельные члены предложения, прежде всего подлежащее, опускаются, поскольку их значение восстанавливается из ситуации общения или предшествующего контекста:

Рафт ба бозор. — субъект действия ясен из контекста.

В английском языке подобная имплицитность ограничена. Структура предложения требует обязательного эксплицитного выражения подлежащего, особенно в письменной и формальной речи:

He went to the market. — пропуск подлежащего невозможен.

Английский язык демонстрирует более высокий уровень синтаксической эксплицитности, тогда как таджикский язык допускает контекстуально обусловленную редукцию элементов высказывания.

3. Прагматические различия

С точки зрения прагматики английский язык активно использует дискурсивные маркеры и связующие конструкции для логической организации текста и выражения причинно-следственных отношений:

however, therefore, on the contrary, in conclusion и др.

В таджикском языке логическая связность высказывания чаще реализуется при помощи лексико-грамматических средств, включая послелогии, вводные слова и интонационные модели: *бо вучуди ин, аз ин рӯ, илова бар ин.*

Такие различия отражают особенности коммуникативных стратегий в двух языках и степень формализованности дискурса.

4. Роль интонации и порядка слов в контексте

В английском языке актуальное членение предложения (тема — рема) чаще всего выражается при помощи фиксированного порядка слов и специальных эмфатических конструкций, таких как *cleft-sentences*:

It was John who fixed the car — фокусирование на субъекте действия.

В таджикском языке аналогичное коммуникативное значение достигается посредством перестановки компонентов предложения или дублирования местоимений:

Ū bud, ki moširo taъmir kard.

Moširo ū taъmir kard.

Интонация при этом играет вспомогательную, но значимую роль, усиливая прагматический эффект высказывания.

«Сравнительный анализ синтаксических и контекстуальных аспектов таджикского и английского языков показывает, что английский язык в большей степени опирается на фиксированные синтаксические структуры и формальную эксплицитность выражения, тогда как таджикский язык характеризуется синтаксической гибкостью и высокой степенью контекстуальной имплицитности. Данные различия имеют принципиальное значение для перевода, преподавания иностранных языков, а также для межкультурной коммуникации и анализа художественных и публицистических текстов» [126, с. 5].

Эмоциональные состояния в языке вербализуются не только посредством отдельных лексических единиц, но и через синтаксические конструкции, контекстуальные механизмы и паралингвистические средства. Существенную роль в передаче эмоций играют эмоционально окрашенные вводные слова, усилительные конструкции и повтор, которые позволяют интенсифицировать переживание (ср.: *I was absolutely thrilled; so, so sad*). Наряду с этим важное значение имеют паралингвистические маркеры — интонация, паузы, междометия, — которые, хотя и не всегда фиксируются письменно, существенно влияют на интерпретацию эмоционального содержания высказывания.

В английском языке система выражения эмоций отличается развитой морфологической и семантической градацией. Использование суффиксов, модификаторов степени и оценочных компонентов позволяет передавать тонкие оттенки одного и того же эмоционального состояния, что является одной из ключевых структурных характеристик данного языка. Благодаря этому эмоциональное микрополе в английском языке обладает высокой дифференцированностью и гибкостью.

Практическая значимость изучения языковых средств выражения эмоций проявляется в ряде междисциплинарных областей. В психологии и психотерапии язык эмоций служит инструментом осознания, распознавания и вербализации внутреннего состояния личности. В переводоведении и межкультурной коммуникации понимание структуры эмоциональных микрополей выступает гарантией адекватной передачи эмоционального содержания между языками и культурами. В сфере искусственного интеллекта и автоматической обработки текста эмоциональные микрополя используются при моделировании анализа тональности, что способствует более точному распознаванию эмоциональных реакций в многоязычной среде.

Структура микрополей эмоций в английском языке формируется на основе взаимодействия базовых эмоциональных лексем, лексических градаций и синтаксических средств. Эти структуры отражают как универсальные психологические процессы, так и специфические культурно-языковые особенности англоязычного сообщества. Их исследование имеет существенное значение для когнитивной лингвистики, теории эмоциональной коммуникации и разработки эмоционально ориентированных цифровых технологий.

Современный английский язык демонстрирует интенсивное развитие эмоциональной лексики, что выражается, в частности, в активном создании и заимствовании неологизмов, предназначенных для обозначения новых, ранее не концептуализированных эмоциональных состояний. Особенно заметным данный процесс становится в условиях цифровизации и усиления глобального культурного взаимодействия.

Неологизм определяется как новое слово или выражение, вводимое в язык для обозначения новых явлений, понятий или чувств, не имевших ранее устойчивого лексического выражения. В сфере эмоций такие единицы расширяют границы эмоционального микрополя, заполняя семантические лакуны и позволяя более точно описывать субъективный опыт.

Источники эмоциональных неологизмов в английском языке

разнообразны. Одним из продуктивных механизмов является словосложение и деривация, основанные на комбинации корней и аффиксов (например, *blissfulsnap* — кратковременный момент экстатического счастья). Широко распространено также смешение элементов (*blending*), при котором формируются гибридные слова, такие как *hangxiety* (от *hangover* и *anxiety*), обозначающее тревожное состояние после похмелья. Значительную роль играют заимствования, отражающие интерес к эмоциональной специфике других культур, что проявляется в адаптации таких слов, как *schadenfreude*, *sisu*, *hikikomori*.

С функциональной точки зрения эмоциональные неологизмы выполняют несколько важных задач. Во-первых, они заполняют смысловые лакуны, обозначая эмоциональные переживания, ранее не имевшие точного лексического эквивалента (например, *sjayu* — эстетический восторг от созерцания искусства, не сводимый к понятию *joy*). Во-вторых, такие единицы обеспечивают прямоту и нюансированность выражения, часто одновременно кодируя как характер, так и интенсивность эмоции (ср.: *hangxiety*, *smoggy* в значении «тоскливо-туманное настроение»). В-третьих, неологизмы нередко выполняют функцию социальной и культурной маркировки: в молодежной среде слова типа *sadgasm* («всплеск печали») становятся маркерами поколенческой идентичности.

Типологической особенностью английской эмоциональной лексики является ориентация на интенсивность и градацию. Неологизмы активно используются для усиления базовых эмоций (*joy* — *joygasm*; *sadness* — *sadnado*), при этом важную роль играет согласование фонетической формы и семантики. Так, слова типа *sadsplosion* передают внезапный эмоциональный выброс за счёт звуковой метафоры «взрыва».

Подобные лексемы отражают новую когнитивно-эмоциональную реальность и демонстрируют прагматическую адаптацию языка к изменяющимся условиям общения [149, с. 112].

Использование эмоциональных неологизмов в художественной

литературе, мемуарах и публицистике позволяет авторам быстро и точно передавать сложные психоэмоциональные состояния, минимизируя описательные конструкции и усиливая экспрессивность текста.

Эмоциональные концепты и контекстуальная репрезентация в таджикской художественной прозе

В таджикской художественной литературе эмоциональные состояния традиционно передаются преимущественно имплицитно — через описание поступков, поведения персонажей, символических деталей и культурно значимых метафор. В произведениях Садриддина Айни, Рахима Джагиля, Фазлиддина Мухаммадиева эмоциональный концепт редко вербализуется напрямую, а раскрывается посредством контекста и образной системы текста [7, с. 41].

Так, в романе С. Айни «Одина» внутренние переживания главного героя передаются через метафорический образ:

«Дар дили Одина ғам мисли кӯҳи бузург чой гирифта буд...»

Здесь эмоциональный концепт *андӯх* (грусть, тяжёлое душевное состояние) актуализируется через образ горы, который в таджикской лингвокультуре ассоциируется с тяжестью, устойчивостью и молчаливым терпением. Примечательно, что эмоция не называется напрямую, а реконструируется читателем на основе культурного знания [8, с. 97].

Фазлиддин Мухаммадиев активно использует описательные конструкции с высокой степенью образности:

«Аз чашмонаш ашки ноаён мерехт — ашки қалб».

Образ «невидимых слёз» символизирует глубокую внутреннюю боль, при этом прямое эмоциональное наименование отсутствует, что усиливает психологическую деликатность повествования [69, с. 63].

Таким образом, таджикская художественная проза тяготеет к метафоричности, эмоциональной сдержанности и контекстуальности, что отражает культурную традицию уважительного отношения к внутреннему миру личности и ценность невысказанных чувств.

В английской литературной традиции эмоции, как правило, выражаются более эксплицитно. В произведениях Чарльза Диккенса эмоциональные состояния персонажей передаются через детальное описание внешних реакций — мимики, жестов, телесных движений:

“His face turned pale, his hands shook — he was overwhelmed with dread.”

Страх здесь вербализуется посредством визуальных и кинетических признаков, что делает эмоцию открытой и легко распознаваемой читателем [123, с. 214].

В прозе Джейн Остин преобладает социально-контекстуальная подача эмоций. Эмоциональные состояния персонажей тесно связаны с нормами этикета, речевого поведения и социального статуса:

“Her words faltered, and she could not look him in the face.”

Неуверенность и стыд передаются через паузу в речи и отказ от зрительного контакта, что соответствует сдержанной эмоциональной модели английского общества XIX века [107, с. 88].

В обоих случаях эмоции выполняют прагматическую функцию — они служат средством раскрытия характера персонажа, его мотивации и межличностных отношений.

В таджикском языке значительную роль в репрезентации эмоций играют глагольно-именные конструкции (*дил ба дард омад, ҷигар реш шуд*), пословицы и афористические выражения, а также этнокультурные образы, связанные с телесными и духовными центрами переживания — *дил* (сердце), *ҷигар* (печень), *чаши* (глаз) [73, с. 52].

В английском языке доминируют идиоматические выражения (*to be over the moon, to lose one's temper*), эмотивные прилагательные (*ecstatic, furious, heartbroken*), а также эмоциональные неологизмы и устойчивые коллокации (*emotional rollercoaster, crippling anxiety*), обеспечивающие высокую степень эксплицитности эмоционального выражения [132, с. 136].

Таджикская и английская художественная проза опираются на разные лингвокультурные модели эмоциональной репрезентации: таджикская

литература характеризуется контекстуальной метафоричностью и этической сдержанностью, тогда как английская — структурированной, оценочной и открытой эмоциональностью. В условиях межкультурного перевода это требует глубокого анализа прагматических значений, жанровой специфики и культурной адаптации.

Настоящий раздел посвящён анализу лексико-семантических характеристик эмоционально окрашенной лексики в английском языке и её эквивалентов при переводе на таджикский язык. Особое внимание уделяется семантическим сдвигам, прагматическим функциям и лингвокультурным аспектам, возникающим в процессе межъязыковой передачи эмоций.

3.2 Лексико-семантические особенности эмоциональной лексики английского языка и её перевод на таджикский язык.

«Эмоции представляют собой неотъемлемый компонент человеческой коммуникации, а язык выступает основным средством их осмысления и выражения. Эмоциональная лексика охватывает широкий круг языковых единиц, обозначающих внутренние состояния человека, такие как радость, страх, гнев, стыд, гордость и тревога. При переводе эмоционально окрашенных единиц с английского языка на таджикский переводчик сталкивается с рядом сложностей, обусловленных семантическими расхождениями, культурными различиями и особенностями грамматического строя языков» [132, с. 59].

«Английский язык располагает обширным набором средств для выражения эмоций. К ним относятся лексемы с прямой эмоциональной семантикой (*joy, anger, fear, sadness, hope*), слова с ярко выраженной коннотативной окраской (*thrilled, devastated, miserable, ecstatic*), а также фразеологизмы и идиоматические выражения (*over the moon, heartbroken, blow a fuse, walk on air*). Существенную роль играют и современные неологизмы и элементы молодёжного сленга (*hangxiety, vibe, emo, doomscrolling*), отражающие новые формы эмоционального опыта в условиях цифровой

коммуникации» [113, с. 118].

Указанные языковые средства позволяют передавать как базовые, так и тонко дифференцированные эмоции, однако их перевод требует учёта контекста, регистра речи и прагматической функции высказывания.

Для таджикского языка характерны образность, метафоричность и широкое использование фразеологических оборотов при выражении эмоций. Эмоциональные состояния часто передаются через устойчивые сочетания и глагольно-именные конструкции, такие как *дилишикаста шудан* («быть с разбитым сердцем»), *хушхол шудан* («радоваться»), *ба газаб омадан* («прийти в ярость») [78, с. 44].

Особенностью таджикской эмоциональной лексики является её тесная связь с традиционными поэтическими формулами, пословицами и образами коллективного сознания. Эмоции нередко вербализуются через символические концепты, связанные с внутренними органами (*дил* — сердце, *чигар* — печень), что придаёт высказыванию национально-культурную специфику [89, с. 71].

В английском языке наблюдается тенденция к использованию конкретных прилагательных и глаголов с явно выраженной эмоциональной окраской (*to be thrilled, to be devastated, to feel embarrassed, to rejoice, to mourn*). Значительное место занимают эмоциональные идиомы (*to be over the moon, to be on edge, to lose one's temper*), которые требуют особого внимания при переводе, поскольку их буквальная передача зачастую приводит к искажению смысла [112, с. 93].

Эксплицитность выражения эмоций в английском языке способствует их быстрому распознаванию, однако при переводе на таджикский язык может возникать необходимость стилистического смягчения или, напротив, описательной компенсации.

При передаче эмоциональной лексики с английского языка на таджикский переводчик должен учитывать ряд факторов. Прежде всего, важна культурная коннотация. Так, таджикское слово *хавас* нередко имеет

положительное значение (вдохновение, стремление), тогда как английское *envy* чаще несёт нейтральную или отрицательную оценку [153, с. 66].

Существенную роль играет и стилистическая нагрузка. Например, выражение *даруни дилам гам аст* при переводе как *I feel sad* утрачивает поэтичность и образность, характерные для таджикской речи. Аналогичные трудности возникают при передаче идиоматических выражений: английское *to cry one's heart out* может быть переведено как *басо сахт гиристан*, однако стилистический эффект исходного выражения воспроизводится не полностью.

Для адекватной передачи эмоционального значения используются различные переводческие стратегии. «Семантическая точность предполагает выбор лексемы с учётом контекста: слово *grief* может передаваться как *гам* или *андӯх*, в зависимости от степени интенсивности и стилистического регистра» [145, с. 104].

В условиях отсутствия прямого эквивалента применяется описательный перевод, например: *He was ecstatic* → *ӯ хурсандии беандоза дошт*.

Фразеологическая адаптация позволяет заменить английскую идиому функционально близким таджикским выражением: *to cry over spilt milk* → *нас аз борон чодар партофтан*.

К числу наиболее распространённых трудностей относятся «наличие культурно-специфичных образов (например, *butterflies in the stomach*, не имеющее точного таджикского аналога), различие в эмоциональной интенсивности (лексема *upset* может переводиться как *нороҳат*, *малол*, *дилгир* в зависимости от контекста), а также необходимость формализации или смягчения эмоций при адаптации текста к нормам целевого языка» [145, с. 139].

Перевод эмоциональной лексики требует не только лингвистической точности, но и высокой культурной чувствительности. Эмоции функционируют не просто как языковые единицы, но и как культурные символы, интерпретация которых варьируется в разных лингвокультурных сообществах. Успешная передача эмоционального содержания возможна

лишь при глубоком понимании семантики, стилистики и прагматических особенностей обоих языков.

В данной подглаве были рассмотрены основные трудности, возникающие при переводе эмоционально окрашенной лексики между английским и таджикским языками, с особым вниманием к семантическим расхождениям, идиоматическим выражениям, грамматическим особенностям и проблемам прагматической адаптации.

Таджикский и английский языки относятся к разным ветвям индоевропейской языковой семьи — иранской и германской соответственно. Их различия проявляются на структурном, лексическом и культурно-прагматическом уровнях, что создаёт устойчивые системные трудности в процессе перевода. Осмысление данных барьеров имеет принципиальное значение как для теоретической лингвистики, так и для практики межкультурной коммуникации.

Одной из ключевых проблем перевода является отсутствие прямых лексических соответствий. Так, таджикское слово «ором» охватывает одновременно значения физического спокойствия, душевного равновесия и состояния умиротворённости. В английском языке данные значения разграничиваются и передаются разными лексемами (*peace, calm, rest*), что требует от переводчика точного контекстуального выбора. Аналогичная ситуация наблюдается со словом «ҳавас», которое в таджикском языке может обозначать как положительное стремление или вдохновение, так и чувство зависти. В английском языке слово *envy* преимущественно имеет отрицательную коннотацию, вследствие чего буквальный перевод способен исказить исходный смысл.

Особые сложности вызывает перевод фразеологических единиц. Многие таджикские устойчивые выражения не допускают дословного воспроизведения. Например, выражение «дахонаш баста шуд» не эквивалентно буквальному *his mouth was closed*, а передаётся через смысловое соответствие *he was silenced*. В обратном направлении английская идиома *it's*

raining cats and dogs не может быть переведена буквально и требует подбора функционального аналога, отражающего интенсивность явления, а не образную форму.

Таджикские пословицы и крылатые выражения часто основаны на национально-культурных ассоциациях, что усложняет их передачу на английский язык. Так, выражение «об рӯи оташ аст» (буквально «вода на огне») используется для обозначения скрытого напряжения или нестабильной ситуации. В английском языке аналогичное состояние может передаваться идиомой *walking on eggshells*, однако полное совпадение образов при этом отсутствует, и перевод требует прагматической адаптации.

Грамматические различия также оказывают существенное влияние на переводческий процесс. В таджикском языке порядок слов относительно свободен и может варьироваться в зависимости от коммуникативного акцента, тогда как английский язык характеризуется более жёсткой синтаксической структурой.

Перевод между таджикским и английским языками предполагает не только знание лексико-грамматических норм, но и развитую культурную компетенцию. Типичные трудности охватывают широкий спектр — от семантических расхождений и идиоматичности до стилистической и прагматической адаптации. Успешный перевод возможен лишь при глубоком понимании обеих языковых систем и осознанном применении переводческих стратегий.

Особое место в межъязыковом взаимодействии занимает эмоциональная лексика, которая отражает внутренний мир человека и способы его культурной интерпретации. Различия в выражении эмоций, обусловленные как языковыми средствами, так и национальными традициями, усиливают переводческие сложности между разноструктурными языками, такими как таджикский и английский, и требуют особенно деликатного и контекстуально ориентированного подхода.

«Эмоциональная лексика английского языка характеризуется высокой

степенью эксплицитности и семантической дифференциации. Эмоциональные состояния в английском языке, как правило, выражаются непосредственно, с помощью прилагательных, глаголов и устойчивых словосочетаний, обладающих чёткой оценочной направленностью» [132, с. 83].

Как отмечает Михайловская В.Н., «характер отражения объективной действительности в словах, называющих понятия и предметы объективного мира, и в словах, называющих чувства и эмоции, оказывается абсолютно одинаковым. Автор отмечает, что не следует смешивать с эмоциональной лексикой слова, называющие чувства или эмоции: *fear, delight, gloom, cheerfulness, annoy*, и слова, эмоциональность которых зависит от ассоциаций и реакций, связанных с денотатом: *tears, death, rain, honor*».

Одной из ключевых особенностей английской эмоциональной лексики является активное использование эмоционально окрашенных прилагательных, таких как *happy, angry, afraid, delighted, frustrated*. Эти единицы позволяют однозначно идентифицировать эмоциональное состояние говорящего или персонажа без необходимости развернутого контекстуального описания.

Важную роль играет фразеологичность. «Английский язык широко использует идиоматические выражения с образной основой (*to be on cloud nine, to blow a fuse, to feel blue*), которые выполняют экспрессивную и прагматическую функцию, усиливая эмоциональное воздействие высказывания» [122, с. 117].

Характерной чертой является также номинативная дифференциация — наличие большого количества лексем для обозначения тонких оттенков одной эмоции (*annoyed, furious, irate, outraged*). Это позволяет говорящему точно передавать степень интенсивности и характер переживания. «Большинство эмоциональных единиц в английском языке соотнесены с бинарной оценочной оппозицией «положительное / отрицательное» (*joy — sadness, hope — despair*), что способствует чёткой семантической классификации эмоций» [153, с. 64].

Например:

He was absolutely furious when he heard the news. – Ў тамоман хашиггин шуд, вақте ки хабарро шунид.

В данном случае прилагательное *furious* передаётся в таджикском языке посредством глагольно-именной конструкции, что является типичным переводческим приёмом при передаче интенсивных эмоциональных состояний.

Переводческие подходы: типология переводов эмоциональной лексики

При переводе английской эмоциональной лексики на таджикский язык применяются различные переводческие стратегии, выбор которых зависит от степени лексической эквивалентности, образности и прагматической нагрузки исходной единицы.

Словарный эквивалент (прямой перевод)

Данный тип перевода используется в тех случаях, когда между языками существует устойчивое лексическое соответствие:

sad — ғамгин

angry — хашмгин

Пример: *She was sad and lonely. – Бай ғамгин ва танҳо буд.*

Такой перевод обеспечивает семантическую точность и не требует дополнительных трансформаций [143, с. 102].

Описательный перевод (descriptive translation)

Применяется при отсутствии прямого эквивалента в таджикском языке:

to be on edge — дар ҳолати изтироб қарор доштан

Пример: *He was on edge all day. – Ў тамоми рӯз дар ҳолати изтироб буд.*

«Описательный перевод позволяет передать содержание эмоционального состояния за счёт развернутой конструкции» [112, с. 89].

Моделирование по смыслу (семантическая адаптация)

Данный приём предполагает создание таджикской конструкции на основе прагматического значения английской единицы:

to blow a fuse — аз ҳад гузашта, ба ғазаб омадан

Здесь воспроизводится не образ, а коммуникативный эффект исходного выражения.

Замена образа (идиоматическая субституция)

Используется при переводе фразеологизмов, когда английская идиома заменяется функционально и стилистически близким таджикским выражением:

to cry over spilt milk — пас аз шикастани кӯза ашк рехтан

Данный приём позволяет сохранить идиоматичность и культурную естественность перевода [145, с. 131].

Транспозиция и эмоциональная компенсация

В ряде случаев эмоция переносится в другую часть предложения или усиливается за счёт добавления экспрессивного элемента:

He sighed deeply. – *ӯ бо алам нафас кашид.*

Добавление компонента *бо алам* компенсирует эмоциональную насыщенность, выраженную в английском языке контекстуально.

Основные проблемы и трудности перевода

Среди типичных трудностей перевода эмоциональной лексики следует выделить отсутствие прямых эквивалентов (например, *melancholy*, *awe*, *disgust*), культурную обусловленность образов (*butterflies in the stomach*), а также фразеологическую непереводимость, при которой буквальная передача приводит к утрате образности и экспрессии [3, с. 58].

Кроме того, эмоциональная экспрессия в таджикском языке часто реализуется через традиционные описательные и метафорические конструкции (*дил ба дард омадан*, *ҷигар хун шудан*), что требует от переводчика особой внимательности к стилю и культурному фону текста.

Английская эмоциональная лексика отличается многообразием, высокой степенью точности и идиоматичностью, тогда как таджикская языковая система ориентирована на образную и культурно маркированную передачу чувств. Адекватный перевод возможен лишь при глубоком

контекстуальном анализе, лингвокультурной адаптации и учёте семантической специфики обоих языков.

3.3. Отражение эмоций в английской художественной прозе (на материале произведений Чарльза Диккенса, Джейн Остин и др.)

Эмоциональность представляет собой универсальную характеристику человеческой коммуникации и находит системное отражение в языке на лексическом, синтаксическом и прагматическом уровнях. В рамках современной прагмалингвистики эмоции рассматриваются не только как внутренние психофизиологические состояния, но прежде всего как коммуникативно значимые феномены, реализуемые в процессе речевого взаимодействия и подчинённые социокультурным нормам конкретного языкового коллектива. Вербализация эмоций выступает важнейшим механизмом межличностного общения, посредством которого реализуются интенции говорящего, регулируются межперсональные отношения и формируется прагматический эффект высказывания.

Таджикский язык, относящийся к иранской ветви индоевропейской языковой семьи, характеризуется глубокой образностью и богатой поэтической традицией, что непосредственно отражается в способах выражения эмоциональных состояний. Эмоции в таджикской речевой практике зачастую передаются имплицитно – через метафорические конструкции, символику и культурно маркированные образы, тесно связанные с природой и телесной семантикой.

Так, состояние печали может выражаться оборотом «дил торик шуд» («сердце помрачнело»), а чувство радости — фразеологизмом «аз шодӣ парвоз кардан» («летать от радости»). Подобные выражения не только передают эмоциональное состояние, но и апеллируют к коллективному культурному опыту. При этом контекстуальная уместность и уважительное отношение к адресату играют ключевую роль: чрезмерно прямая или эксплицитная демонстрация чувств может восприниматься как нарушение речевого этикета

и норм социальной дистанции.

Английский язык, напротив, представляет собой аналитическую систему с высокой степенью стандартизации и эксплицитности эмоциональной лексики.

Эмоциональные состояния в нём, как правило, вербализуются прямо и однозначно с помощью устойчивых конструкций типа *I'm happy, I'm upset, I feel anxious*. Такая модель речевого поведения соотносится с культурной установкой на индивидуализм, личную автономию и открытое выражение субъективного опыта. Прагматическая организация эмоционального высказывания в английском языке ориентирована на ясность, прямоту и минимизацию интерпретационной неопределённости.

Существенные различия обнаруживаются и в реализации речевых актов, обладающих эмоциональной нагрузкой. В таджикской коммуникативной традиции подобные акты часто смягчаются с помощью модальных и вводных элементов (например, *шояд, агар, фикр мекунам*), что снижает категоричность высказывания и способствует сохранению гармоничных межличностных отношений. В английском языке, напротив, эмоционально окрашенные высказывания чаще реализуются в прямой форме, при этом значительная часть прагматического смысла дополняется невербальными средствами — интонацией, паузами, жестами и мимикой.

Прагматическое выражение эмоций в таджикском и английском языках демонстрирует сочетание универсальных и культурно-специфических черт. С одной стороны, оба языка обладают средствами репрезентации базовых эмоций, общих для человеческого опыта; с другой — различаются стратегиями их вербализации, степенью эксплицитности и этикетными ожиданиями. Сопоставительный анализ данных различий способствует более глубокому пониманию механизмов языковой прагматики, повышает эффективность перевода эмоционально окрашенных текстов, а также играет важную роль в формировании межкультурной коммуникативной компетенции и методике преподавания иностранных языков.

Прагматическая функция выражения эмоций в речи включает:

- ✓ передачу субъективного отношения говорящего к ситуации или адресату;
- ✓ целенаправленное воздействие на собеседника (убеждение, внушение, манипуляция);
- ✓ конструирование коммуникативного образа говорящего (вежливость, агрессивность, ирония, сарказм).

На материале произведений Чарльза Диккенса, Джейн Остин и ряда других представителей английской литературы рассматриваются лексические, синтаксические и стилистические средства, с помощью которых авторы передают эмоциональные состояния, переживания и внутренний мир персонажей. Особое внимание уделяется контекстуальной экспликации эмоций, авторской оценке и культурной обусловленности эмоциональных концептов, что позволяет выявить специфику художественного мышления эпохи.

Эмоции являются фундаментальным компонентом человеческого опыта и выполняют важную художественно-смысловую функцию в литературном тексте. В английской прозе XIX века внутренний мир героев раскрывается посредством разветвлённой системы языковых средств, включающей эмоционально маркированную лексику, метафорические образы, идиоматические выражения, синтаксические конструкции различной сложности, а также описание невербального поведения персонажей [58, с. 114].

Подобное многообразие средств обеспечивает глубину психологического анализа и способствует созданию многоплановых художественных образов.

В произведениях Джейн Остин и Чарльза Диккенса широко представлены номинативные средства обозначения эмоций, такие как *grief*, *joy*, *delight*, *fear*, *rage*, а также оценочная лексика (*dreadful*, *adorable*, *miserable*, *ecstatic*), позволяющая автору не только назвать эмоциональное состояние, но

и задать его аксиологическую интерпретацию. Значительную роль играют и глаголы эмоционального состояния и реакции (*to rejoice, to despair, to tremble, to sigh*), которые передают динамику чувств и их развитие в сюжетном контексте.

Характерной особенностью английской прозы данного периода является активное использование индиректных способов выражения эмоций. Так, в романе Джейн Остин *Pride and Prejudice* эмоциональные состояния героев нередко раскрываются через поведенческие и психологические индикаторы. В высказывании “*Elizabeth was too much embarrassed to say a word*” чувство смущения передаётся не через прямое название эмоции, а посредством описания затруднения в речи, что усиливает эффект психологической достоверности.

Английская художественная проза XIX века также отличается частым использованием перифрастических конструкций, позволяющих передать сложные, смешанные эмоции: “*Her heart swelled with a mixture of sorrow and pride*”. Подобные конструкции отражают стремление авторов к нюансированной передаче внутреннего состояния персонажей. Дополнительную экспрессивность создают риторические вопросы и восклицания, усиливающие эмоциональное напряжение и вовлекающие читателя в процесс интерпретации, например: “*Could she ever forgive him?*”.

Чарльз Диккенс, в свою очередь, активно использует приёмы гиперболизации, контраста и иронии для передачи амбивалентных и социально обусловленных эмоций, что особенно заметно в романах *Oliver Twist* и *Great Expectations*. Эмоциональная экспрессия у Диккенса нередко служит средством социальной критики и подчёркивает противоречия викторианского общества.

Следует отметить, что способы выражения эмоций в английской литературе XIX века во многом определяются культурно-историческим контекстом викторианской эпохи. «В условиях доминирования идеалов самоконтроля, нравственной сдержанности и социального долга открытая

демонстрация чувств часто воспринималась как признак слабости или нарушения норм приличия» [55, с. 146]. В связи с этим писатели прибегают к косвенной передаче эмоциональных состояний — через символику, описание жестов, взглядов, пауз, молчания, а также через реакцию второстепенных персонажей.

Выражение эмоций в английской художественной прозе XIX века характеризуется сдержанностью, имплицитностью и высокой степенью психологической глубины. Авторы стремятся показать, что подлинные чувства не нуждаются в прямом назывании, а раскрываются через поведение и внутренний конфликт персонажей, что подчёркивает их моральную устойчивость и соответствие культурным нормам эпохи. Анализ данных особенностей позволяет глубже понять художественную специфику английской литературы XIX века и её вклад в развитие психологического романа.

Подобный способ репрезентации эмоций наглядно проявляется в романах Джейн Остин, Шарлотты Бронте и Чарльза Диккенса, где внутренние переживания персонажей, как правило, передаются завуалированно и опосредованно. В частности, в произведениях Джейн Остин чувство любви практически никогда не оформляется в виде прямых признаний.

«Эмоциональная близость выражается через формы вежливости, сдержанное внимание и недосказанность, которые приобретают особую прагматическую значимость в контексте повествования» [108]. Молчание, паузы и уклончивые реплики становятся частью эмоционального кода, позволяющего передать глубину чувства без его вербализации.

Такой приём соответствует нормам викторианской культуры, где открытое выражение эмоций рассматривалось как нарушение социального этикета. В художественном тексте тишина и сдержанность функционируют как семиотически нагруженные элементы, способные передать эмоциональное напряжение не менее эффективно, чем экспрессивная лексика. Эмоция в данном случае «считывается» читателем через контекст и

интерпретацию поведения персонажа, а не через прямое называние чувства.

В таджикской языковой и культурной традиции наблюдается иная модель эмоциональной репрезентации. Здесь допустимо и социально одобряемо более открытое выражение чувств, особенно в поэтической, фольклорной и разговорной речи. Эмоциональные состояния нередко передаются посредством ярких метафор и экспрессивных образов, связанных с телесными и духовными переживаниями: «дил пора-пора шуд», «чон пур аз ишқ аст». Подобные конструкции демонстрируют восприятие эмоции как естественного и неотъемлемого проявления человеческой сущности, не требующего сдерживания или маскировки.

В английской художественной прозе XIX века, напротив, экспрессивные конструкции часто замещаются описанием внешнего поведения персонажей. Эмоциональное состояние передаётся через телесные реакции и сенсорные детали: побледневшее лицо, дрожащие руки, отведённый взгляд, нерешительное движение. Подобные описания создают эффект внутренней скрытости эмоций, которые существуют как бы «под поверхностью» текста и лишь косвенно проявляются во внешнем облике героя [55, с. 144]. Таким образом, эмоциональная напряжённость формируется не за счёт лексической экспрессии, а посредством намёка и символического жеста.

Особое значение в этом контексте приобретает социальный фактор. В викторианском обществе репутация личности напрямую зависела от способности контролировать свои чувства и соблюдать нормы эмоциональной сдержанности. «Литературные персонажи часто переживают страдания и внутренние конфликты молча, не позволяя себе открытого проявления отчаяния или страсти. Сдержанность в данном случае выступает как форма морального достоинства и социальной зрелости» [55, с. 143]. В таджикской же культуре чрезмерная эмоциональная закрытость может интерпретироваться как холодность или неискренность, что отражается и в языковых установках, поощряющих открытое выражение чувств.

Способы выражения эмоций в английской литературе XIX века

обусловлены не только индивидуальной авторской манерой, но и культурными нормами викторианской эпохи, в которой доминировали идеалы самообладания и нравственной дисциплины. В отличие от таджикской языковой картины мира, где эмоции часто вербализуются открыто и образно, английская викторианская проза тяготеет к скрытой эмоциональности, передавая чувства через молчание, жест и подтекст. Именно эта особенность придаёт произведениям данного периода психологическую глубину и внутреннюю напряжённость, побуждая читателя интерпретировать смысл «между строк».

Эмоциональная выразительность английской художественной прозы XIX века формируется за счёт сложного взаимодействия лексических, стилистических и культурных факторов. Писатели, такие как Джейн Остин и Чарльз Диккенс, создают многослойные эмоциональные портреты персонажей, в которых прямое название чувства уступает место контекстуальной и повествовательной экспликации. Понимание данных механизмов имеет важное значение как для интерпретации художественного текста, так и для адекватного перевода эмоционально насыщенных фрагментов на другие языки [55, с. 142].

В произведениях Джейн Остин, в частности в романах «Pride and Prejudice» и «Sense and Sensibility», эмоциональные состояния персонажей репрезентируются преимущественно через внутренний монолог, ироничный подтекст и внимательное наблюдение за социальным поведением.

Дословный перевод часто оказывается недостаточным, особенно в случаях, когда эмоциональное значение выражено имплицитно или реализуется через контекст, жест, молчание или иронический подтекст.

Эмоциональная лексика в целом представляет собой совокупность языковых средств, отражающих субъективное отношение говорящего к действительности. Она включает как прямые номинации эмоциональных состояний, так и опосредованные способы выражения чувств — эпитеты, междометия, фразеологические обороты и метафоры. В лингвистике

подчёркивается, что вербализация эмоций тесно связана с когнитивными механизмами восприятия и культурными моделями интерпретации эмоционального опыта.

В таджикском языке эмоциональная лексика отличается высокой степенью образности и ассоциативности. Значительная часть эмоциональных состояний передаётся через фразеологические единицы, основанные на телесно-эмоциональных образах, а также через междометия, служащие средством непосредственной экспрессии чувств. При этом эмоциональная номинация часто опирается на фольклорную, религиозную и поэтическую традицию, что придаёт высказыванию дополнительную семантическую глубину и культурную значимость. Например: Шарм намедорӣ, магар як духтари капа-калон беандеша сухан мегӯӣ? Айб аст! Айб! – Aren't you ashamed, you big girl, you speak thoughtlessly? Ashamed! Ashamed!

Дод аз дасти фиребгар! Илоҳи, дастат шиканад баргдузд (Улуғзода). – Give out the hand of the deceiver! God breaks your hand (Ulughzoda).

Сабилу зор монад! Охир ин ҳавлӣ на болохона дораду на таҳхона, на телефону на ванна (Раҳим Ҷалил). – Stay strong! After all, this yard has neither an attic nor a basement, nor a telephone nor a bathroom (Rahim Jalil).

Шокарим, рӯят сиёҳ муғамбир! (Улуғзода). – My friend, your face is black! (Ulughzoda).

В английском языке выражение эмоций носит более рационализированный и лексически структурированный характер. «Эмоциональные состояния, как правило, вербализуются при помощи чётко дифференцированных лексических единиц — эпитетов (delighted, furious, terrified), глаголов состояния (to rejoice, to grieve, to dread), а также устойчивых метафорических конструкций (my heart sank, he exploded with anger). Подобная система способствует ясной и однозначной интерпретации эмоционального содержания высказывания и отражает аналитическую направленность английского языкового мышления» [169, с. 112–114].

Характерной особенностью английской эмоциональной лексики

является её склонность к бинарной оппозиции «положительное — отрицательное», в рамках которой эмоции соотносятся с полярными оценочными шкалами (joy — sadness, hope — despair, calm — anxiety). Такая поляризация упрощает классификацию эмоциональных состояний и делает их более удобными для использования в повседневной и художественной коммуникации, а также в психологическом и научном дискурсе [206, с. 37–39].

Существенным отличием английской и таджикской эмоциональной лексики является степень их культурной маркированности. В таджикском языке эмоциональные единицы формировались преимущественно в рамках устной традиции, фольклора и классической поэзии, что обусловило их тесную связь с конкретными социальными ситуациями, семейными отношениями и коллективными ценностями. «Эмоциональные выражения в таджикской речи нередко несут двойную нагрузку: они одновременно обозначают внутреннее состояние говорящего и отражают нормы уважения, иерархию социальных ролей и моральные ориентиры общества» [97, с. 68-71].

Так, лексемы и фразеологические обороты, связанные с переживаниями печали, раскаяния или привязанности, часто включают религиозные формулы, обращения к судьбе или Богу, что придаёт эмоциональному высказыванию мировоззренческую глубину. «Подобная интеграция эмоционального и этического компонентов характерна для таджикской языковой картины мира, в которой чувство рассматривается как часть коллективного опыта, а не исключительно индивидуальное переживание» [122, с. 93-95].

«В английском языке эмоциональная лексика в большей степени ориентирована на индивидуальный психологический опыт. Эмоции оформляются как внутренние состояния личности, относительно автономные по отношению к социально-ритуальному контексту. Такие слова, как sadness, joy, anger, fear, функционируют прежде всего как универсальные категории человеческой психики, что придаёт им более абстрактный и нейтральный характер. В отличие от таджикских эквивалентов, они, как правило, не несут выраженной культурной или символической нагрузки» [183, с. 214-216].

Значительные расхождения наблюдаются и в способах языкового оформления эмоций. В таджикской речи широко используются метафорические и образные средства, при помощи которых чувства описываются через телесные ощущения, природные явления или религиозные символы. Так, «печаль может концептуализироваться через образ «сжатого» или «потемневшего» сердца, а радость — через метафоры света, полёта или расширения внутреннего пространства. В английском языке эмоциональные состояния чаще выражаются напрямую, посредством стандартных прилагательных и глаголов, без обязательной опоры на развернутый символический ряд» [12, с. 56-58].

Указанные различия особенно ярко проявляются в переводческой практике. При передаче таджикских эмоциональных выражений на английский язык дословный перевод зачастую оказывается недостаточным, поскольку он не воспроизводит культурную и ассоциативную глубину исходного высказывания.

Это различие отражает не только языковую специфику, но и фундаментальные особенности национального мышления. В таджикской языковой картине мира эмоции осмысляются как часть коллективного опыта и традиции, тогда как в английской культуре они преимущественно интерпретируются как индивидуальные психологические переживания. В условиях межкультурной коммуникации эмоциональная лексика требует особенно осторожного, культурно чувствительного и прагматически ориентированного подхода.

3.4. Сравнительный анализ прагматических функций и языковых средств выражения эмоций в таджикском и английском языках

«Эмоциональность является неотъемлемой частью человеческого общения и находит отражение в языке на различных уровнях — лексическом, синтаксическом, прагматическом и дискурсивном. В рамках современной прагмалингвистики эмоциональные состояния рассматриваются не только как

психофизиологические реакции, но прежде всего как коммуникативные акты, подчинённые нормам, стратегиям и культурным ожиданиям конкретного языкового сообщества» [13, с. 42]. Выражение эмоций представляет собой важный компонент межличностного взаимодействия, в котором прагматический потенциал языка реализуется через интенции говорящего, контекстуальную уместность и степень культурной допустимости вербализации чувств.

Таджикский язык, относящийся к иранской группе индоевропейских языков, характеризуется богатым культурным и поэтическим наследием, что непосредственно отражается в способах выражения эмоций. Эмоциональные состояния в таджикской речи нередко передаются имплицитно – посредством метафоры, символики и образов природы. Так, печаль может выражаться фразеологизмом «дил торик шуд» («сердце помрачнело»), тогда как радость передаётся образными оборотами типа «аз шодӣ парвоз кардан» («летать от радости»). Контекстуальность и ориентированность на уважительное отношение к адресату во многом определяют форму эмоционального высказывания: чрезмерно прямая экспрессия чувств может восприниматься как нарушение речевого этикета или социальной дистанции.

В английском языке, представляющем аналитическую языковую систему, наблюдается более высокий уровень эксплицитности в выражении эмоций. Эмоциональные состояния часто обозначаются напрямую и стандартизированными лексическими средствами: *I'm happy, I'm upset, I feel terrible*. «Прагматическая организация эмоционального высказывания в английской речи предполагает открытую вербализацию внутреннего состояния, что соотносится с культурной установкой на индивидуализм и личную ответственность за выражаемые чувства» [127, с. 91].

Существенные различия прослеживаются и в реализации эмоционально окрашенных речевых актов. В таджикской коммуникативной практике подобные акты часто модифицируются средствами смягчения — вводными словами и условными конструкциями («шояд», «агар»), что позволяет снизить

степень категоричности высказывания.

В английском языке, напротив, преобладают более прямые конструкции, при этом прагматическая компенсация осуществляется за счёт интонации, невербальных сигналов, а также формул вежливости.

Прагматическое выражение эмоций в таджикском и английском языках демонстрирует как универсальные тенденции (передача базовых эмоций средствами языка), так и культурно-специфические различия в речевых стратегиях, способах кодирования и этикетных ожиданиях. Подобное сопоставление углубляет понимание лингвистических механизмов эмоциональной коммуникации и способствует развитию межкультурной компетенции, повышению качества перевода эмоционально окрашенных текстов и эффективности преподавания иностранных языков [149, с. 154].

Прагматическая функция выражения эмоций включает:

- ✓ передачу субъективного отношения говорящего к ситуации или адресату;
- ✓ воздействие на адресата (убеждение, внушение, манипулятивное влияние);
- ✓ конструирование образа говорящего (вежливость, агрессивность, ироничность, сарказм).

В рамках настоящего анализа используются положения когнитивной прагматики, теории речевых актов (Дж. Остин, Дж. Сёрль), концепции эмоциональной лексики (А. Вежбицкая, Н. Д. Арутюнова), а также современные исследования в области межкультурной коммуникации.

К основным средствам выражения эмоций в английском языке относятся эмоционально окрашенные прилагательные (*angry, delighted, frustrated*), эвфемизмы (*pass away* вместо *die*), экспрессивные наречия (*incredibly, terribly*), фразеологизмы и идиомы (*to be on cloud nine, to hit the roof, to be heartbroken*), а также интонационные и синтаксические приёмы усиления (*Do I love her? Of course!*) [153, с. 212].

В таджикском языке эмоциональная экспрессия реализуется через лексику с национально-культурной коннотацией («нолаи чон», «шодиёна»,

«Ғами дили модар»), устойчивые фразеологизмы («дил ба хун омадан», «мӯй бар тан рост шудан»), междометия («эх», «вох», «чон!»), а также поэтические формы и обращения, основанные на традиционных образах (гул, дил, ишқ) [6, с. 76]. Широкое использование метафор и цитирование поэтических текстов позволяет как смягчать, так и усиливать эмоциональный эффект высказывания.

Таким образом, таджикская речь отличается образностью и поэтической насыщенностью, что связано с высокой ролью устной и литературной традиции, тогда как английская речь склонна к рационализации эмоций, нередко скрывая их за формулами вежливости, иронией или приёмом недосказанности (*understatement*) [134, с. 59].

«Рационализация эмоций является характерной чертой как таджикской, так и английской речевой культуры. Она проявляется в стремлении смягчить, контролировать или замаскировать эмоциональное состояние при помощи устойчивых речевых стратегий, включая иронию, эвфемизацию, сдержанную лексику и косвенные речевые акты. В обоих языках прослеживается тенденция к эмоциональному самообладанию, отражающая культурные установки на уважение к собеседнику, поддержание коммуникативной гармонии и избегание открытого конфликта» [14, с. 88].

В английской речевой практике широко распространён приём *understatement* (преуменьшение), при котором эмоционально значимое событие или переживание описывается намеренно нейтрально или ослабленно. Так, высказывание «*It was a bit disappointing*» в реальном коммуникативном контексте может передавать сильное чувство разочарования или даже фрустрации» [75, с. 112]. Подобная стратегия позволяет говорящему сохранить эмоциональную дистанцию и соблюсти нормы формальной вежливости. Ирония и сарказм также нередко используются как способ рационализации эмоций и психологической защиты, например: “*Oh great, another traffic jam!*”, где раздражение передаётся опосредованно, через противоположную по форме оценку [149, с. 74].

В таджикской речевой культуре также наблюдается выраженная склонность к эмоциональной сдержанности. Эмоциональные состояния часто репрезентируются косвенно — посредством поэтических образов, паремий и культурно закреплённых метафор. Так, выражение «Аз ғам ба об мондам» скрывает личную боль за образной формулой, избегая прямого наименования эмоционального состояния, а пословица «Ханда дар лаб, андӯх дар дил» указывает на расхождение между внешним поведением и внутренним переживанием» [Лукиянова, с. 156]. Подобные конструкции отражают традиционную ориентацию на сдержанность, самоконтроль и социальную уместность высказывания.

«Обе культуры выработали устойчивые коммуникативные механизмы сокрытия или смягчения эмоций. В английском языке данная функция реализуется преимущественно через стратегию формальной вежливости и использование модальных и эпистемических конструкций (*it seems, apparently, I suppose*), тогда как в таджикском языке важную роль играют традиционные нормы *адаб* и *хичолат*, а также модальные слова и частицы («мумкин аст», «гуё», «шояд»)» [91, с. 203]. Эти средства позволяют говорящему снизить степень категоричности и эмоциональной открытости высказывания.

«Рационализация эмоций в таджикском и английском языках является отражением соответствующих культурных моделей мира, в которых приоритет отдан социальной гармонии, уважению и контролю над эмоциональной экспрессией. Данное обстоятельство требует особого внимания в межкультурной коммуникации и переводе, поскольку прямой перенос эмоционально насыщенной лексики без учёта прагматических и культурных факторов может привести к искажению смысла или коммуникативному сбою» [153, с. 141].

Сравнительный анализ прагматических функций эмоциональной лексики в таджикском и английском языках показывает, что эмоциональная экспрессия подчиняется как универсальным, так и культурно-специфическим

нормам. Для таджикской традиции характерно использование образных выражений, поэтических элементов и высокой символичности, тогда как английская эмоциональность чаще регулируется правилами речевого этикета и стратегиями контекстуального смягчения. Полученные результаты могут быть использованы в преподавании межкультурной коммуникации, лексикологии и переводоведения.

Этимологический и лингвокультурный аспект понятия «эмоция». Слово *emotion* появилось в английском языке в конце XVI — начале XVII века и было заимствовано из французского языка (*émotion*), которое, в свою очередь, восходит к латинскому глаголу *emovere* — «двигать», «возбуждать», «волновать» [113, с. 36]. Лексема *emovere* состоит из приставки *e-* («наружу») и корня *movere* («двигать»), что изначально связывало понятие эмоции с движением и внутренним возбуждением.

«В последующем семантика слова *emotion* постепенно сузилась и закрепилась в психологическом значении — как внутренняя реакция индивида на внешний или внутренний стимул, сопровождаемая субъективным переживанием. В XVIII–XIX веках данный термин окончательно вошёл в научный и философский дискурс, прежде всего в рамках эмпирической психологии и этики» [117, с. 59].

В таджикском языке для обозначения эмоциональных состояний традиционно используются лексемы «ҳис», «ҳиссиёт», «эҳсосот», происходящие от арабского глагола *ḥassa* («чувствовать», «ощущать») [94, с. 44]. Эти слова отражают представление об эмоциях как о внутреннем, глубоко личном переживании, тесно связанном с духовным и нравственным состоянием человека.

«В XX веке, с развитием научной терминологии и под влиянием русского и западноевропейских языков, в таджикский язык вошло заимствованное слово «эмоция», прежде всего в научной, педагогической и психологической литературе. Первоначально оно функционировало как термин, однако со временем стало употребляться и в общеязыковом

контексте» [62, с. 71].

Таким образом, в современной таджикской языковой картине мира сосуществуют традиционные лексические средства и интернациональная научная терминология.

В английской языковой традиции эмоции концептуализируются преимущественно через призму физиологии и психологии, тогда как в таджикской культуре они в большей степени соотносятся с внутренним духовным состоянием и нравственными категориями. Тем не менее в обоих языках термин «эмоция» используется как точное научное обозначение, что свидетельствует о сближении концептуальных подходов в условиях глобализации научного знания.

«Слово *emotion* в английском языке сформировалось как полноценная психологическая категория сравнительно поздно — лишь в XIX веке, когда оно окончательно вышло за рамки латинской философской традиции и закрепилось в научном дискурсе психологии и физиологии» [154, с. 62]. До этого периода лексема использовалась преимущественно для обозначения движения, возбуждения или волнения, что отражало античное и раннемодерное понимание эмоциональных состояний как телесно-динамических процессов.

В таджикском языке, напротив, «эмоциональная лексика исторически развивалась на основе арабско-персидских корней, прежде всего через слова «хис», «хиссиёт», «эхсосот», восходящие к арабскому глаголу *ḥassa* — «чувствовать, ощущать» [147, с. 44]. Термин «эмоция» вошёл в таджикский язык значительно позже — в XX веке — под влиянием русского и западноевропейских языков, первоначально закрепившись в научной, педагогической и психологической сфере, а затем распространившись и в общезыковом употреблении.

«Несмотря на то что базовые эмоции — гнев (*anger*), страх (*fear*), печаль (*sadness*), радость (*happiness*) и др. — признаются универсальными, их лексическое кодирование существенно варьируется в зависимости от

культурного контекста» [119, с. 148]. Во многих языках существуют эмоциональные категории, не имеющие точных эквивалентов в английском языке, например японское *amae* (эмоциональная зависимость, основанная на доверии) или немецкое *Schadenfreude* (удовольствие от чужой неудачи). Наличие таких лексем указывает на культурно специфические способы концептуализации эмоционального опыта.

Эмоциональные глаголы во многих языках могут функционировать как предикаты, выражающие оценку внутреннего состояния субъекта (*I fear, I regret*), при этом сама эмоция репрезентируется как когнитивно-оценочный акт [170, с. 91]. В ряде языков, включая мандаринский китайский, структура эмоциональных предикатов существенно отличается от английской, что отражает различия не только в синтаксисе, но и в прагматике эмоциональных высказываний.

«Эмпирические исследования, в частности работы Jackson et al., подтверждают универсальность базовых эмоций, однако демонстрируют, что способы их наименования, категоризации и употребления тесно связаны с культурными моделями восприятия и оценивания эмоционального опыта» [197, с. 31]. В языковых сетях эмоций (*colexification networks*) смысловые связи между эмоциональными терминами организуются по параметрам гедонической валентности и уровня активации (*arousal*), при этом культуры, находящиеся в географической и исторической близости, проявляют большую схожесть в структуре эмоциональных концептов.

«Культурные различия проявляются и в коммуникативных стратегиях выражения эмоций. Культуры с индивидуалистической ориентацией, характерные для западного общества, склонны к более прямой и открытой вербализации эмоциональных состояний, тогда как коллективистские культуры, распространённые в Азии, предпочитают косвенные, прагматически смягчённые формы передачи эмоций» [131, с. 57]. Эти различия находят отражение в выборе лексики, синтаксических конструкций и речевых стратегий.

Лексика эмоций во многих языках организована по прототипическому принципу и включает центральные элементы — *rage, joy, fear* — и периферийные единицы, обозначающие внешние проявления или сопутствующие действия (*cry, smile, tremble*) [101, с. 104]. В разных культурах состав и семантическая значимость периферийных элементов существенно варьируются, что отражает национальные нормы эмоционального поведения и когнитивную организацию эмоционального опыта.

С позиций теории *affective pragmatics* «эмоциональные высказывания выполняют не только информативную функцию, но и оказывают воздействие на адресата: регулируют взаимодействие, формируют отношение, сигнализируют о намерениях и потенциальных действиях говорящего» [181, с. 129]. В этом смысле эмоциональные выражения могут функционировать как речевые акты даже без использования глаголов речи, реализуя иллокутивную силу через контекст и интонацию.

Таким образом, в языках мира наблюдается сочетание универсальных и локально обусловленных моделей эмоциональной репрезентации: базовые эмоции являются общечеловеческими, однако их лексическое и прагматическое оформление определяется культурными нормами, коммуникативными целями и когнитивными структурами.

Грамматическая организация эмоциональных высказываний, в свою очередь, отражает специфику синтаксических средств и прагматических стратегий конкретного языка.

Перспективы дальнейшего исследования включают корпусный анализ эмоциональной лексики в таджикской и английской художественной литературе, сопоставление прямых и косвенных эмоциональных высказываний, а также разработку специализированных словарей эмоций и образовательных инструментов с учётом культурных различий. В английском языке уже созданы масштабные размеченные корпуса эмоций, такие как *GoEmotions* (58 000 комментариев Reddit, 27 категорий эмоций) и *EmotionLines* (диалоги из телесериала *Friends*), которые позволяют анализировать

распределение и прагматическую природу эмоциональных высказываний [139, с. 211]. Когнитивно-прагматический подход, представленный, в частности, в работах М. Кодирова по английскому и узбекскому языкам, демонстрирует, каким образом эмоции оформляются в предложении с учётом контекста, культуры и коммуникативной интенции.

Несмотря на наличие базовых эмоций во многих языках мира, их лексическое выражение существенно различается: одни эмоциональные состояния получают прямое номинативное оформление, тогда как другие передаются преимущественно контекстуально, без специализированной лексики. Это указывает на то, что универсальность эмоционального опыта не предполагает универсальности его языкового кодирования [205, с. 148].

Анализ англоязычных дискуссионных корпусов, включая комментарии на платформе Reddit, демонстрирует, что прямой перевод эмоциональных терминов часто оказывается невозможным. Так, «эмоция *disgust* может включать различные коннотации — от физиологического отвращения до морального осуждения, — которые в других языках распределяются между несколькими лексемами или выражаются имплицитно» [147, с. 91]. В этом контексте показательно утверждение: «*Not even our deepest feelings turn out to be free of the shaping hand of language and convention*», подчёркивающее языка и культурных норм в формировании эмоционального значения.

С позиций теории *affective pragmatics* эмоциональные высказывания выполняют не только репрезентативную функцию, но и активно участвуют в организации взаимодействия: они инициируют действия, направляют внимание собеседника, регулируют ход диалога и сигнализируют о намерениях говорящего [181, с. 129]. «Исследования английских ELF-корпусов (English as a Lingua Franca), в которых участниками коммуникации выступают, например, носители немецкого и бразильского вариантов английского языка, показывают, что даже в сходных контекстах используются различные модальные глаголы, усилители и прагматические маркеры для выражения эмоций» [144, с. 203]. Это свидетельствует о высокой

вариативности эмоциональной экспрессии внутри одного языка.

Историческая динамика эмоциональной лексики также неравномерна. «Эмоциональные термины с высокой когнитивной центральностью и частотностью, такие как *joy* и *fear*, демонстрируют большую семантическую стабильность и медленнее изменяются в диахронической перспективе» [135, с. 311]. Данный факт указывает на связь между устойчивостью значения, прототипическим статусом эмоции и её ролью в когнитивной системе человека.

Лингвистическая универсальность эмоций подтверждается сравнительными исследованиями, однако их лексическое и синтаксическое оформление оказывается культурно обусловленным.

Согласно исследованию Jackson et al. (Science, 2019), «эмоциональные значения во всех языках организуются по параметрам гедонической валентности (приятно / неприятно) и уровня активации, однако степень семантических различий между эмоциональными терминами предсказуема географической и культурной близостью языков» [196, с. 314]. В ряде языков (арабских, тюркских, китайском) одна лексема может охватывать эмоциональные состояния, которые в английском языке разграничены как *anger* и *sadness*.

Эмоциональная лексика структурируется по прототипическому принципу и включает:

- ✓ «прототипные концепты — базовые эмоции (*anger, fear, joy*), обладающие универсальным характером»;
- ✓ «периферийные выражения — глаголы и описания проявлений эмоций (*cry, smile, shiver*), отражающие внешние или поведенческие аспекты эмоционального состояния» [135, с. 104].

В разных языках периферийный слой организуется по-разному: в таджикском языке он часто представлен системой метафор, пословиц и образных описаний, тогда как в английском языке преобладают стандартные глагольные и адъективные конструкции.

В соответствии с теорией *affective pragmatics*, высказывания с эмоциональной лексикой выполняют:

- информативную функцию;
- «коммуникативно-регулятивную функцию, направленную на изменение отношения адресата и управление дискурсом» [112, с. 132].

Английский язык широко использует модальные усилители (*really sad, so angry*), а также оформляет эмоции в виде глагольных предикатов (*I fear, I regret*), где значимую роль играют категории вида, залога и модальности. В таджикском языке эмоциональные состояния чаще выражаются через стативные конструкции (*ман тарсам, эҳсос мекунам*), в которых эмоциональность репрезентируется как устойчивое внутреннее состояние, а не как динамический акт. Эти структурные различия отражают дискурсивные привычки и культурно обусловленные способы концептуализации эмоций.

В настоящее время для таджикского языка отсутствует крупный размеченный корпус эмоциональных высказываний. В связи с этим представляется целесообразным создание специализированного корпуса на основе художественных, публицистических текстов и современных медиаресурсов, включая произведения С. Айни, Р. Чалил и Ф. Мухаммадиев. В классических таджикских текстах эмоции преимущественно выражаются опосредованно — через метафоры, описания природных состояний и художественные образы, такие как «пустота в сердце», «гнетущая тишина», «небеса покрылись пеплом», что делает эмоциональные состояния глубоко контекстуальными» [6, с. 76].

«В английской художественной прозе (Ч. Диккенс, Дж. Остин), напротив, чаще используется прямая лексика чувств (*I am terrified, she was overjoyed*), а выразительность текста достигается за счёт прагматической организации высказываний, авторских комментариев и речевых актов персонажей» [139, с. 118]. Такое различие подчёркивает культурно обусловленные стратегии эмоциональной репрезентации и подтверждает необходимость сопоставительного корпусно-прагматического анализа эмоциональных

микрополей.

Медийные тексты как в таджикском, так и в английском языках в целом характеризуются сдержанностью в выражении эмоций, что обусловлено жанровыми нормами объективности и нейтральности. Тем не менее даже в новостной и аналитической подаче эмоции не исключаются полностью, а выражаются через ограниченный набор языковых средств. К ним относятся оценочные прилагательные (*heavy losses*, глубокое потрясение), наречия-интенсификаторы (*deeply, strongly*, глубоко, искренне), а также глаголы, обозначающие эмоциональное отношение или реакцию (*to mourn, accuse, celebrate*; оплакивать, осуждать, приветствовать). При этом в таджикских медиа эмоциональная оценка чаще имплицитна и дистанцирована, тогда как в английских текстах допустима более явная эмотивная окраска даже в рамках информационного жанра.

Существенные различия в способах выражения эмоций проявляются при сопоставлении жанров художественной литературы, медиа и сетевой коммуникации. В классической таджикской прозе (Садриддин Айни, Рахим Джалил, Фазлиддин Мухаммадиев) эмоциональность, как правило, передаётся опосредованно. Авторы избегают прямого названия чувств, предпочитая метафорические образы, символику и описания окружающей среды. Душевные состояния персонажей раскрываются через картины природы, детали быта и косвенные характеристики ситуации: печаль осмысляется как «пустота в сердце», тревога — как «помутневший горизонт», отчаяние — как «гнетущая тишина». Эмоция в таких текстах становится частью общего художественного контекста и требует интерпретации со стороны читателя.

В английской классической литературе (Чарльз Диккенс, Джейн Остин) наблюдается иная тенденция. Эмоции чаще обозначаются эксплицитно с помощью прилагательных и глаголов чувств: *happy, frightened, embarrassed, to fear, to regret*. При этом выразительность достигается не столько за счёт метафоризации, сколько через речевые акты персонажей, авторские ремарки, интонационные конструкции и контекстуальные уточнения. Даже простые

лексические единицы приобретают художественную глубину благодаря синтаксической организации и прагматической нагрузке высказывания.

Особое место занимает язык социальных сетей, где в обоих языках эмоциональность проявляется наиболее непосредственно и спонтанно. Для сетевого дискурса характерны прямота высказываний, активное использование эмодзи, повторов, восклицательных знаков и разговорных сокращений. В английском языке широко представлены интернет-неологизмы и аббревиатуры (rn, omg, lol), усиливающие экспрессивность сообщения. В таджикском языке также наблюдается рост прямых эмоциональных реплик, нередко сопровождаемых эмодзи и междометиями («Шок! Хайратзада!»), при этом заимствованные элементы либо адаптируются к местной графике, либо сосуществуют с традиционными средствами выражения эмоций.

На лексическом уровне оба языка обладают разветвлённой системой наименований базовых эмоциональных состояний, таких как радость, гнев, страх и печаль. Однако таджикская эмоциональная лексика в большей степени опирается на фразеологизмы и метафоры с культурно обусловленной семантикой, что связано с сильной ролью устной традиции и образного мышления. Английская эмоциональная лексика, напротив, отличается большей абстрактностью и стандартизованностью, что проявляется в частотном использовании оценочных прилагательных и глаголов с относительно стабильным значением.

Синтаксическая организация эмоциональных высказываний также демонстрирует различия. В английском языке эмоции чаще выражаются через простые предикативные конструкции с прилагательными или глаголами чувства, что обеспечивает лаконичность и прямоту коммуникации. В таджикском языке нередко используются сложные глагольно-именные сочетания, стативные конструкции и фразеологически окрашенные выражения, придающие высказыванию дополнительную экспрессивную глубину и семантическую многослойность.

Сопоставительный анализ показывает, что при наличии универсального

психологического ядра эмоций их языковое выражение существенно варьируется в зависимости от жанра, дискурса и культурно-языковых норм. Корпусно-прагматический подход позволяет выявить, каким образом эмоции не только обозначаются, но и функционируют в коммуникации, регулируя взаимодействие, интерпретацию и оценку происходящего в разных языковых сообществах.

Прагматически эмоции функционируют в различных коммуникативных режимах — от непосредственного и спонтанного выражения чувств в разговорной речи до опосредованного, контекстуально обусловленного проявления в художественных текстах, официальных выступлениях и публичном дискурсе. В таджикском языке особое значение придаётся эмоциональной окраске высказывания в сочетании с нормами вежливости и уважения, что проявляется в использовании смягчающих формул, косвенных конструкций и метафорических выражений. Английская коммуникация в большей степени ориентирована на ясность, функциональность и прагматическую прозрачность, однако в художественной литературе и публицистике данный язык также демонстрирует широкий спектр выразительных средств.

Корпусные исследования и прагматический анализ аутентичных языковых данных позволяют выявить особенности функционирования эмоциональной лексики в живой речи. Это имеет принципиальное значение для переводоведения и межкультурной коммуникации, поскольку знание прагматических нюансов эмоций способствует выработке адекватных переводческих стратегий, совершенствованию систем автоматической обработки языка (NLP), а также повышению эффективности преподавания иностранных языков.

Эмоции представляют собой фундаментальный компонент человеческой коммуникации и выражаются не только на невербальном уровне, но и посредством языка. Существенную роль при этом играют лексико-семантические категории, в частности синонимия и антонимия. В

таджикском и английском языках выражение эмоций обусловлено как внутренними языковыми закономерностями, так и культурно-прагматическими факторами

С прагматической точки зрения эмоции могут рассматриваться как речевые акты, обладающие определённой интенцией и перлокутивным эффектом, то есть способностью воздействовать на адресата. Так, английское высказывание “I am delighted” передаёт высокую степень положительной эмоции, тогда как таджикское “Ман бисёр шодам”, при семантической близости, отличается иной культурной интонацией и степенью экспрессивности.

Языковые средства выражения эмоций в таджикском и английском языках реализуются через лексические и фразеологические единицы, которые фиксируют различные эмоциональные состояния человека и их интенсивность. В сопоставляемых языках эмоциональная лексика формирует устойчивые семантические группы, отражающие положительные и отрицательные эмоциональные переживания, а также их градацию по степени выраженности.

В английском языке эмоциональные состояния радости и удовлетворения могут выражаться такими единицами, как happy, glad, joyful, thrilled, content, которые различаются по степени интенсивности и характеру эмоционального переживания. Эмоциональное состояние печали и подавленности репрезентируется лексемами sad, gloomy, depressed, heartbroken, отражающими различные степени негативного эмоционального состояния.

В таджикском языке аналогичные эмоциональные состояния передаются единицами хурсанд, шод, фарахманд, мамнун, болидахотир, которые выражают положительные эмоции с различной степенью интенсивности и стилистической окраски. Отрицательные эмоциональные состояния репрезентируются лексемами андӯхгин, ғамгин, парешон, афсурда, дилозурда, отражающими спектр эмоционального дискомфорта и внутреннего

переживания.

Таким образом, сопоставительный анализ показывает, что репрезентация микрополя эмоций в таджикском и английском языках осуществляется через систему лексических единиц, которые различаются по семантической насыщенности, степени интенсивности и функциональной нагрузке. При передаче эмоционального содержания важную роль играет не только словарное соответствие, но и контекстуальная реализация, прагматическая направленность высказывания и национально-культурная специфика языковых средств.

Разделы третьей главы были посвящены анализу средств выражения эмоций в английской художественной прозе на материале произведений Чарльза Диккенса, Джейн Остин и других представителей классической литературы. Исследование показало, что эмоциональная репрезентация в художественном тексте формируется не только за счёт лексических средств, но и посредством контекста, стилистических приёмов, авторской оценки и речевой характеристики персонажей, что обеспечивает создание эмоционально насыщенного художественного пространства.

В разделах был проведён сопоставительный анализ прагматических функций и языковых средств выражения эмоций в таджикском и английском языках. Установлено, что при наличии общего психологического основания эмоций способы их языковой реализации существенно различаются. В таджикском языке преобладают метафорические и фразеологические формы, ориентированные на косвенное и культурно маркированное выражение чувств, тогда как в английском языке более характерно прямое использование эмоционально окрашенных прилагательных, глаголов и оценочных конструкций.

В целом результаты третьей главы позволяют представить целостную картину лексических, семантических и прагматических особенностей выражения эмоций в таджикском и английском языках. Полученные выводы расширяют представления о механизмах эмоциональной коммуникации в

разных языковых культурах и обладают практической значимостью для теории и практики перевода, преподавания иностранных языков, а также для исследований в области межкультурного взаимодействия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе данного исследования с сравнительной точки зрения изучалось представление микрополя “эмоций” в языках с различной структурой — таджикском и английском языках. Результаты исследования показали, что эмоции являются одним из важных элементов языковой картины мира, выражаемых различными лексическими, фразеологическими, грамматическими и стилистическими средствами.

Было установлено, что в обоих языках микрополе эмоций имеет ядровую и периферийную структуру. Ядро включает лексические единицы, выражающие основные эмоции, такие как радость, печаль, страх, гнев, любовь и удивление. Периферийная часть микрополя состоит из фразеологических единиц, образных выражений, стилистических средств и контекстуальных форм выражения эмоций.

Лексико-семантический анализ ключевых эмоциональных единиц подтвердил многоаспектность и многозначность эмоциональной лексики, формируемой под влиянием как общечеловеческих эмоциональных категорий, так и культурно обусловленных семантических оттенков. Были выявлены особенности семантической структуры и функциональной нагрузки слов и фразеологических единиц, отражающих базовые эмоции в таджикском и английском языках.

Национально-культурная специфика эмоциональной лексики напрямую связана с историческими, социальными и культурными традициями носителей языка. В таджикском языке значительное место занимают метафорические и фразеологические конструкции, насыщенные национальными символами и отражающие менталитет народа.

Английский язык, напротив, характеризуется более прямым и универсализированным способом выражения эмоций, что обусловлено особенностями его лингвокультурного контекста.

Результаты проведенного нами исследования огромного фактического материала позволяют сделать некоторые частные выводы, представляющие

интерес для нашего исследования:

1. Проведённый сравнительно-сопоставительный анализ показал, что вербализация эмоций в таджикском и английском языках подчиняется как универсальным закономерностям человеческой коммуникации, так и специфике национально-культурных традиций [1-А].

2. Эмоциональная лексика в обоих языках отражает общее психологическое ядро эмоций, однако способы их языкового оформления, степень эксплицитности и прагматические функции существенно различаются. [3-А].

3. В классической таджикской художественной литературе преобладает имплицитное, образное выражение чувств, реализуемое через метафоры, символику, природные ассоциации и контекстуальные описания. Эмоциональное состояние персонажа чаще реконструируется читателем опосредованно — через описание ситуации, окружающего пространства или внутреннего переживания [1-А].

4. В английской художественной прозе, напротив, более характерна прямая вербализация эмоций, при которой чувства персонажей открыто называются с помощью эмоционально маркированных прилагательных и глаголов, что делает эмоциональное состояние более явным и определённым. [4-А].

5. В медийных текстах сопоставляемых языковых культур эмоциональная лексема, как правило, реализуется в сдержанной форме и подчиняется требованиям объективности и нейтральности изложения. Вместе с тем в англоязычной журналистике наблюдается более частое использование оценочных элементов и экспрессивно окрашенной лексики, что усиливает воздействующий потенциал текста [5-А].

6. В таджикских средствах массовой информации, напротив, преобладает ориентация на формально-нейтральный стиль, характеризующийся ограниченным использованием открытых эмоционально-оценочных средств и стремлением к минимизации субъективной экспрессии [4-А].

7. Контекстуальный анализ художественных текстов Садриддина Айни, Рахима Джалила, Фазлиддина Мухаммадиева и их англоязычных аналогов позволил подчеркнуть ключевую роль контекста в точной передаче эмоционального состояния персонажей, а также выявить взаимодействие языка с нарративной структурой художественного произведения [3-А].

8. Сопоставление с англоязычными материалами выявило типологические различия, обусловленные не только грамматическими и лексическими характеристиками языков, но и когнитивными и культурными моделями восприятия эмоций. Это подтверждает необходимость комплексного междисциплинарного подхода к межъязыковому анализу [4-А].

9. Наиболее интенсивная эмоциональная экспрессия наблюдается в языке социальных сетей, где доминирует разговорный стиль, активно используются эмодзи, междометия, повторы и сленговые единицы. В этом коммуникативном пространстве отмечается определённое стилистическое сближение таджикского и английского языков под влиянием глобального цифрового общения, однако различия в выборе лексических средств и формах выражения эмоций сохраняются [4-А].

10. Сравнительно-сопоставительный анализ микрополя эмоций в таджикском и английском языках позволил выявить как универсальные, так и типологически специфические особенности вербализации эмоциональных состояний [5-А].

11. Структурная организация микрополя эмоций в двух языках обусловлена их типологическими характеристиками. Таджикский язык, обладая флективно-аналитической природой и развитой системой образных средств, широко использует метафорические и фразеологические способы выражения эмоций. Английский язык как аналитический характеризуется высокой долей синтаксически оформленных эмоциональных конструкций и лексически явных средств выражения чувств [1-А].

12. Микрополе эмоций представляет собой подсистему лексико-семантического поля, включающую единицы, обозначающие эмоциональные состояния человека (радость, страх, гнев, любовь и др.), при этом тип языка

влияет на форму и частотность их употребления [3-А].

13. В таджикском языке эмоциональность чаще реализуется имплицитно — через контекст, устойчивые фразеологизмы, символические образы и культурно маркированные ассоциации [5-А].

14. В английском языке преобладает более прямая и лексически эксплицитная репрезентация эмоций с активным использованием прилагательных, наречий, междометий и стандартных оценочных клише [4-А].

15. В обоих языках микрополе эмоций включает лексемы с положительной, отрицательной и нейтральной коннотацией, однако их соотношение и прагматическое функционирование различаются в зависимости от жанра, стиля и коммуникативной ситуации [1-А].

16. Эмоциональная лексика в медийных и цифровых контекстах, включая социальные сети, демонстрирует тенденции к сближению, при этом национально-культурная специфика эмоционального выражения сохраняется [3-А].

17. Лексика эмоций представляет собой сложный междисциплинарный объект исследования, находящийся на пересечении лексикологии, семантики, прагматики, культурологии и психолингвистики. В таджикском и английском языках она различается по формам выражения, прагматическим функциям и культурной маркированности [2-А].

18. В таджикском языке эмоциональная лексика тесно связана с национально-культурными представлениями и традициями и чаще реализуется через перифразы, фразеологизмы и контекстуальные образы. Английский язык, в свою очередь, предпочитает более прямые формы выражения эмоций, используя эмоционально маркированные прилагательные, глаголы и наречия [1-А].

19. Теоретическая основа анализа строится на когнитивной лингвистике, включая понятия понятий, когнитивную структуру восприятия и эмоций, а также подходы семантической типологии, позволяющие проводить

межъязыковые сравнения эмоциональных единиц [4-А].

20. Методологически исследование требует комплексного подхода: сочетание контрастивного анализа, семантического моделирования, корпусных методов и прагмалингвистического описания позволяет глубже выявить типологические особенности эмоциональной лексики в разноструктурных языках [4-А].

21. Исследование эмоциональной лексики таджикского и английского языков с позиций современной лингвистики способствует углублению представлений о языковой картине мира и обладает практической значимостью для перевода, преподавания иностранных языков, межкультурной коммуникации и формирования эмотивной компетенции [1-А].

22. Изучение эмоциональной лексики таджикского и английского языков с точки зрения современной лингвистики способствует более глубокому пониманию языкового пространства мира и имеет практическое значение для перевода, преподавания иностранных языков, межкультурной коммуникации и развития эмоциональной компетентности [5-А].

РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ПРАКТИЧЕСКОМУ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Результаты проведённого исследования могут быть использованы в ряде прикладных областей гуманитарного знания и образовательной практики.

2. В сфере преподавания иностранных языков материалы и выводы работы целесообразно внедрять в учебные курсы по межкультурной коммуникации, прагматике и лексикологии, а также при обучении английскому и таджикскому языкам как иностранным.

3. Особую практическую ценность представляет анализ эмоционально окрашенной лексики и фразеологии, позволяющий формировать у обучающихся навыки адекватного восприятия и выражения эмоций с учётом культурного контекста и коммуникативной ситуации.

4. В области переводоведения полученные результаты могут быть использованы в практике художественного, публицистического и медийного перевода.

5. Практическая значимость также заключается в том, что результаты могут быть использованы при разработке учебных пособий, методических материалов и двуязычных словарей, посвященных узкой области эмоций. Такие словари могут отражать лексико-семантические и практические особенности эмоциональной лексики, а также предоставлять культурный контекст и рекомендации по переводу.

6. В будущем исследования могут быть направлены на расширение корпуса анализируемых текстов за счет включения других жанров, включая поэзию и драматургию, а также на изучение диалектических и региональных типов эмоциональной лексики. Еще одним аспектом является использование методов сравнительного и эмпирического анализа для более детального изучения роли эмоций в устной и письменной коммуникации в современную эпоху.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

I. Научная литература

1. Авербух, К.Я. Лексические и фразеол. аспекты перевода: учебное пособие [Текст] / К.Я. Авербух М.: Издательский центр «Академия», 2009. – 176 с.
2. Азарх, Н.А. Фразеологические единицы в современном английском языке [Текст] / Н.А. Азарх. – М.: Наука, 1965. – 187 с.
3. Айдаров, А. Сравнительная лексикология таджикского и английского языков [Текст] / А. Айдаров. – Душанбе: Дониш, 2015. – 234 с.
4. Алефиренко, Н.Ф. Фразеология и паремиология: учеб. пособие для бакалаврского уровня филологического образования / Н.Ф. Алефиренко, Н. Н. Семенов. – 3-е изд., стер. – Москва: ФЛИНТА, 2018. – 344 с.
5. Алимов, Х.А. Грамматика таджикского языка [Текст] / Х. Алимов. – Душанбе: Ирфон, 2011. – 412 с.
6. Амосова, Н.Н. Основы английской фразеологии [Текст] / Н.Н. Амосова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1963. – 365 с.
7. Апресян, Ю.Д. Идеи и методы современной лингвистики [Текст] / Ю.Д. Апресян. – М., 1995. – 301 с.
8. Апресян, Ю.Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка [Текст] / Ю.Д. Апресян; Академия наук СССР, Институт русского языка. – Москва: Наука, 1974. – 367 с.
9. Апресян, Ю.Д. Метафора в толковании эмоций [Текст] / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания, 1993. – №3. – С.27-35.
10. Арнольд, И.В. Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов [Текст]. – 7-е изд. / И.В. Арнольд. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 384 с.
11. Арсентьева, Е.Ф. Сопоставительный анализ фразеологических единиц, выражающих характер человека, в английском и русском языках: дис... канд. филол. наук [Текст] / Е.Ф. Арсентьева. – Казань, 1989. – 125 с.

12. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека [Текст] / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 911 с.
13. Ахманова, О.С. Основы сравнительной типологии языков [Текст] / О.С. Ахманова. – М.: ЛКИ, 2007. – 296 с.
14. Ахмедов, Н. Лексикология таджикского языка [Текст] / Н. Ахмедов. – Душанбе: Маориф, 2007. – 243 с.
15. Бабенко, Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке [Текст] / Л.Г. Бабенко. – Свердловск: Изд. Урал ун-та, 1989. – 184 с.
16. Балли, Ш. Французская стилистика [Текст] / Ш. Балли. – М., 1961. – 393 с.
17. Берлизон, С.Б. Эмоциональное значение и его разновидности (на материале лексики и фразеологии современного английского языка [Текст] / С.Б. Берлизон // Тезисы VII межвуз. науч. конференции по романогерманскому языкознанию. Секция «Вопросы семасиологии». – Пятигорск, 1970. – С. 6-10;
18. Блох, М.Я. Теоретическая грамматика английского языка [Текст] / М. Я. Блох. – М.: Высшая школа, 2004. – 423 с.
19. Бобоева, М.М. Семантика и валентность глаголов эмоционального состояния в таджикском и немецком языках: дисс. канд. филол. наук. [Текст] / М.М. Бобоева. – Душанбе, 2019. – 170 с
20. Бондарко, А.В. Теоретические проблемы русской грамматики [Текст] / А.В. Бондарко. – СПб., 2004. – 208 с.
21. Буянова, Л.Ю. Эмотивность и эмоциогенность языка: механизмы экспликации и концептуализации: монография [Текст] / Л.Ю. Буянова, Ю.П. Нечай. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2006. – 277 с.
22. Ван Дейк, Т.А. Язык. Познание. Коммуникация [Текст] / Т.А. Ван Дейк. – М.: Высшая школа, 1989. – 307 с.
23. Вежбицкая, А. Понимание культур через ключевые слова [Текст] / А. Вежбицкая. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.

24. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков [Текст] / А. Вежбицкая. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 776 с.
25. Вежбицкая, А. Этнолингвистика и эмоции: опыт анализа культурно-специфических концептов языков [Текст] / А. Вежбицкая. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 189 с.
26. Вежбицкая, А. Язык и культура. Лингвокультурология [Текст] / А. Вежбицкая. – М., 1997. – 1028 с.
27. Вилюнас, В.К. Основные проблемы психологической теории эмоций [Текст] / В.К. Вилюнас // Психология эмоций. Тексты. – М., 1984. – С.3-45.
28. Виноградов, В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке [Текст] / В.В. Виноградов. – М., 1977. – С. 140–161.
29. Виноградов, В.С. Введение в переводоведение [Текст] / В. Виноградов. – М.: ИГЛУ, 2001. – 224 с.
30. Витт, Н.В. Эмоциональная регуляция речи: автореф. дис. д-ра психол. наук. [Текст] / Н.В. Витт – М., 1988. – 42 с.
31. Власенков, А. И. Русский язык: грамматика. Текст. Стили речи: учебник для 10-11 классов общеобразовательных учреждений [Текст] / А.И. Власенков, Л.М. Рыбченкова. – 11-е изд. – Москва: Просвещение, 2005. – 350 с.
32. Вольф, Е.М. Состояние и признаки. Оценки состояния [Текст] / Е.М. Вольф // Семантические типы предикатов. – М.: Наука, 1982. – 336 с.
33. Выгодский, Л.С. О двух направлениях в понимании эмоций в зарубежной психологии начала XX века [Текст] / Л.С. Выгодский // Вопросы психологии, 1968. – №2. – С. 112-136.
34. Гак, В.Г. К проблеме семантической синтагматики [Текст] / В.Г. Гак // Проблемы структурной лингвистики. – М.: Наука, 1972. – С. 367-395.
35. Гак, В.Г. Фразеология, образность и культура [Текст] / В.Г. Гак // Лингвистика, 1988. – С. 159-170.
36. Галкина-Федорук, Е.М. Об экспрессивности и эмоциональности в

языке [Текст] / Е.М. Галкина-Федорук // Сб. ст. по языкознанию: проф. Моск. ун-та акад. В.В. Виноградову [в день его 60-летия] / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова; под общ. ред. А.И. Ефимова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1958. – С. 103-124.

37. Гаффаров, Н. Услуби бадеии насри тоҷик [Матн] / Н. Гаффаров. – Душанбе, 1966. – 225 с.

38. Гаффаров, Р. Язык и стиль Рахима Джалила (на материале романа «Пулат») [Текст] / Р. Гаффаров. – Душанбе, 1966. – 223 с.

39. Гийом, Г. Принципы теоретической лингвистики: сборник неизданных текстов, подготовленный под руководством и с предисловием Р. Валена [Текст] / Г. Гийом; перевод с французского П. А. Скредина; общая редакция, послесловие и комментарии Л. М. Скрединой. – 2-е изд., испр. – Москва: Едиториал УРСС, 2004. – 222 с.

40. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. Ҷилди 1. Фонетика ва морфология / зери таҳрири Б. Ниёзмӯҳаммадов, Ш. Рустамов. – Душанбе: Дониш, 1985. – 356 с.

41. Гринь, Г.С. Глагольные фразеологизмы в американском варианте английского языка [Текст] / Г.С. Гринь. – М., 1980. – 255 с.

42. Гумбольдт, В. Язык и философия культуры [Текст] / В. Гумбольдт. – М., 1985. – 614 с.

43. Джамshedов, П. Дж. Очеркҳо оид ба типологияи муқоисавии забонҳои англисӣ ва тоҷикӣ [Матн] / П. Дж. Джамshedов. – Душанбе, 1988. – 127 с.

44. Добросклонская, Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: учеб. пособие [Текст] / Т.Г. Добросклонская. – Москва: Флинта: Наука, 2008. – 264 с.

45. Додонов, Б.И. Эмоция как ценность [Текст] / Б.И. Додонов. – М.: Политиздат, 1978. – 272 с.

46. Должикова, С.Н. Взаимокорреляция лингвистического и психологического компонентов дискурса предметной области «маркетинг»

[Текст] / С.Н. Должикова // Вестник Адыгейского государственного университета, 2008. – № 6. – С. 66-69.

47. Жельвис, В.И. Эмотивный аспект речи [Текст] / В.И. Жельвис // Психолингвистическая интерпретация речевого воздействия. – Ярославль: ЯГПИ им. К.Д. Ушинского, 1990. – 81 с.

48. Жеребило, Т.В. Словарь лингвистических терминов [Текст] / Т.В. Жеребило. – Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань: Изд-во ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.

49. Жолковский, А.К. Машинный перевод и прикладная лингвистика [Текст] / А.К. Жолковский. – М.: МГПИИЯ, 1964. – вып. 8. – С. 17-32.

50. Жуков, А.В. Переходные фразеологические явления в русском языке [Текст] / А.В. Жуков // Проблемы языкознания, 1996. – С. 93-101.

51. Жукова, В.В. Семантическая структура фразеологических единиц [Текст] / В. В. Жукова. – Москва: Высшая школа, 1984. –160 с.

52. Звегинцев, В.А. Мысли о лингвистике [Текст] / В.А. Звегинцев. – Москва: Изд-во МГУ, 1996. – 336 с.

53. Звегинцев, В.А. Семасиология [Текст] / В.А. Звегинцев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1957. – 320 с.

54. Иванова, Е.В. Фразеологическая репрезентация концепта [Текст] / Е.В. Иванова // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии, 2015. – № 12 (55). – С. 46–51.

55. Иванова, О.В. Проблемы передачи эмоционально-насыщенных фрагментов художественного текста в переводе [Текст] / О.В. Ивановой. – Москва: Международные отношения, 2008. – 214 с.

56. Изард, И. Психология эмоций [Текст] / И. Изард // Пер. с англ. А. Татлыбаева. – СПб.: «Питер», 1999. – 464с.

57. Изард, К. Эмоции человека [Текст] / К. Изард. – М., 1980. – 439 с.

58. Ионова, С.В. Аппроксимация содержания текста: монография [Текст] / С.В. Ионова; под редакцией В. И. Шаховского; Волгоградский

государственный педагогический университет. – Волгоград: Изд-во ВГПУ «Перемена», 2006. – 420 с.

59. Ионова, С.В. Лингвистика эмоций: основные проблемы, результаты и перспективы [Текст] / С.В. Иванова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание, 2012. – № 1 (15). – С. 110-116.

60. Искандарова, Д.М. Фазовые конструкции в таджикском языке [Текст] / Д.М. Искандарова. – Душанбе, 1997. – 108 с.

61. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю.Н. Караулов. – М., 1987. – 264 с.

62. Касимова, М.Н. Особенности интеграции и функционирования заимствованной лексики сферы эмоций в современном таджикском языке / М.Н. Касимова // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет), 2018. – № 2. – С. 68-74.

63. Кацнельсон, С.Д. Типология языка и речевое мышление [Текст] / С.Д. Кацнельсон. – Л.: Наука, 1972. – 297 с.

64. Клобуков, П.Е. Эмоции, сознание, культура (особенности отражения эмоций в языке) [Текст] / П.Е. Клобуков // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: «Филология», 1998. – Вып. 4. – 128 с.

65. Кобозева, И.М. Лингвистическая семантика [Текст] / И.М. Кобозева. – М.: Эдиториал УРСС. 2000. – 352 с.

66. Козлов, Е.В. Об эмоциях в развлекательном повествовании [Текст] / Е.В. Козлов // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал, 2008. – Т. 1, № 10. – С. 24-27.

67. Колшанский, Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке [Текст] / Г.В. Колшанский. – М.: Наука, 1975. – 231 с.

68. Комиссаров, В.Н. Современное переводоведение. Учебное пособие [Текст] / В. Н. Комиссаров. – М.: ЭТС. – 2001. – 424 с.

69. Комри, Б. Языковые универсалии и типология [Текст] / Б. Комри. –

М.: Прогресс, 1989. – 320 с.

70. Коростова, С.В. Эмоционно-оценочные смыслы в английском художественном тексте. Монография [Текст] / С.В. Коростова. – Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2014. – 224 с.

71. Красавский, Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. Монография [Текст] / Н.А.Красавский. – Волгоград: Перемена, 2001. – 495 с.

72. Кубрякова, Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке [Текст] / Е.С. Кубрякова. – М.: 2004. – 560 с.

73. Кунин, А.В. Курс фразеологии современного английского языка: учебник для студентов институтов и факультетов иностр. яз. [Текст] / А.В. Кунин. – М.: Высшая школа, 1989. – 336 с.

74. Кунин, А.В. Механизм окказиональной фразеологической коннотации и проблема оценки [Текст] / А.В. Кунин // Вопросы фразеологии. Сб. научных трудов. – М.: Изд-во Моск. гос. пед. ин.-та иностр. яз., 1980. – Вып. 168. – С. 158-185.

75. Кунин, А.В. Курс фразеологии современного английского языка [Текст] / А.В. Кунин. – М., 2005. – 488 с.

76. Кунин, А.В. Фразеология и менталитет [Текст] / А. В. Кунин. – М., 2002. – 344 с.

77. Кунин, А.В. Фразеология современного английского языка [Текст] / А.В. Кунин. – М, 2002. – 288 с.

78. Лайонз, Дж. Введение в теоретическую лингвистику [Текст] / Дж. Лайонз. – М.: Прогресс, 1978. – 544 с.

79. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живём [Текст] / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М.: УРСС, 2008. – 256 с.

80. Леонтьев, А.А. Основы психолингвистики [Текст] / А.А. Леонтьев. – Москва: Смысл, 1997. – 287 с.

81. Леонтьев, А.А. Психофизиологические механизмы речи [Текст] / А.А. Леонтьев // Общее языкознание: формы существования, функции, история

языка / Под ред. Б.А. Серебренникова. – М.: «Наука», 1970. – 597с.

82. Леонтьев, А.Н. Деятельность, сознание, личность [Текст] / А.Н. Леонтьев. – М.: Изд-во полит. лит., 1975. – 372 с.

83. Лихачёв, Д.С. Поэтика восточной художественной традиции [Текст] / Д.С. Лихачёв. – М., 1985. – 128 с.

84. Лиховидова, Т.В. Фразеологическое толкование коннотативного аспекта значения фразеологических единиц: дисс.канд. филол. наук. [Текст] / Т.В. Лиховидова. – М., 1977. – 188 с.

85. Лосев, А. Ф. Проблемы символа и реалистического искусства [Текст] / А.Ф. Лосев. – М.: Искусство, 1995. – 290 с.

86. Лукьянова, Н.А. Некоторые вопросы диалектной лексикологии: учебное пособие для студентов-филологов [Текст] / Н.А. Лукьянова. – Новосибирск, НГУ, 1979. – 76 с.

87. Лукьянова, Н.А. О соотношении понятий экспрессивность, эмоциональность, оценочность [Текст] / Н.А. Лукьянова // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования, вып. У. – Новосибирск, 1976. – С. 3-21.

88. Лукьянова, Н.А. О соотношении понятий экспрессивность, эмоциональность, оценочность [Текст] / Н.А. Лукьянова. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. унта, 1976. – Вып. 5. – С. 2-18.

89. Лыков, В. А. Лексико-семантические поля и их структура [Текст] / В.А. Лыков. – М.: Наука, 1998. – 134 с.

90. Маджидов, Х. Фразеологическая система современного таджикского литературного языка [Текст] / Х. Маджидов. – Душанбе, 2006. – 406 с.

91. Мамадназаров, А. Таджикский конъюнктив в сопоставительно-типологическом освещении: на материале таджикского и английского языков: дис. канд. филол. наук. [Текст]/ А. Мамадназаров. – Душанбе, 1986. – 193 с.

92. Маслова, В.А. Лингвокультурология [Текст] / В.А. Маслова. – М.: Академия, 2001. – 208 с.

93. Маслова, В.А. Параметры экспрессивного текста [Текст] / В.А. Маслова // Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности. АН СССР, Институт языкознания. – М.: Наука, 1991. – С. 179-204.
94. Мачидов, Ҳ.М. Баъзе роҳҳои ташаккули воҳидҳои фразеологӣ дар забони ҳозираи тоҷикӣ [Матн] / Ҳ.М. Мачидов // Меж.вузов, науч. конф. По иранской филологии (Тезисы докладов). – Душанбе, 1968. – С. 249-251.
95. Мачидов, Ҳ.М. Ибораҳои фразеологии феълӣ [Матн] / Ҳ.М. Мачидов // Мактаби советӣ. – Душанбе, 1967. – №10. – 46 с.
96. Мечковская, Н. Б. Социальная лингвистика [Текст] / Н.Б. Мечковская. – 2-е изд., испр. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 208 с.
97. Мирзоев, Х.А. Эмоциональные выражения в таджикской речи и их социокультурная специфика / Х.А. Мирзоев // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет), 2015. – № 2. – С. 68–71.
98. Михайловская, В.Н. Эмоциональный компонент лексического значения слова и контекст [Текст] / В.Н. Михайловская // Теория и методика преподавания германских языков: сб. науч. тр. – СПб.: Питер, 2002. – С. 42-50.
99. Мокрова, О.Р. Полистатусная презентация категории эмотивности в эмотиологии [Текст] / О.Р. Мокрова // Вестник Башкирского университета, 2008. – Т. 13, № 3. – С. 559-561.
100. Молотков, А.И. Основы фразеологии русского языка [Текст] / А.И. Молотков. – М.: Наука, Ленингр. отд-е., 1977. – 157 с.
101. Мухаммадиев, Ф. Художественные особенности таджикской прозы [Текст] / Ф. Мухаммадиев. – Душанбе, 2008. – 221 с.
102. Мягкова, Е.Ю. Эмоционально-чувственный компонент значения слова [Текст] / Е.Ю. Мягкова. – Курск, 2000. – 112 с.
103. Нажмиддинова, Д.М. Эмотивный дейксис в таджикском и английском языках: семантико-прагматический аспект: дисс. канд. фил. наук.[Текст] / Д.М. Нажмиддинова. Душанбе, 2024. – 187 с.

104. Назирова, М. Фразеологические единицы с компонентом цветообозначения английского, русского и таджикского языков: автореф. канд. фил. наук. [Текст] / М. Назирова. – Душанбе, 2009. – 25 с.
105. Немец, Г.П. Семантико-синтаксические средства выражения модальности в русском языке [Текст] / Г.П. Немец. – Ростов-на-Дону: РГУ, 1989. – 144 с.
106. Николаева, Т.М. Фразовая интонация славянских языков [Текст] / Т.М. Николаева. – М.: Наука, 1977. – 281 с.
107. Новиков, Л.А. Семантика русского языка: учебное пособие [Текст] / Л.А. Новиков. – М.: Высшая школа, 1982. – 272 с.
108. Нудельман, Е.Я. Семантическая информативность эмотивных единиц языка и речи [Текст] / Е.Я. Нудельман, В.И. Шаховский // Системное описание лингвистических явлений германских языков: межвуз. сб. ст. – Куйбышев, 1980. – С. 101-112
109. Ортони, А. Когнитивная структура эмоций [Текст] / А. Ортони, Дж. Клоур, А. Коллинз // Язык и интеллект. – М.: Прогресс, 1996. – 416 с.
110. Пиотровская, Л.А. Эмотивность и дейксис [Текст] / Л.А. Пиотровская // XLIII Международная филологическая конференция. – СПб: СПб гос. ун-т., 2015. – С. 321-332.
111. Полякова, И.А. Название статьи / И. А. Полякова // Название журнала. – 2024. – Т. X, № X. – С. 560-565.
112. Помыкалова, Т.Е. Семантико-типологический аспект фразеологического признака в русском языке [Текст] / Т.Е. Помыкалова. – Челябинск: ООО «Рекпол», 2006. – 223 с.
113. Почиталкина, Н.Е. Синонимические отношения фразеологических единиц признака эмоционального состояния лица или живого существа [Текст] / Н.Е. Почиталкина. // Метеор-Сити, 2016. – № 1. – С. 51-54.
114. Почиталкина, Н.Е. Фразеологизмы признака-репрезентанты эмоционального состояния лица или живого существа в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. фил. наук. [Текст] / Н.Е. Почиталкина. –

Челябинск, 2011. – 24 с.

115. Пумпянский, А.Л. Введение в практику перевода научной и технической литературы на английский язык [Текст] / А.Л. Пумпянский. – Москва: Наука, 1965. – 302 с.

116. Разинкина, Н.М. Стилистика английской научной речи. Элементы эмоционально-субъективной оценки [Текст] / Н.М. Разинкина. – М.: Наука, 1972. – 168 с.

117. Рахимов, А. Забони эҳсос дар адабиёти тоҷик [Матн] / А. Раҳимов. – Душанбе: Ирфон, 2015. – 188 с.

118. Рахимов, Б. Фарҳанги ибораҳои тоҷикӣ [Матн] / Б. Раҳимов. – Душанбе: Ирфон, 2014. – 240 с.

119. Рахимов, М. Лингвокультурология таджикского языка [Текст] / М. Рахимов. – Душанбе: Дониш, 2012. – 157 с.

120. Рахимов, М. Фразеологияи забони тоҷикӣ [Матн] / М. Раҳимов. – Душанбе: Маориф, 2008. – 210 с.

121. Рахимов, Н. Забон ва фарҳанг: масъалаҳои лингвокультурологияи тоҷикӣ [Матн] / Н. Раҳимов. – Душанбе: Дониш, 2015. – 284 с.

122. Рахимов, С.Р. Языковая картина мира и национальное мышление [Текст] / С.Р. Рахимов. – Душанбе: Маориф, 2018. – 198 с.

123. Рахимова, Ш.Б. Эмотивные глаголы как компонент функционально семантического поля эмотивности в русском и таджикском языках: диссер. ... канд. фил. наук. [Текст] / Ш.Б. Рахимова. – Душанбе, 2010. – 212с.

124. Рахматов, А. Фразеология таджикского языка [Текст] / А. Рахматов. – Душанбе, 2012. – 156 с.

125. Реформатский, А.А. Введение в языковедение [Текст] / А.А. Реформатский; под ред. В.А. Виноградова. – Москва: Аспект Пресс, 1996. – 536 с.

126. Робияи, Ш. Исследование фразеологических единиц, выражающие эмоции в лингвистическом лингвокультурологическом аспектах разносистемных языков [Текст] / Ш. Робия // Вестник педагогического

университета, 2025. – № 2 (115). – С. 74-79.

127. Робияи, Ш. Роҳҳои тарҷумаи фразеологизмҳо аз забони англисӣ ба забони тоҷикӣ [Матн] / Ш.Робия // Вестник педагогического университета, 2023. – №5 (106). – С- 88-93.

128. Романова, Т.В. Модальность. Оценка. Эмоциональность: монография [Текст] / Т.В. Романова. – Нижний Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2008. – 310 с.

129. Ромашина, О.Ю. Дифференциальные характеристики и семантические признаки англоязычных заимствованных терминов из области косметологии в русском и македонском языках / О.Ю. Ромашина, С. Трендевска // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания, 2022. – Т. 41, № 3. – С. 608-616.

130. Рубинштейн, С.Л. Эмоции [Текст] / С.Л. Рубинштейн // Психология эмоций. Тексты. Под ред. В. К. Виллюнаса, Ю. Б. Гиппенрейтер. – М.: Изд-во Моск. унта, 1984. – 288 с.

131. Саидзода, Х. Фразеология таджикского языка: лексико-семантический аспект [Текст] / Х. Саидзода. – Душанбе: Ирфон, 2019. – 208 с.

132. Саидзода, Х. Эмоции и фразеология в таджикском языке [Текст] / Х. Саидзода. – Душанбе, 2018. – 148 с.

133. Саидов, М. Масъалаҳои поэтикаи адабиёти Шарқ [Матн] / М. Саидов. – Душанбе, 1995. – 170 с.

134. Саидов, Н. Забон ва фарҳанг [Матн] / Н. Саидов. – Душанбе: Ирфон, 2014. – С. 68-76.

135. Салимзода, Р.Д. Фразеологизми тоҷикӣ: сохтор ва маъно [Матн] / Р. Салимзода. – Душанбе: Ирфон, 2012. – 278 с.

136. Сандомирская, И.И. Эмотивный компонент в значении глагола (на материале глаголов, обозначающих поведение) [Текст] / И.И. Сандомирская // Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности. АН СССР, институт языкознания. – М.: Наука, 1991. – С. 114-136.

137. Сафаров, Н. Прагматикаи нутқи тоҷикӣ [Матн] / Н. Сафаров. –

Душанбе: Маориф, 2018. – 210 с.

138. Сафяллоева, Л.С. Языковые и неязыковые средства репрезентации базовых эмоций человека во французской и таджикской языковых картинах мира (на материале художественной литературы): дисс...канд. фил. наук. [Текст] / Л.С. Сафяллоева – Душанбе, 2025. – 177 с.

139. Симонов, П.В. Эмоциональный мозг [Текст] / П.В. Симонов. – М.: «Наука», 1981. – 216 с.

140. Скаличка, В. Типология языков и пражская лингвистическая школа [Текст] / В. Скаличка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика. – Москва: Прогресс, 1989. – С. 27–36.

141. Современный русский язык. Анализ языковых единиц: в 3 ч. Ч. 2. Морфология. Синтаксис [Текст] / Е. И. Диброва, Л. Л. Касаткин, Н. А. Николина [и др.]; под редакцией Е. И. Дибровой. – Москва: Академия, 2001. – 704 с.

142. Сребрянская, Н.А. Эмотивная лингвистика-перспективное направление лингвистических исследований [Текст] / Н.А. Сребрянская // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, 2008. – № 2. – С. 282-284.

143. Стадульская, Н.А. Эмоционально-оценочный и экспрессивный компоненты в семантике прагматонимов [Текст] / Н.А. Стадульская // Вестник Томского государственного педагогического университета, 2007. – № 4. – С. 36-41.

144. Степанов, Ю.С. В трехмерном пространстве языка (Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусств) [Текст] / Ю.С. Степанов. – М.: Наука, 1985. – 335 с.

145. Стернин, И.А. Проблемы анализа структуры значения слова [Текст] / И.А. Стернин. – Воронеж, 1979. – 156 с.

146. Танькова, Г.В. Опыт вычленения эмотивной семы и анализ ее актуализации [Текст] / Г.В. Танькова, В.И. Шаховский // Теоретические вопросы английской филологии. – Горький: Изд-во Гор. гос. пед. ин.-та

иностр. яз., 1974. – С. 111-123.

147. Тарасов, Е.Ф. К построению теории речевой коммуникации [Текст] / Е.Ф. Тарасов // Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. / Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов, А. М. Шахнарович. – М.: Наука, 1979. – 328 с.

148. Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц [Текст] / В.Н. Телия. – М.: Наука, 1986. – 143 с.

149. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты [Текст] / В.Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 228 с.

150. Тихомиров, О. К. Психология мышления: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений [Текст] / О.К. Тихомиров. – М.: Изд. центр «Академия», 2002. – 288 с.

151. Труфанова, И.В. Прагматика несобственно-прямой речи. Монография [Текст] / И.В. Труфанова. – М.: «Прометей», 2000. – 569 с.

152. Турсунов, Ф.М. Сопоставительное исследование безэквивалентной лексики в лингвокультурном и переводческом аспектах (на материале английского и таджикского языков: дисс... док. филол. наук. [Текст] / Ф.М. Турсунов. – Душанбе, 2016. – 358 с.

153. Уфимцева А.А. Лексическое значение: Принцип семасиологического описания лексики [Текст] / А.А. Уфимцева. – М., 1986. – 239 с.

154. Уфимцева, А.А. Опыт изучения лексики как системы [Текст] / А.А. Уфимцева. – М., 1962. – 287с.

155. Уфимцева, А.А. Слово в лексико-семантической системе языка [Текст] / А.А. Уфимцева. – М., 1968. – 272 с.

156. Уфимцева, А.А. Теории “семантического поля” и возможности их применения при изучении словарного состава языка [Текст] / А.А. Уфимцева // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. – М., 1961. – С. 30-38.

157. Уфимцева, Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность

[Текст] / Н.В. Уфимцева; Ин-т языкознания РАН. – Москва; Калуга: Эйдос, 2011. – 252 с.

158. Файзиева, С.А. Семантические классы глаголов эмоционального ощущения в таджикском и русском языках: автореф канд. филол. наук. [Текст] / С.А. Файзиева. – Душанбе, 2009. – 25 с.

159. Филимонова, О.Е. Язык эмоций в английском тексте. Когнитивный и коммуникативный аспекты: монография [Текст] / О.Е. Филимонова. – СПб., 2001. – 259 с.

160. Формановская, Н.И. Эмоции, чувства, интенции, экспрессия в языковом и речевом выражении [Текст] / Н.И. Формановская // Эмоции в языке и речи: сб. науч. ст. ред. И. А. Шаронова. – М.: РГГУ, 2005. – С. 106-109.

161. Хакимова, М.М. Табу и эвфемизмы в таджикском и английском языках [Текст] / М.М. Хакимова // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. – Худжанд, 2016. – № 1 (42). – С.5-10.

162. Халикова, З.К. Семантический анализ глаголов и глагольных сочетаний эмоционального отношения и состояния в русском и таджикском языках: на материале глаголов семантического класса «любовь и ненависть»: автореф. канд. филол. наук. [Текст] / З.К. Халикова. – Душанбе, 2010. – 24 с.

163. Холов, А.Х. Синтаксиси забони тоҷикӣ [Матн] / А.Х. Холов. – Душанбе: Ирфон, 2015. – 234 с.

164. Чоршанбиева, З.А. Лексико-семантическое поле «отрицательные эмоции» в английском и таджикском языках: когнитивно-прагматический аспект: автореф. канд. филол. наук. [Текст] / З.А. Чоршанбиева. – Душанбе, 2020. – 25 с.

165. Шаховский, В.И. Значение и эмотивная валентность единицы языка и речи [Текст] / В.И. Шаховский // Вопросы языкознания. – М., 1984. – Вып. 6. – С. 97-103.

166. Шаховский, В.И. К теоретической и прикладной лингвистике эмоций [Текст] / В.И. Шаховский // Филология. Philologica. – Краснодар, 1995.

– № 7. – С. 49-52.

167. Шаховский, В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка [Текст] / В.И. Шаховский. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1987. – 193 с.

168. Шаховский, В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе (на материале англ. яз.): дисс. ... д-ра филол. наук. [Текст] / В.И. Шаховский. – М., 1988. – 402 с.

169. Шаховский, В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка: монография / В.И. Шаховский. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Москва: Издательство ЛКИ, 2008. – 208 с.

170. Шаховский, В.И. Лингвистическая теория эмоций [Текст] / В.И. Шаховский. – М.: Гнозис, 2008. – 417 с.

171. Шаховский, В.И. Соотносится ли эмотивное значение слова с понятием? [Текст] / В.И. Шаховский // ВЯ, 1987. – № 5. – С. 47-58.

172. Шлейхер, А. Немецкий язык (извлечения) [Текст] / А. Шлейхер // История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. – М., 1960. – Ч. 1. – С. 110-116.

173. Экман, П. Эмоции и лицо: язык универсальных эмоций [Текст] / П. Экман. – М.: Академический проект, 2000. – 331 с.

174. Якобсон, П.М. Психология чувств [Текст] / П.М. Якобсон. – М.: Изд. Акад. пед. наук РСФСР, 1958. – 384 с.

175. Якобсон, Р. Лингвистика и поэтика [Текст] / Р. Якобсон // Структурализм: «за» и «против». – М., 1975. – С. 193-227.

176. Aitchison, J. Words in the mind: an introduction to the mental lexicon [Text] / J. Aitchison. – Oxford: Basil Blackwell, 1987. – 158 p.

177. Apresyan, U.D. Serdit'sya 'to anger' and its Synonems: Towards a New Type of Synonym Dictionary [Text] / Ю.Д. Апресян // le mot, les mots, les bons mots. Words Words, Witty Words. -Monterial: Les presses de l'Universite de Montreal, 1992. – P. 149-167.

178. Baker, M. In Other Words: A Coursebook on Translation (new print)

[Text] / M. Baker – London: Routledge, 2018. – 343 p.

179. Baker, M. In Other Words: A Coursebook on Translation [Text] / M. Baker. – London: Routledge, 2011. – 332 p.

180. Besemeres, M. Emotion terms as a window on culture, social psychology and subjective experience [Text] / M. Besemeres, A. Wierzbicka // Язык и эмоции: номинативные и коммуникативные аспекты. Волгоград, 2009. – С. 14–31.

181. Caffi, C. Toward a Pragmatics of Emotive Communication [Text] / C. Caffi, R. Janney // Journal of Pragmatics. – 1994. – Vol. 22, No. 3-4. – P. 325–373.

182. Crystal, D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language (new print). [Text] / D. Crystal. – Cambridge: Cambridge University Press, 2019. – 500 p.

183. Crystal, D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language [Text] / D. Crystal. – Cambridge: CUP, 2003. – 506 p.

184. Crystal, D. The English Language [Text] / D. Crystal. – London: Penguin Books, 2003. – 506 p.

185. Danes, F. Cognition and Emotion in Discourse Interaction: A Preliminary Survey of the Field [Text] / F. Danes // Preprints of the Plenary Session papers / XIVth International Congress of Linguistics. Berlin. 10-15 August 1987. – Berlin, 1987. – P. 272-291.

186. Dixon, T. From Passions to Emotions [Text] / T. Dixon. – Cambridge: CUP, 2003. – 287 p.

187. Edmondson, W. Affect and Language Development [Text] / W. Edmondson. – Tübingen: Niemeyer, 1992. – 513 p.

188. Edwards, D. Emotion in Discourse [Text] / D. Edwards // Culture & Psychology, 1999. – Vol. 5, No. 3. – P. 271-291.

189. Ekman, P. Motions Revealed: Recognizing Faces and Feelings to Improve Communication and Emotional Life [Text] / P. Ekman. – New York: Henry Holt and Company, 2007. – 320 p.

190. Fernando, C. Idioms and Idiomaticity [Text] / C. Fernando. – Oxford: Oxford University Press, 1996. – 240 p.

191. Fromkin, V. An Introduction to Language [Text] / V. Fromkin, R. Rodman, N. Hyams. – Boston: Cengage Learning, 2014. – 624 p.
192. Goleman, D. Emotional Intelligence: Why It Can Matter More Than IQ [Text] / D. Goleman. – Bantam, 1997. – First Edition. – 352 p.
193. Greenbaum, S. A Student's Grammar of the English Language [Text] / S. Greenbaum, R. Quirk. – London: Longman, 1990. – 218 p.
194. Hofstede, G. Culture's Consequences [Text] / G. Hofstede. – London: Sage, 2001. – 616 p.
195. Huddleston, R. The Cambridge Grammar of the English Language [Text] / R. Huddleston, G. Pullum. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – 1860 p.
196. Jackson, J.C. Emotion semantics show both cultural variation and universal structure [Text] / J. C. Jackson, J. Watts, T. Henry [et al.] // Science, 2019. – Vol. 366, No. 6472. – P. 1517–1522.
197. Kövecses, Z. Emotion Concepts [Text] / Z. Kövecses. – New York: Springer, 2020. – 230 p.
198. Kövecses, Z. Metaphor and Emotion: Language, Culture, and Body in Human Feeling [Text] / Z. Kövecses. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – 244 p.
199. Lakoff, G. Metaphors We Live By [Text] / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago: University of Chicago Press, 1980. – 256 p.
200. Leech, G. Principles of Pragmatics [Text] / G. Leech. – London; New York: Longman, 1983. – 264 p.
201. Leech, G. Semantics [Text] / G. Leech. – Harmondsworth: Penguin Books, 1981. – 172 p.
202. Leech, G. Style in Fiction: A Linguistic Introduction to English Fictional Prose [Text] / G. Leech, M. Short. – 2nd ed. – London; New York: Longman, 2007. – 424 p.

203. Omondi, L. Dholuo emotional language: An overview [Text] / L. Omondi // The Language of Emotions: Conceptualization, Expression, and Theoretical Foundation / ed. by S. Niemeier, R. Dirven. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1997. – P. 87–110.

204. Wierzbicka, A. Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction [Text] / A. Wierzbicka. – Berlin: Mouton de Gruyter, 2003. – 208 p.

205. Wierzbicka, A. Emotions across Languages and Cultures [Text] / A. Wierzbicka. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 349 p.

206. Wierzbicka, A. Understanding Cultures through Their Key Words [Text] / A. Wierzbicka. – Oxford: Oxford University Press, 1997. – 318 p.

II. Словари и справочники

207. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О.С. Ахманова. – М.: КомКнига, 2007. – 608 с.

208. Джамshedов, П. Английско-таджикский словарь [Текст] / П. Джамshedов. – Душанбе: Пайванд, 2007, – 1202 с.

209. Кунин, В. Англо-русский фразеологический словарь = English-Russian Phraseological dictionary: ок. 20000 фразеологич. ед. [Текст] / А. В. Кунин. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Рус. яз., 1984. – 942 с.

210. Лингвистический энциклопедический словарь / главный редактор В. Н. Ярцева. – Москва: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.

211. Фарҳанги забони тоҷикӣ [Матн] / зери таҳрири М. Ш. Шукурова, В.А. Капранова, Р. Ҳошим, Н.А. Маъсумӣ. – М.: Советская энциклопедия, 1969. – Ҷ. 1. – 952 с. ; Ҷ. 2. – 949 с.

212. Фарҳанги ибораҳои заминҳои забони тоҷикӣ [Матн] / М. Фозилов. – Душанбе, 1963. – Ҷ. 1. – 452 с. ; Ҷ. 2. – 428 с.

213. Фарҳанги тоҷикӣ-русӣ [Матн] / зери таҳрири Д. Саймиддинов, С. Д. Холматова, С. Каримов. – Душанбе, 2006. – 526 с.

214. Encyclopedia of the English Language [Text]. – Cambridge: CUP, 2019. – 506 p.

III. Электронные ресурсы

215. Britannica [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.britannica.com> (дата обращения 20.11.2022).

216. Cambridge Dictionary – Emotion. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 21.06.2026).

217. Oxford Learner’s Dictionaries – Emotion. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com> (дата обращения: 21.06.2026).

IV. Художественная литература

218. Айни, С. Акнун навбати қалам аст: Осори баргузида дар ду чилд. Чилди дувум [Матн] / С. Айни. – Душанбе: Ирфон, 1978. – 464 с.

219. Айни, С. Ёддоштҳо. Қ. 1, 2. [Матн] / С. Айни. – Душанбе, 2021. – 436 с.

220. Айни, С. Куллиёт [Матн] / С. Айни. – Душанбе: Адиб, 2010. – 448 с.

221. Айни, С. Намунаи адабиёти тоҷик [Матн] / С. Айни. – Душанбе: Адиб, 2010. – 448 с.

222. Айни, С. Одина [Матн] / С. Айни. Одина. – Душанбе: Дониш, 1992. – 204 с.

223. Айни, С. Собрание сочинений: в 8 т [Текст] / С. Айни. — Душанбе: Ирфон, 1978. – Т. 3. – 304 с.

224. Войнич, Э.Л. Ғурмагас [Матн] / Э.Л. Войнич. – Душанбе 1982. – 320 с.

225. Икромӣ, Ҷ. Асарҳои мунтахаб [Матн] / Ҷ. Икромӣ. Ҷ 4. – Душанбе: Адиб. 1973. – 306 с.

226. Икромӣ, Ҷ. Духтари оташ [Матн] / Ҷ. Икромӣ. – Душанбе: Адиб, 2014. – 560 с.

227. Икромӣ, Ҷ. Шодӣ [Матн] / Ҷ. Икромӣ. – Душанбе: Адиб, 1989. – 384 с.

228. Altick, R. Victorian People and Ideas [Text] / R. Altick. – New York:

W.W. Norton, 1973. – 338 p.

229. Austen, J. *Pride and Prejudice* [Text] / J. Austen. – London: Penguin Classics, 2014. – 448 p.

230. Austen, J. *Pride and Prejudice* [Text] / J. Austen. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – 408 p.

231. Austen, J. *Sense and Sensibility* [Text] / J. Austen. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – 384 p.

232. Bronte, Ch. *Jane Eyre* [Text] / Ch. Bronte; edited with an introduction of M. Smith. – Oxford University Press, 1975. – 496 p.

233. Dickens, C. *Great Expectations* [Text] / C. Dickens. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – 539 p.

234. Twain, M. *The Prince and the Pauper. A tale for young people of all ages* / M. Twain (Samuel L. Clemens). – London: Chatto & Windus, – 1882. – 392 p.

ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

I. В журналах, рекомендованных ВАК при Президенте Республики

Таджикистан:

- [1-А]. Робияи, Ш.К.** Хусусиятҳои фонетикии ҳиссиёт дар забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ [Текст] / Ш.К. Робияи // Вестник педагогического университета. – Душанбе, 2023. – №4 (105). – С. 67-72.
- [2-А]. Робияи, Ш.К.** Исследованье фразеологических единиц, выражающих эмоции в лингвистическом лингвокультурологическом аспектах разносистемных языков [Текст] / Ш.К. Робияи // Вестник педагогического университета. – Душанбе, 2023. – № 5 (106). – С. 74-80.
- [3-А]. Робияи, Ш.К.** Роҳҳои тарҷумаи фразеологизмҳо аз забони англисӣ ба забони тоҷикӣ [Матн] / Ш.Қ. Робияи // Вестник педагогического университета. – Душанбе, 2025. – №2 (115). – С. 88-95.

II. Публикации в других изданиях:

- [4-А]. Робияи, Ш.К.** Когнитивно-эмотивные смысла лексическое значение в языке [Текст] / Ш.К. Робияи // Сборник материалов международной научно-практической конференции на тему “Русский язык – язык мира и межнационального диалога”. – Душанбе, 2024. – С. 245-256.
- [5-А]. Робияи, Ш.К.** Фразеологическое поле категории “умственная деятельность” в русском, английском и таджикском языках [Текст] / Ш.К. Робияи // Сборник материалов республиканской научно-практической конференции на тему “Актуальные вопросы изучения иностранных языков в современных языках”. – Душанбе, 2025. – С. 186-191.